

1812 ГОДЪ

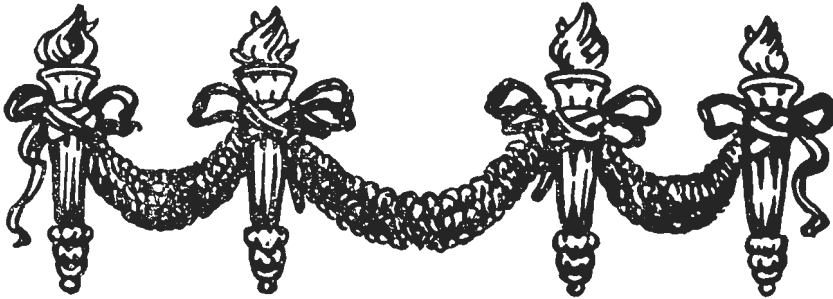
1912 ГОДЪ

П. А. НИВЪ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ВОЙНА

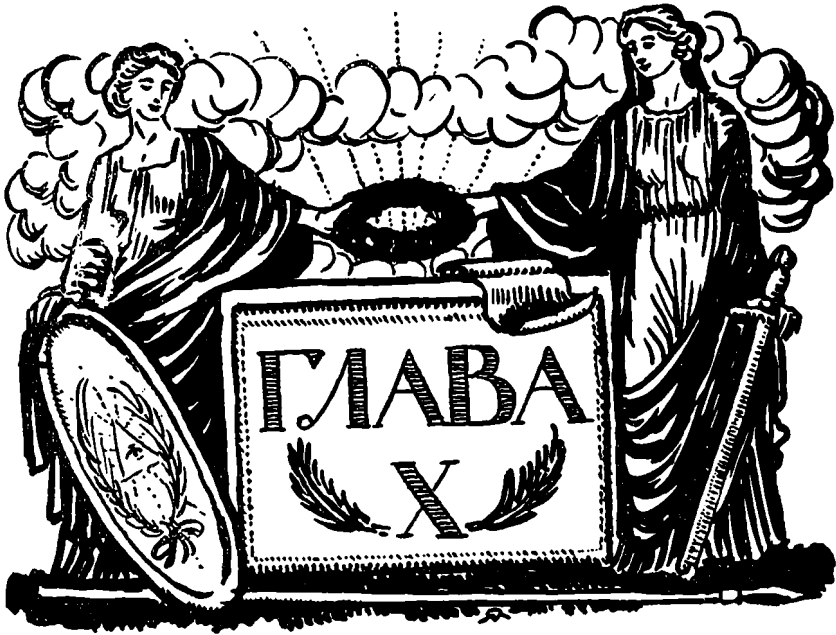

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ МОРСКОГО МИНИСТЕРСТВА, ВЪ ГЛАВНОМЪ АДМИРАЛТЕЙСТВѢ.
1911.

Императоръ Александръ I.

Съ портрета художн. Боровиковскаго, находящатося въ Зимнемъ дворцѣ.

Положеніе русскихъ войскъ подъ Смоленскомъ послѣ соединенія армій. Наступательные предположенія и планы. Военный Совѣтъ 25 іюля.

Расположеніе французовъ по квартирамъ. Общій планъ Наполеона. Наступленіе русскихъ. Дѣло при Молевомъ Болотѣ. Контръ-маневръ Наполеона.

оединившись 22 іюля подъ Смоленскомъ, прежде всего нашимъ войскамъ предстояло озаботиться пополненіемъ своихъ рядовъ, затѣмъ—продовольствія. Все это, понятно, намъ давалось гораздо легче, чѣмъ нашему противнику.

Для пополненія убыли воспользовались сосредоточенными въ Смоленскѣ 17 батальонами подъ начальствомъ генерала Винцингероде; изъ нихъ 10 батальоновъ пошли на усиленіе 1-й, а остальные 7 батальоновъ—2-й арміи. Точно также распредѣлили по арміямъ и артиллерію (4 роты);

8 же эскадроновъ конницы посланы были въ Калугу, гдѣ они составили кадръ формировавшагося тамъ резерва подъ начальствомъ Милорадовича.

Для окончательнаго выясненія дальнѣйшаго образа нашихъ дѣйствій 25 іюля созванъ былъ военный совѣтъ; еще до созыва послѣдняго полковникъ Толь, генераль-квартирмейстеръ 1-й арміи, подаль Барклаю-де-Толли записку, въ которой краснорѣчиво убѣждалъ въ необходимости воспользоваться благоприятствующей намъ обстановкой для перехода *въ наступленіе*.

По мнѣнію Толя, слѣдовало быстро и рѣшительно двинуться по направленію черезъ Рудню къ Витебску; этимъ путемъ Толь рассчитывалъ разобщить силы французовъ на двѣ отдѣльныя части, которыя затѣмъ онъ и располагалъ разбить послѣдовательно одну за другою.

Главкомандующій Барклай лично не былъ сторонникомъ перехода въ наступленіе; онъ находилъ его, покамѣстъ, еще несвоевременнымъ и продолжалъ держаться взгляда, выраженнаго имъ еще до начала войны. Но, какъ мы упоминали уже въ концѣ первой книги, Барклаю приходилось считаться съ настроеніемъ всей арміи, съ общественнымъ мнѣніемъ, наконецъ,—съ желаніями самого Государя.

Послѣдній, какъ разъ къ этому времени, писалъ ему между прочимъ:

„Я не могу умолчать, что хотя, по многимъ причинамъ и обстоятельствомъ, при начатіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы нашей земли, однакоже не иначе какъ съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до Смоленска. Съ великимъ удовольствіемъ слышу я увѣренія ваши о хорошемъ состояніи нашихъ войскъ, о воинственномъ духѣ и пылкомъ ихъ желаніи сражаться. Не менѣе доволенъ также опытами отличной ихъ храбрости во всѣхъ бывшихъ доселѣ битвахъ и терпѣливостью, оказанною ими во всѣхъ многотрудныхъ и долгихъ маршахъ.

„Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, безъ всякаго препятствія, а потому и надѣюсь я, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣреній непріятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда....

„Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь „уже начатыми....“

Отсюда видно, что Барклай-де-Толли оказывался какъ бы между двухъ огней. Съ одной стороны, собственное убѣжденіе удерживало его отъ перехода къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, для которыхъ, по его мнѣнію, еще не приспѣло время; съ другой— всѣ его окружавшіе, вся армія, наконецъ—вся Россія во главѣ съ Государемъ, неотступно требовали отъ него рѣшительно помѣряться силами съ Наполеономъ, дабы пріостановить дальнѣйшее его вторженіе.

Выслушивая докладъ Толя, Барклай поэтому, противъ собственнаго убѣжденія, согласился съ его доводами и призналъ возможнымъ переходъ въ наступленіе, но при непремѣнномъ соблюденіи слѣдующихъ условій.... 2-ю армію всю надлежало, по мнѣнію Барклая, оставить въ Смоленскѣ, для обезпеченія пути отступленія на Москву; противъ лѣваго же крыла непріятельской арміи направить только первую армію, которой утвердиться въ пространствѣ между Суражемъ и Велижемъ; только послѣ этого всѣмъ силамъ обѣихъ армій надлежало направиться къ Руднѣ и сосредоточенными силами обрушиться на ближайшій изъ Наполеоновскихъ корпусовъ.

Обдумывая этотъ планъ, Барклай, повидимому, уже напередъ опасался, что французы могутъ помѣшать ему, обойдя его справа, со стороны Порѣчья. Такъ по крайней мѣрѣ явствуетъ изъ донесенія его Императору Александру отъ 22 іюля, въ которомъ онъ писалъ: „Я намѣренъ идти впередъ и атаковать ближайшій изъ „непріятельскихъ корпусовъ, какъ мнѣ кажется, корпусъ Нея, у „Рудни. Впрочемъ, повидимому, непріятель готовится обойти „меня съ праваго фланга, корпусомъ, расположеннымъ у Порѣчья“ (къ сѣверу отъ Смоленска).

Относительно возможности наступательнаго движенія французовъ въ обратномъ направленіи, т. е. въ обходъ нашего лѣваго фланга, по южному берегу Днѣпра на Смоленскъ (какъ и случилось въ дѣйствительности) покаместъ у насъ никакихъ предположеній, повидимому, не возникало.

На военномъ совѣтѣ 25 іюля, какъ водится, мнѣнія были разнорѣчивы. Полковникъ Вольцогень (ставленникъ и сотру-

*

Фуля) предлагалъ обороняться у Смоленска, укрѣпивъ самый городъ насколько возможно; наступательный же планъ Толя Вольцогень отвергалъ, указывая на труднопроходимость для значительныхъ силъ Рудненскаго района и на опасность, грозящую намъ въ случаѣ наступленія въ этомъ направленіи, если Наполеонъ двинетъ отъ Порѣчья свои силы прямо на Смоленскъ.

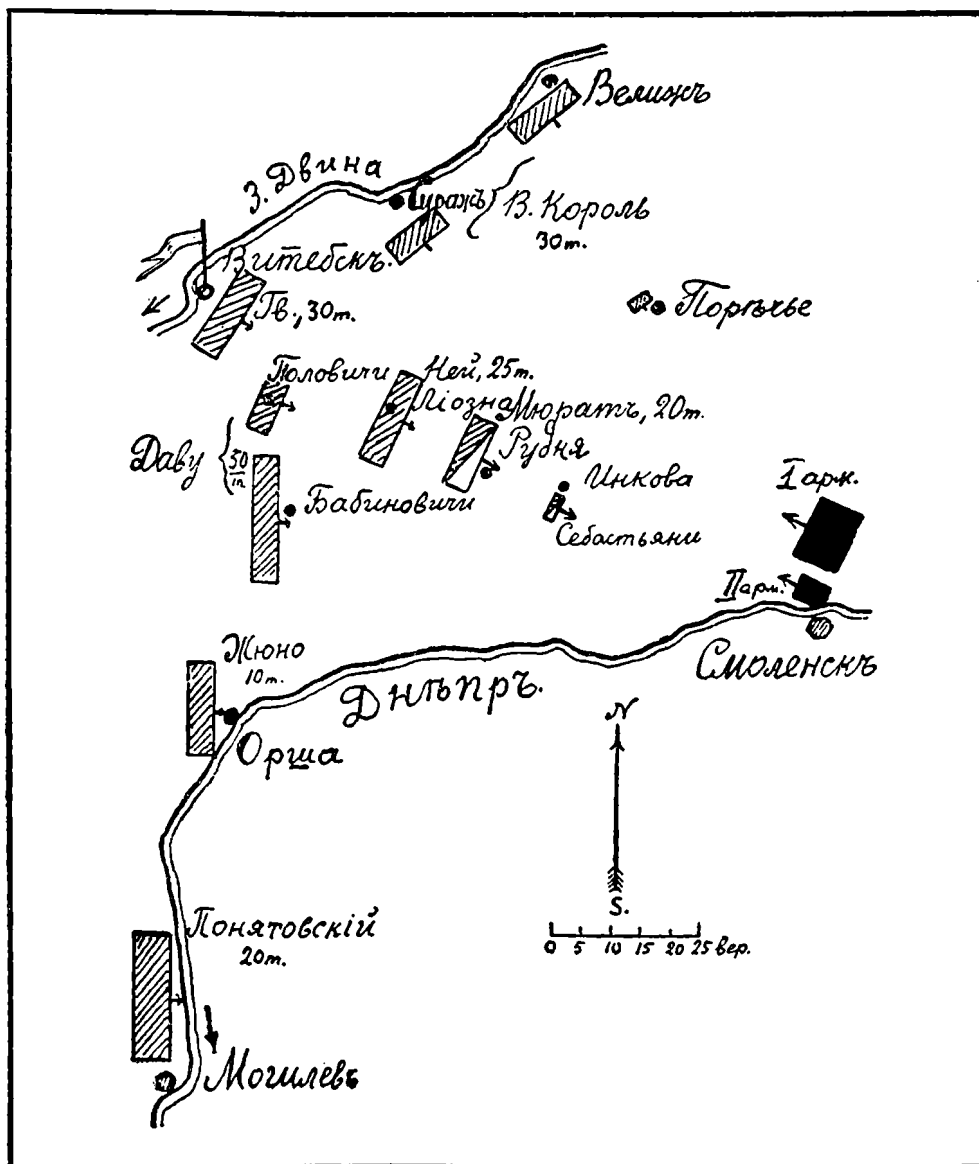
Но всѣ прочіе члены военнаго совѣта (великій князь Константинъ Павловичъ, начальники штабовъ обѣихъ армій, Ермоловъ и С. При и ихъ генераль-квартирмейстеры, Толь и Вистицкій) горой стояли за наступленіе. Въ концѣ концовъ положено было идти къ Руднѣ и притомъ всѣми силами. Этимъ рассчитывали предупредить сосредоточеніе непріятельскихъ силъ, которыя предполагались разбросанными на значительномъ пространствѣ; затѣмъ надѣялись, что успѣхъ наступленія удержитъ непріятеля отъ дальнѣйшаго вторженія, что дастъ возможность завершить начатыя внутри Имперіи вооруженія; наконецъ, просто уповали на то, что въ случаѣ удачи вся война можетъ принять для насъ совершенно иной, благопріятный оборотъ...

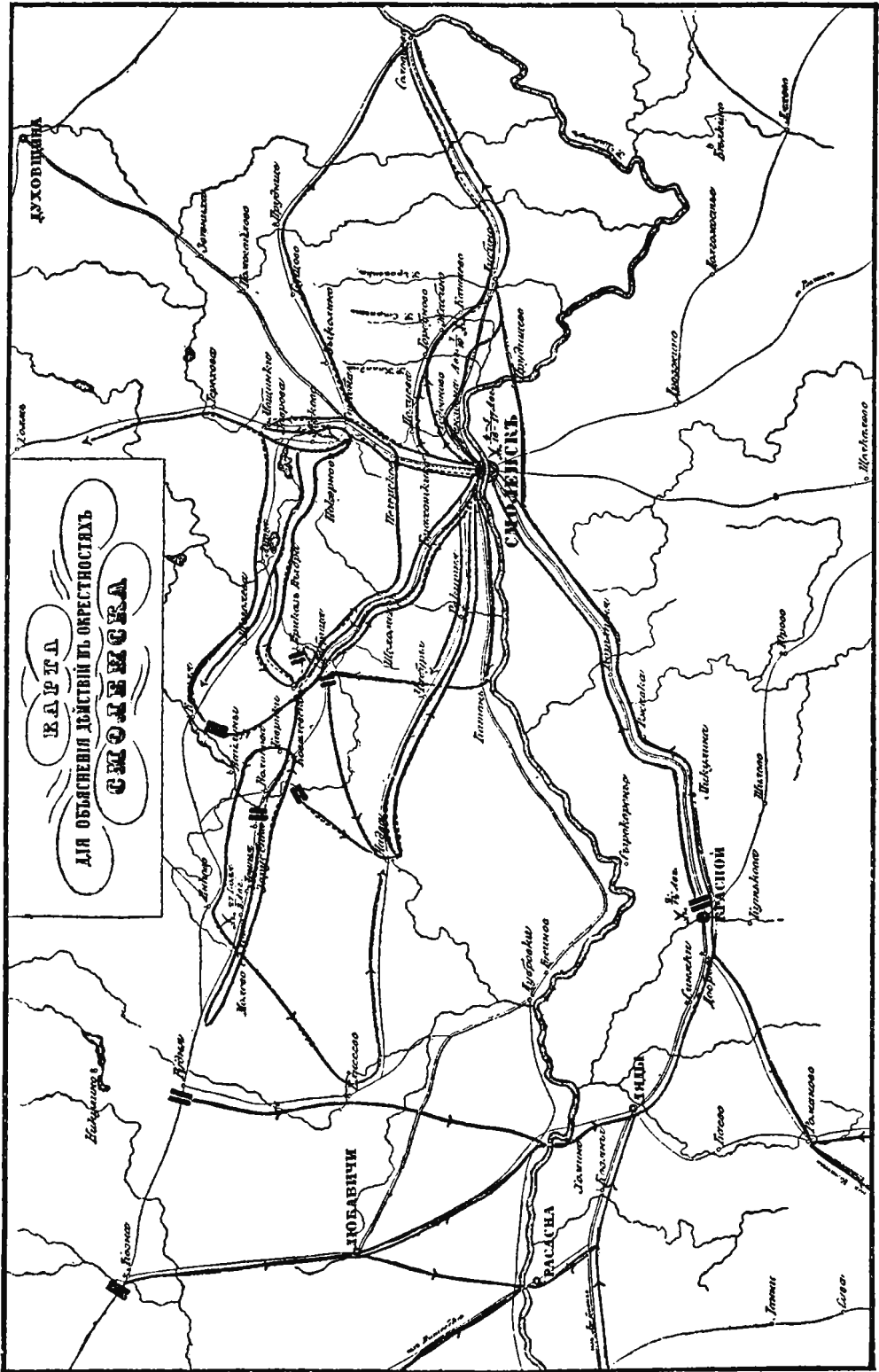
Осторожный Барклай, изъ опасенія какой либо неожиданности со стороны Наполеона, не желалъ далеко отходить съ войсками отъ Смоленска, чтобы все-таки не рисковать единственнымъ путемъ на Москву. Поэтому онъ распорядился, чтобы войска, при выполненіи намѣченнаго наступленія въ направленіи къ Руднѣ, не отдалялись отъ Смоленска далѣе трехъ переходовъ. „Мы будемъ имѣть дѣло съ предприимчивымъ противникомъ, который не упуститъ никакого случая обойти насъ „и чрезъ то вырвать изъ нашихъ рукъ побѣду“, сказалъ главнокомандующій С. При и Толю вечеромъ въ самый день совѣта, передавая имъ упомянутыя распоряженія. Отсюда явствовало уже напередъ, что предстоящее наступленіе будетъ имѣть характеръ нерѣшительный, съ постоянною оглядкою назадъ....

Что касается Наполеона, то тѣ десять дней, которые протекли со времени приостановки имъ своего наступленія въ окрестностяхъ Витебска, и до начатія русскими арміями движенія по Рудненской дорогѣ, прошли для него въ высшей степени плодотворно. Войска, укрывшись отъ палящаго зноя въ шалашахъ изъ зеленыхъ вѣтвей, великолѣпно отдохнули; многіе изъ отсталыхъ, успѣли присоединиться къ своимъ частямъ, и, такимъ образомъ, ряды армій

пополнились. Артиллерійскіе парки и обозы, застрявшіе далеко въ тылу, добрались до самага Витебска. Заботами командировъ корпусовъ собранъ былъ съ окрестнаго населенія семидневный запасъ продовольствія, не считая доставленнаго подвозомъ, а также тѣхъ русскихъ магазиновъ, которые были захвачены въ Суражѣ и Велижѣ, и коими воспользовались гвардія и IV корпусъ.

Расположеніе французскихъ войскъ по квартирамъ было слѣдующее:

Гвардія и одна изъ дивизій I корпуса Даву стояли въ самомъ Витебскѣ, гдѣ жилъ и Наполеонъ, которому отвели квартиру въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Двѣ другія дивизіи Даву расположились между Витебскомъ и Бабиновичами, у Половичей; IV корпусъ вице-короля—у Велижа, Суража и Яновичей; резервная конница Мюрата (кромѣ одной дивизіи, выдѣленной въ составъ корпуса Удино)—у Рудни, имѣя дивизію Себастьяни въ авангардѣ у Инкова. III корпусъ Нея былъ сзади всей этой конницы, у Ліозны. Двѣ остальные дивизіи Даву оставлены были на Днѣпрѣ, между Бабиновичами и Дубровною; VIII вестфальскій корпусъ, которымъ теперь командовалъ Жюно, стоялъ у Орши; V польскій корпусъ Понятовскаго—въ Могилевѣ, причемъ отъ него одна дивизія (Домбровскаго), съ кавалерійскимъ корпусомъ Латуръ-Мобура, отряжены были внизъ по Днѣпру, для наблюденія за Бобруйскомъ и корпусомъ генерала Эртеля, находившимся у Мозыря.

На первый взглядъ такое расположеніе войскъ Наполеона представляется разбросаннымъ, и кажется, что онъ имѣлъ въ виду только одни хозяйственныя удобства войскъ. Но если ближе присмотрѣться, то нетрудно видѣть, что расположеніе это было весьма искусно приурочено къ тому, чтобы съ возможно-большею быстротою сосредоточить подавляющія силы въ любомъ направленіи.

Дѣйствительно, общая численность войскъ, бывшихъ къ этому времени въ рукахъ Наполеона, простиралась до 156.886 чел. пѣхоты и 36.722 человекъ конницы, а всего до 193 тыс. человекъ; исключивъ же отдѣльно дѣйствовавшихъ Латуръ-Мобура и Домбровскаго—до 182.608 человекъ. Расположеніе же на квартирахъ было у Наполеона такъ рассчитано, что съ момента полученія перваго извѣстія о нашемъ наступленіи онъ, не позже какъ черезъ *двое сутокъ*, могъ собрать всѣ эти войска либо между Ліозной и Любавичами—т. е. къ своему центру,—либо между Бабиновичами и Дубровною—т. е. къ своему правому флангу.

Вообще Наполеонъ намѣтилъ себѣ, въ случаѣ наступленія русскихъ, слѣдующій планъ дѣйствій. Прикрываясь лѣсами и болотами, обезпечивавшими съ фронта квартирныя раіоны его арміи, онъ намѣренъ былъ, сосредоточивъ свои силы, переправить ихъ на южный берегъ Днѣпра гдѣ либо у Расасны и затѣмъ, обойдя

наши войска слѣва подь прикрытіемъ Днѣпра, ударить на Смоленскъ съ юга, отрѣзать насъ отъ Москвы и нанести намъ рѣшительное пораженіе.

Былъ ли этотъ планъ задуманъ еще ранѣе начатія нашего наступательнаго движенія къ Руднѣ, или же опредѣлился окончательно именно подь вліяніемъ этого движенія—сказать трудно. Однако, распоряженіе Наполеона о сооруженіи у Расасны четырехъ мостовъ на плотахъ заставляетъ думать, что основная идея этого плана была задумана имъ съ самаго начала и что вѣсти о наступленіи русскихъ какъ разъ въ благопріятномъ этому плану направленіи только утвердили его въ этомъ намѣреніи.

Общая численность обѣихъ русскихъ армій, собранныхъ подь Смоленскомъ, простиралась до 120 съ лишнимъ тысячъ человекъ. Всѣ эти войска, кромѣ небольшой части, получившей спеціальное назначеніе, о чемъ скажемъ ниже, тронулись 26 іюля впередь тремя колоннами. Вторая армія, перейдя черезъ Смоленскъ на сѣверный берегъ Днѣпра, двинулась въ лѣвой колоннѣ вдоль самой рѣки, на селеніе Катань; первая пошла двумя колоннами, изъ коихъ лѣвая (V и VI пѣхотные и III кавалерійскій корпуса, подь начальствомъ Дохтурова) двинулась по Рудненской дорогѣ, къ Приказъ-Выдрѣ; правая же, подь командою Тучкова 1-го, (корпуса II, III, IV пѣхотные и I и II кавалерійскіе) направилась по Порѣченской дорогѣ на Жуково, а оттуда на западъ на Щеголеву и Ковалевское. Каждая колонна имѣла свой особый авангардъ. Кромѣ того, правѣ колонны Тучкова, особый боковой отрядъ г.-м. князя Шаховскаго былъ двинуть на Касплю, а еще правѣ, къ Холму,—казаки Краснова. Очевидно, мѣра эта принята была въ цѣляхъ предупрежденія обхода со стороны Порѣчья, котораго такъ опасался Барклай.

Между колоннами Багратиона и Дохтурова былъ двинуть особый отрядъ г.-м. барона Розена, составленный изъ егерскихъ полковъ обѣихъ армій; на него возложена была задача поддерживать связь между означенными колоннами, а слѣдовательно и между арміями. Платову съ передовыми войсками приказано было въ первый день нашего наступленія оставаться на мѣстѣ, чтобы не раскрыть нашего наступленія; на слѣдующій же день предпо-

лагалось, что Платовъ, поддержанный регулярно конницей графа Палена 2-го, атакуеть передовыя части противника, предшествуя обѣимъ арміямъ.

Но вотъ, въ ночь съ 26 на 27 іюля, Барклаю доставлено было донесеніе отъ ген.-ад. Винцингероде изъ Велижа о томъ, что близъ Порѣчья сосредоточены значительныя силы французовъ. Повидимому здѣсь находились вице-король Евгеній Богарне со своимъ IV и съ I резервнымъ кавалерійскимъ корпусами. Можно было предполагать, что за нимъ могли находиться непріятельскіе резервы и что, слѣдовательно, Наполеонъ готовился отъ Порѣчья отрѣзать намъ пути на Москву. Барклай, все время находившійся подъ вліяніемъ предвзятой идеи о наибольшей вѣроятности именно этого контръ-маневра со стороны Наполеона, тотчасъ же пріостановилъ наступленіе и занялся обезпеченіемъ своего праваго фланга.

„Имѣя противъ себя непріятеля, искуснаго и хитраго, умѣю-щаго воспользоваться всѣми случаями, я нахожусь въ необходимости наблюдать строжайшія правила осторожности“, оправдывалъ свое рѣшеніе Барклай въ донесеніи Государю.

Цѣлый слѣдующій день 27 іюля былъ потраченъ на то, чтобы часть 1-й арміи (три пѣхотныхъ и одинъ кавалерійскій корпусъ) перевести на Порѣченскую дорогу; остальная часть, съ Дохтуровымъ во главѣ, остановлена у Приказъ-Выдры, куда предложено перейти и Багратіону фланговымъ маршемъ. Короче говоря, Барклай, руководствуясь непровѣренными данными, а вѣрнѣе говоря,—своими собственными предвзятыми предположеніями, совершилъ перемѣну фронта всѣми силами, такъ что арміи, обращенныя прежде на сѣверо-западъ, теперь оказались обращены на сѣверъ, лицомъ къ предполагаемому непріятельскому обходу, прикрывая Смоленскъ.

„Изъ моего новаго расположенія (доносилъ главнокомандующій Государю) я могу съ превосходными силами ударить не-пріятелю въ лѣвый флангъ, открыть коммуникацію съ вышнею Двиною и обезпечить лѣвое крыло графа Витгенштейна. Такое положеніе имѣеть несомнѣнныя выгоды и дастъ полную свободу дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ“.

Такія воззрѣнія и соображенія Барклай-де-Толли не встрѣчали сочувствія въ огромномъ большинствѣ его сподвижниковъ и, прежде всего,—въ князѣ Багратіонѣ. Послѣдній, своимъ природнымъ чутьемъ стараго травленаго боевого волка, угадывалъ истину и открыто высказывалъ мнѣніе, что слѣдуетъ болѣе опасаться за лѣвый флангъ арміи, нежели за правый. Въ войскахъ постепенно росло все большее и большее неудовольствіе противъ главнокомандующаго; его нерѣшительности, проявляемой въ отмѣнѣ только что отданныхъ распоряженій и въ измѣненіи только что принятыхъ плановъ, приписывали, что изъ рукъ нашихъ, будто бы, ускользала вѣрная побѣда. Глухой ропотъ въ войскахъ росъ и вносилъ наихудшее разложеніе, какое только можетъ существовать на войнѣ: недовѣріе къ своему вождю. Дѣло дошло до того, что, придравшись къ иноземному происхожденію прямодушнаго, честнаго и неподкупнаго Барклая, его чуть ли не открыто стали обвинять въ измѣнѣ...

Нелѣпность этого обвиненія, въ настоящее время совершенно для насъ очевидная, при тогдашнемъ напряженномъ состояніи умовъ, разжигала ихъ еще болѣе и вносила полнѣйшій хаосъ и смуту въ верхи, управляющіе всѣмъ ходомъ военныхъ операцій....

Несомнѣнно, что такое положеніе вещей, до крайности тормозившее всякое распоряженіе и вносившее всяческія тренія въ механизмъ управленія войсками, какъ нельзя болѣе играло въ руку противнику, для успѣха замысловъ котораго время было, болѣе чѣмъ когда либо, „дороже всего“.

Путаница и недоразумѣнія, возникшія въ арміи, еще возросли вслѣдствіе случайнаго успѣха передовыхъ войскъ. Платова, расположеннаго съ ними, какъ сказано было выше, у Зарубенки, упустили предварить о сдѣланномъ новомъ перемѣщеніи всѣхъ частей арміи, и онъ, согласно данной ему прежде инструкціи, атаковалъ противника 27 числа, и атаковалъ успѣшно...

Находясь съ 7 казачьими полками у Зарубенки¹ и имѣя за собою, въ качествѣ непосредственной поддержки, графа Палена съ 32 эскадронами и бригадою егерей, Платовъ, какъ только получилъ донесеніе отъ своего авангарда о появленіи со стороны дер. Лешны непріятельскаго отряда изъ девяти кавалерійскихъ и одного пѣхотнаго полковъ, тотчасъ же велѣлъ авангарду дер-

жаться, сколько и какъ можетъ, и пошелъ съ остальными силами ему на поддержку. У селенія *Молева Болота* начальникъ Платовскаго авангарда, Денисовъ, опрокинулъ четыре кавалерійскихъ непріятельскихъ полка и преслѣдовалъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли остальныя силы дивизіи Себастьяни, въ свою очередь атаковавшія Денисова. Тогда послѣднему пришлось отходить, медленно задерживаясь и выигрывая время, пока подойдетъ самъ Платовъ, который уже заранѣе направилъ три полка въ обходъ лѣваго непріятельскаго фланга. Артиллерія Платова, открывшая огонь по французамъ съ фронта, подверглась атакѣ французской конницы, слѣдомъ за которой бѣгомъ подоспѣли вольтижеры (легкая пѣхота); но выручили батарею донцы, во-время налетѣвшіе на пѣхоту и опрокинувшіе одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ. Произошедшимъ при этой контръ-атакѣ замѣшательствомъ Платовъ воспользовался и ударилъ всѣми силами, обративъ противника въ полное бѣгство. Дальнѣйшее преслѣдованіе было возложено на генерала Палена съ тремя гусарскими полками, которые гнали французовъ еще 8 верстъ....

При Молевоиъ Болотѣ французы понесли большія потери, причеиъ плѣнными взято десять штабъ и оберъ-офицеровъ и свыше 300 нижнихъ чиновъ.

„Непріятель пардона не просилъ, а войска російскія Его Императорскаго Величества, бывъ разъярены, кололи „и били его“, доносили объ этомъ дѣлѣ Платовъ.

Набожные донцы были въ данномъ случаѣ доведены до наивысшей степени раздраженія тѣми святотатственными поступками французовъ, о которыхъ шла повсемѣстная молва и о которыхъ Платовъ въ такихъ выраженіяхъ доносилъ главнокомандующему:

„Долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія Вашего Высокопревосходительства необыкновенный образъ войны, употребляемый французами, приличный однимъ только варварамъ. Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщицьи дома, бьютъ жителей и насильничаютъ женъ ихъ и дочерей, съ священническимъ саномъ поступаютъ немилосердно, бьютъ, вяжутъ ихъ и выпытываютъ отъ нихъ деньги, но и самыя святыя православныя церкви не избѣгаютъ отъ неистовства французовъ. Святыя соуды и утварь подвергаются грабежу. Въ селѣ Инковѣ, въ церкви,

„на вынесенныхъ святыхъ образахъ, французы мыли и развѣшивали нижнее исподнее платье. Не благоугодно ли будетъ Вашему „Высокопревосходительству сей истинно описанный образъ войны „нашего непріятели поставить на видъ и извѣстіе всему Отечества. Подобное извѣщеніе воздвигнетъ въ сердцахъ каждого праведное рвеніе къ мести и ревность къ учиненію всякихъ пожертвованій, дабы изгнать изъ предѣловъ Отечества жестокосердаго „и несправедливаго непріятели“.

Во время дѣла при Молевомъ Болотѣ казакамъ удалось, между прочимъ, напасть на квартиру генерала Себастьяни и забрать всѣ бывшія тамъ бумаги. Въ числѣ этихъ бумагъ найдено было приказаніе Мюрата, въ которомъ Себастьяни извѣщался о предполагаемомъ наступленіи русскихъ въ направленіи къ Руднѣ, и ему предписывалось въ этомъ случаѣ отойти назадъ къ пѣхотѣ.

Въ нашей главной квартирѣ чрезвычайно были встревожены этимъ обстоятельствомъ. Какимъ образомъ французы могли имѣть о нашихъ намѣреніяхъ такія точныя свѣдѣнія?... Встревоженное воображеніе стало искать измѣны, особенно въ средѣ иностранныхъ офицеровъ...

На самомъ дѣлѣ освѣдомленность Мюрата объяснялась гораздо проще. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ предупреждалъ о предстоящемъ наступленіи свою мать, жившую въ имѣніи близъ Рудни, гдѣ какъ разъ квартировалъ Мюратъ, къ которому записка и попала въ руки. Случай весьма поучительный, показывающій, какая требуется во время войны осторожность даже и въ частной корреспонденціи...

Обнаруженіе противнику плана, весь успѣхъ котораго обоснованъ былъ на внезапности, а слѣдовательно на строжайшемъ соблюденіи тайны до самой послѣдней минуты,—являлось чрезвычайно неблагопріятнымъ для насъ обстоятельствомъ.

Тѣмъ не менѣе 28 іюля начатыя нашими войсками передвиженія продолжались; Платовъ отошелъ къ Гаврикамъ; Дохтуровъ (лѣвая колонна 1-й арміи) передвинулся отъ Приказъ-Выдры къ Мощинкамъ, куда перешла и главная квартира; 2-я армія перемѣстилась къ Приказъ-Выдрѣ, а авангардъ ея расположился у дер. Волоковой.

А между тѣмъ великій полководецъ уже готовилъ свой грозный ударъ, долженствовавшій сразу разрушить всѣ наши колебанія и нерѣшительное, точно ощупью, наступленіе.

Узнавъ о пораженіи Себастьяни, Наполеонъ принялъ быстрыя и рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы сосредоточить армію къ правому флангу своего квартирнаго расположенія. Какъ уже упоминалось, ему для этого нужно было не болѣе двухъ сутокъ. Тѣмъ временемъ Мюрату съ конницей и Нею съ его корпусомъ приказано было удерживать какъ можно долѣе русскихъ на руденской дорогѣ, прикрывая фланговое движеніе арміи.

Пріостановка наступленія Баркляя еще болѣе утвердила Наполеона въ его намѣреніи обойти лѣвый флангъ расположенія всѣми силами и, захвативъ у насъ въ тылу Смоленскъ, отрѣзать насъ отъ Москвы. Для этой цѣли, въ измѣненіе первоначально отданныхъ распоряженій, всѣ войска великой арміи, не исключая Мюрата и Нея, двинуты были фланговымъ маршемъ къ переправамъ черезъ Днѣпръ у Расасны и Хомина, гдѣ, какъ уже сказано, были заранѣе заготовлены мосты. Въ то же время корпусамъ, оставшимся у Орши и Могилева, приказано было идти оттуда также къ Расаснѣ и Романову.

На правомъ берегу Днѣпра оставлена была только легкая кавалерійская дивизія Себастьяни, подъ командою ген. Пажоля, которой приказано этимъ же берегомъ идти на Смоленскъ.

Самъ Наполеонъ прибылъ въ Расасну 1 августа вечеромъ. Онъ намѣренъ былъ сперва остановиться въ домѣ еврея Юдкина, но, недовольный нечистотой, велѣлъ разбить себѣ палатку въ сосновомъ лѣсу надъ Днѣпромъ. Въ теченіе всего дня 1 августа совершалась переправа, а 2 августа съ разсвѣтомъ армія тронулась въ направленіи къ Красному.....

Такимъ образомъ великій полководецъ смѣло сосредоточилъ въ важнѣйшемъ и опаснѣйшемъ для насъ направленіи почти всѣ свои наличныя силы, до 180 т. человекъ...

Въ это самое время наши войска почти всѣ находились, какъ разъ наоборотъ, на правомъ берегу Днѣпра.

Сосредоточеніе французскихъ войскъ у Любавичей и Дубровны не ускользнуло отъ нашей конницы, но впечатлѣніе, которое произвело это извѣстіе на Баркляя-де-Толли, было еще болѣе благо-

пріятнымъ замыслу французовъ. Нашъ главнокомандующій понялъ это сосредоточеніе, какъ намѣреніе французовъ атаковать его еще и отсюда, т. е. въ сѣверо-восточномъ направленіи, а потому рѣшилъ „соединить обѣ арміи въ позиціи при Волоковѣ, какъ въ „одной изъ выгоднѣйшихъ между найденныхъ нами въ теченіе „сего похода, и ожидать въ оной сраженія“.

Другими словами, Барклай перешелъ къ пассивному выжидаію, притомъ въ такомъ мѣстѣ, противъ котораго уже не было никакого противника и которое, находясь въ двухъ переходахъ сѣверо-западнѣе Смоленска, только благопріятствовало успѣху задуманнаго Наполеономъ грандіознаго обхода.

Барклай думалъ, что французы нападуть на него 3 августа, въ день рожденія Наполеона, и высказывалъ пожеланіе, чтобы его атаковали именно въ этой позиціи, „ибо всѣ выгоды были на „нашей сторонѣ“.

Отрядъ Невѣровскаго. Бой подъ Краснымъ. Усиленный маршъ нашихъ армій къ Смоленску. Мѣстность подъ Смоленскомъ. Сраженіе подъ Смоленскомъ 4 августа.

ще до начатія нашей наступательной операціи, немедленно по соединеніи обѣихъ армій въ Смоленскѣ, князь Багратіонъ отрядилъ 23 іюля генерала Невѣровскаго, съ его 27-ю дивизією, къ городу Красному. 27-я дивизія была усилена Харьковскимъ драгунскимъ и тремя казачьими полками, съ небольшою частью Смоленскаго ополченія, бывшею подъ начальствомъ генерала Оленина. Первоначальною цѣлью расположенія въ Красномъ отряда было служить опорю казачьимъ разъѣздамъ, разъѣдывавшимъ въ направленіи на Оршу и Могилевъ.

Когда 1-я и 2-я армія начали свое наступленіе къ Руднѣ, то Невѣровскому приказано было продолжать оставаться въ Красномъ для наблюденія пути Орша—Смоленскѣ. Такимъ образомъ, ко времени приближенія отъ Расасны и Романова всѣхъ силъ Наполеона, дивизія Невѣровскаго была единственнымъ нашимъ отрядомъ, который противустоялъ имъ до самаго Смоленска, занятаго слабымъ гарнизономъ.

27-я дивизія состояла преимущественно изъ рекрутъ. Городъ Красный находится въ сорока семи верстахъ отъ Смоленска. Первоначально Невѣровскій располагался впереди города, но, когда отъ бывшихъ впереди казаковъ, стали поступать донесенія о томъ, что огромныя массы непріятельскихъ войскъ идутъ по дорогѣ и внѣ ея со стороны Днѣпра, Невѣровскій оставилъ въ городѣ только батальонъ съ двумя орудіями, а съ остальными силами расположился за тѣсною, образуемою за городомъ плотиною и глубокимъ оврагомъ.

Въ головѣ Наполеоновской арміи шелъ Мюратъ, со своими тремя резервными кавалерійскими корпусами, всего до пятнадцати тысячъ коней. Достигнувъ 2 августа на разсвѣтѣ мѣстечка Ляды, Мюратъ отгѣснилъ бывший тамъ небольшой отрядъ Оленина и въ три часа пополудни показался передъ Краснымъ. За конницей, въ авангардѣ арміи, слѣдоваль корпусъ Нея.

По полученіи извѣстій о приближеніи непріятеля Невѣровскій построился за оврагомъ въ боевой порядокъ, помѣстивъ десять орудій на лѣвомъ флангѣ, прикрытыхъ Харьковскими драгунами. Одинъ егерскій полкъ (50-й) съ двумя конными орудіями былъ отраженъ на пятнадцать верстъ назадъ, къ Смоленску, чтобы удержать бывшую тамъ переправу.

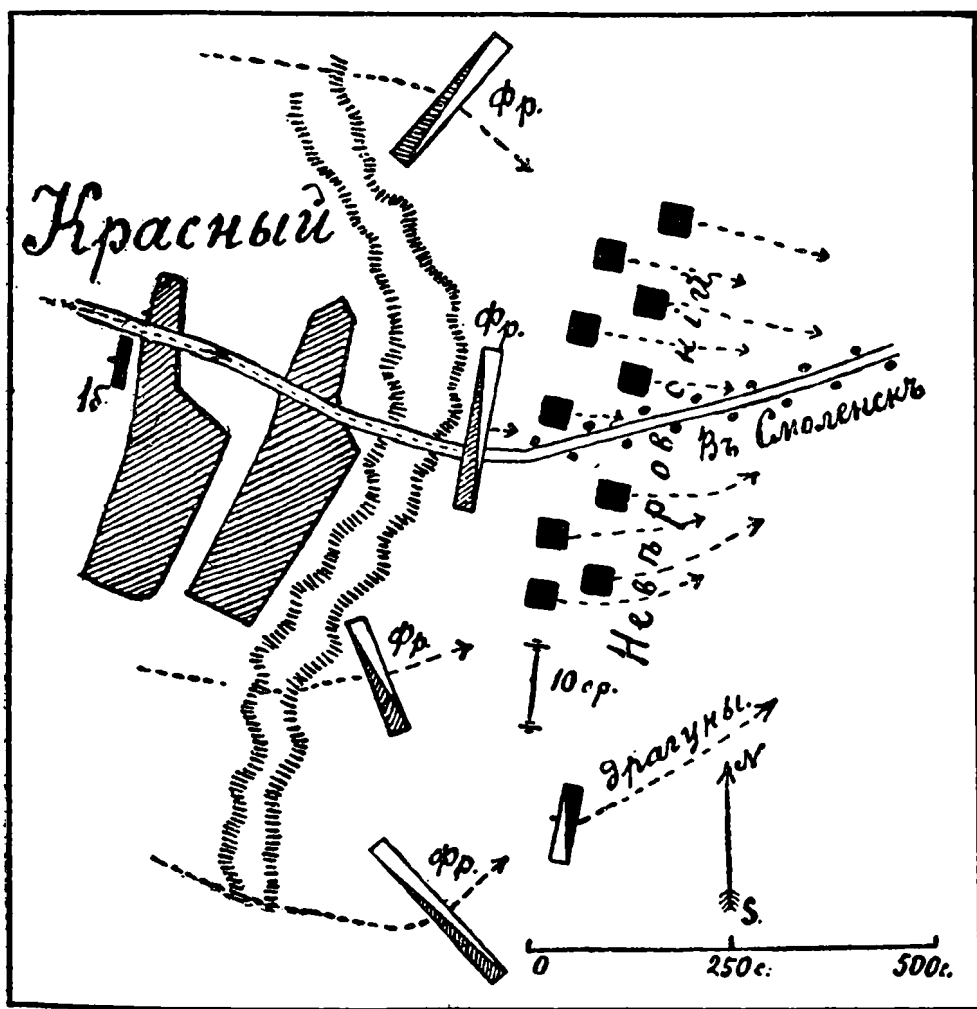
Едва только успѣла 27-я дивизія занять новое расположеніе, какъ французы уже обрушились на бывший въ Красномъ батальонъ. Нѣсколько ротъ, подъ личнымъ начальствомъ Нея, выбили изъ города нашихъ егерей и захватили бывшія при нихъ пушки. Часть конницы Мюрата обошла позицію Невѣровскаго слѣва. Бросившіеся на нее самоотверженно въ атаку Харьковскіе драгуны были опрокинуты и разсѣяны; изъ десяти орудій, бывшихъ на позиціи, взято французами пять; остальные успѣли ускользнуть вслѣдъ за драгунами по Смоленской дорогѣ. Невѣровскій остался съ одною неопытною и малообученною пѣхотою, которой съ фронта угрожали грозныя пѣхотныя колонны Нея, а въ тылъ ей продвигалась прославленная по всей Европѣ резервная конница Мюрата.... Невѣровскій рѣшился отступить.

Построивъ свои батальоны въ густыя колонны, Невѣровскій обратился къ своимъ молодымъ воинамъ съ такою рѣчью:

Сраженіе подь Краснымъ 2 августа.
Съ картины художн. Гессъ, находящися въ Зимнемъ дворцѣ.

Схема боя подъ Краснымъ.

„Ребята—сказалъ онъ имъ—помните, чему васъ учили: ни-
 „какая кавалерія не побѣдитъ васъ: только въ пальбѣ не торо-
 „питесь; стрѣляйте мѣтко, не спѣша. Никто не смѣй начинать безъ
 „моей команды“....

И дѣйствительно, батальоны Невѣровскаго, построенные въ
 двѣ линіи каре въ шахматномъ порядкѣ, встрѣчали каждый налетъ
 французской конницы дружными, выдержанными залпами, послѣ
 которыхъ грудами падали и лошади, и всадники.... Мюратъ исто-
 щалъ тщетно свои усилія объ эту образцовую пѣхоту, сопроти-
 влявшуюся, какъ скала. Широкая почтовая дорога, обсаженная въ

два ряда большими березами и окаймленная глубокими канавами, благопріятствовала успѣху отступленія и затрудняла задачу конницы. Задоръ охватилъ французскихъ кавалеристовъ, не исключая самого Мюрата, и они безразсудно губили своихъ драгоцѣнныхъ людей и лошадей, упрямо повторяя безплодные атаки, причемъ совершенно забыли о существованіи у себя конной артиллеріи (цѣлыхъ 60 орудій), которая, конечно, могла бы оказать конницѣ существенную поддержку, особенно при томъ условіи, что у насъ артиллеріи здѣсь не было. Въ концѣ концовъ, батальоны Невѣровскаго сплотились на дорогѣ въ одну сплошную компактную массу, которая, медленно отходя, неустанно отражала всѣ удары....

Такъ продолжалось до самаго вечера, пока Невѣровскій не добрался до селенія Корытни, гдѣ за рѣчкой расположены были заранѣе высланные батальоны съ двумя орудіями. Огонь ихъ остановилъ преслѣдовавшую конницу, и тутъ бывшую безъ конной артиллеріи; тогда утомленный отрядъ Невѣровскаго получилъ возможность воспользоваться вполнѣ заслуженнымъ отдыхомъ. Потери нашего отряда доходили до *полутора тысячъ* чел. (въ томъ числѣ 800 плѣнныхъ), что составляетъ около $\frac{1}{4}$ всего отряда, ибо у Невѣровскаго было до 7 тысячъ, изъ коихъ не свыше 6 тыс. пѣхоты.

Донося объ этомъ дѣлѣ Государю, князь Багратіонъ писалъ:

„Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какою „дивизія, совершенно новая, дралась противъ чрезмѣрно-превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что при „мѣр такой храбрости ни въ какой арміи показать нельзя“. Французскій историкъ графъ Сегюръ говоритъ, что Невѣровскій „отступалъ, какъ левъ“; большинство французскихъ писателей подчеркиваютъ это дѣло, какъ выдающійся образецъ, и отдаютъ Невѣровскому должную справедливость....

Во время боя подъ Краснымъ 1-я армія оставалась въ прежнемъ положеніи на позиціи у деревни Волоковой; что же касается 2-й арміи, то, послѣ двухдневнаго пребыванія у Приказъ-Выдры, она 31 іюля сама пошла обратно къ Смоленску. Движеніе это совершено было княземъ Багратіономъ не только безъ приказанія со стороны Барклая-де-Толли, но даже и безъ всякаго соглашенія съ нимъ.

**Генераль-лейтенантъ
Димитрій Петровичъ Нѣверовскій.**

Багратіонъ ссылаея на недостатокъ у Приказъ-Выдры хорошей питьевой воды, а также на то, что съ отходомъ къ Смоленску онъ менѣе опасался за обходъ слѣва. У Волоковой былъ оставленъ авангардъ князя Васильчикова, а въ промежуткѣ между нимъ и Смоленскомъ, у Дебрицы, оставленъ еще отрядъ князя Горчакова, въ составѣ сводной гренадерской дивизіи съ восемью уланскими полками.

Это оттягиваніе 2-й арміи назадъ, хотя и въ нарушеніе замысловъ главнокомандующаго, въ данномъ случаѣ оказалось для насъ прямо таки спасительнымъ. Опытный Суворовскій сподвижникъ точно какимъ то внутреннимъ прозрѣніемъ угадалъ дѣйствительную обстановку. Онъ точно чуялъ, откуда грозила истинная опасность, и все время старался обезпечить себя слѣва.

Поэтому и вышло, что въ день боя подъ Краснымъ, 1-я армія оставалась на прежнемъ мѣстѣ у Волоковой, а 2-я армія,—которую Барклай снова приказалъ двинуть въ западномъ направленіи,—находилась въ такомъ положеніи: VIII корпусъ на пути къ Катани, а VII—еще въ Смоленскѣ, но на другой день долженъ былъ изъ него выступить.

Такимъ образомъ, благодаря всѣмъ изложеннымъ недоразумѣніямъ, совершенно случайно и вопреки намѣреніямъ нашего главнокомандующаго Барклая-де-Толли, оказывалось, что вблизи Смоленска пребывалъ *цѣлый корпусъ* въ такой моментъ, когда этому древнему русскому городу уже грозила съ юга непредвидѣнная страшная опасность....

Къ утру 3 августа VIII корпусъ дошелъ до Надвы, а VII корпусъ къ вечеру 2 августа отошелъ отъ Смоленска только на 12 верстъ.

Донесеніе о боѣ подъ Краснымъ, объ отступленіи Невѣровскаго и о появленіи превосходныхъ силъ французовъ на направленіи Смоленскъ—Орша получено было обоими главнокомандующими въ ночь со 2-го на 3-е число. Но еще не было ясно, что тамъ—главныя силы Наполеона; поэтому ограничились тѣмъ, что вернули къ Смоленску VII корпусъ, съ приказаніемъ на слѣдующій день выступить къ Красному и поддержать Невѣровскаго. Въ то же время Багратіонъ притянулъ къ VIII корпусу авангардъ Васильчикова отъ Волокова и промежуточный отрядъ Горчакова отъ Дебриць.

*

Для выясненія обстановки составленъ былъ, подъ начальствомъ Платова, особый летучій отрядъ, который и направленъ черезъ Инково къ Любавичамъ, причемъ казаковъ Платова подкрѣпили двумя егерскими батальонами и полкомъ драгунъ.

Барклай и Багратіонъ вошли между собою въ соглашеніе, чтобы 2-я армія перешла черезъ Днѣпръ у Катани на перерѣзъ непріятелю, а 1-я должна была поддерживать 2-ю, прикрывая промежутокъ между Западной Двиною и Днѣпромъ. Изъ нижеслѣдующаго донесенія Барклая Государю видно, какъ рисовалась въ его глазахъ обстановка.

„Хотя движеніе непріятеля къ [Днѣпру и на лѣвый берегъ „онаго, коимъ оставляетъ онъ почти все пространство между „Двиною и Днѣпромъ, даетъ большой поводъ къ удивленію; но „коль скоро удостоверяюсь въ дѣйствительныхъ его намѣреніяхъ, „не оставляю располагать дѣйствіями по мѣрѣ существующихъ „обстоятельствъ и армію поставлю въ такое положеніе, чтобы „всегда будучи въ состояніи подкрѣплять 2-ю армію, могла „вмѣстѣ съ тѣмъ удерживать пространство между Двиною и „Днѣпромъ“.

Отсюда видно, что главнокомандующій еще не довѣрялъ вполне свѣдѣніямъ о маневрѣ Наполеона и опасался, что тутъ съ его стороны кроется какая нибудь хитрость, въ цѣляхъ ввести насъ въ заблужденіе... Но скоро обстановка совершенно выяснилась.

Въ ночь со 2 на 3 августа Барклай-де-Толли получилъ донесенія Невѣровскаго, окончательно открывшія ему глаза. Стало очевиднымъ, что только благодаря подвигу 27-й дивизіи и ошибкамъ Мюрата наше положеніе не сдѣлалось гибельнымъ. При условіи полного напряженія всѣхъ силъ, еще можно было успѣть сосредоточиться къ Смоленску и, отстоявъ твердыни этого древняго города, не дать Наполеону отрѣзать себя отъ Москвы.

Ближайшею къ Смоленску въ этотъ моментъ оказывалась 2-я армія и, въ частности, ея VII корпусъ, генерала Раевскаго. Корпусъ этотъ, успѣвшій отойти отъ города всего на 12 верстъ, уже получилъ отъ Багратіона приказаніе возвратиться обратно, пройти черезъ Смоленскъ и двинуться на подкрѣпленіе Невѣровскому. Чуткій Багратіонъ, какъ мы видѣли, предугадывая обста-

новку, все время тяготѣль къ Смоленску, неохотно отъ него отдѣляясь и даже однажды, какъ извѣстно, возвратясь къ нему самовольно; теперь онъ опять таки предупредилъ намѣренія въ этомъ отношеніи Баркляя, что привело къ благопріятному для насъ выигрышу во времени.

Получивъ еще ночью на 3 августа приказъ идти обратно къ Смоленску, Раевскій тотчасъ же исполнилъ его, но донесеніемъ запросилъ Багратіона, что дѣлать въ случаѣ встрѣчи съ значительно-превосходными силами? Оборонять ли самый Смоленскъ, лежащій по южную сторону рѣки, или же, отойдя за Днѣпръ, ограничиться удержаніемъ переправы, дабы прикрыть фланговое движеніе обѣихъ армій?

Но событія развивались такъ быстро, что Раевскому не довелось дожидаться отвѣтнаго распоряженія, а пришлось принимать рѣшеніе по собственному усмотрѣнію.

Достигнувъ Смоленска на разсвѣтъ 3 августа, Раевскій прежде всего пораженъ былъ слухами о полномъ истребленіи отряда Невѣровскаго. Такая вѣсть, разумѣется, дѣлала наше положеніе еще болѣе тяжкимъ, и Раевскій принялъ отважное рѣшеніе идти со всѣмъ своимъ корпусомъ навстрѣчу разгромившему, якобы, Невѣровскаго непріятелю.

Находившійся въ Смоленскѣ генераль Беннигсенъ, бывшій нашъ главнокомандующій противъ Наполеона въ войну 1807 года, а впослѣдствіи, по назначеніи главнокомандующимъ Кутузова, сдѣланный у него начальникомъ штаба, отговаривалъ Раевскаго отъ этого рѣшенія, утверждая, что онъ идетъ на вѣрную гибель. Беннигсенъ даже рекомендовалъ Раевскому оставить по крайней мѣрѣ артиллерію по сѣверную сторону рѣки, дабы не рисковать несомнѣнною, по его убѣжденію, потерей орудій.... Однако Раевскій поступилъ по своему и пошелъ всѣми силами на выручку Невѣровскаго, который оказался нисколько не разбитымъ, а былъ въ 6 верстахъ къ западу отъ Смоленска въ полной готовности къ новому бою.

Соединенныя силы Раевскаго, вмѣстѣ съ 27-ю дивизіей, не превышали *тринадцати—пятнадцати* тысячъ человекъ. До пяти часовъ пополудни 3 числа они пробыли въ полномъ спокойствіи, отойдя къ окраинѣ Смоленска. Но, ровно въ пять часовъ, раздался орудійный выстрѣлъ, и одновременно съ нимъ пришло отъ

казачьихъ разъѣздовъ донесеніе о наступленіи съ юга значительныхъ непріятельскихъ силъ. Это была конница Мюрата, а за нею густыя массы пѣхоты французовъ. Всѣ эти силы начали располагаться на отдыхъ въ виду позицій, занятыхъ Раевскимъ на южной окраинѣ города, обогнувъ послѣдній огромною дугою бивачныхъ огней....

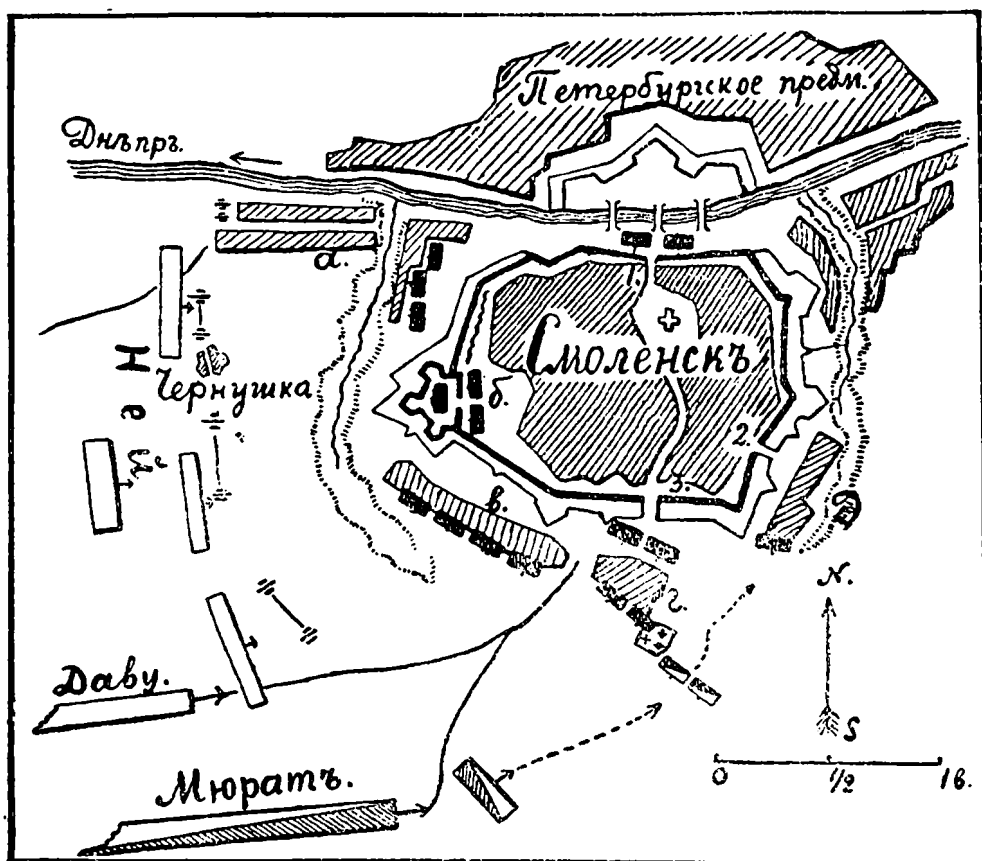
Положеніе Раевского было весьма рискованное. Имѣя противъ себя (какъ онъ полагалъ) всѣ силы Наполеона, онъ долженъ былъ удержать свою позицію для выручки обѣихъ армій, не менѣе какъ двое сутокъ, ибо ближайшія къ нему подкрѣпленія находились по крайней мѣрѣ въ тридцати верстахъ....

Положимъ, Смоленскъ самъ по себѣ до нѣкоторой степени усиливаль нашу оборону. Эта древняя русская твердыня, когда то оплотъ Московскаго государства противъ поляковъ, расположена на обоихъ берегахъ Днѣпра, ширина котораго здѣсь, въ верховьяхъ, не превосходитъ 25—30 сажень. Собственно городъ лежитъ на южномъ берегу, а на сѣверномъ, командующемъ,—находится обширное Петербургское предмѣстье. Кругомъ городъ обнесенъ старинной каменной стѣной, возведенной еще при Царѣ Борисѣ Годуновѣ. Стѣна эта (существующая и понынѣ) имѣетъ болѣе пяти верстъ длины, при толщинѣ отъ 10 до 18 футъ и вышинѣ отъ 25 до 40 футъ. Верхъ стѣны выдѣланъ зубцами, а съ внутренней стороны устроенъ валъ, шириною въ 3—7 футъ, съ бойницами для ружейной стрѣльбы. Впереди стѣны былъ сухой ровъ, который по западную и восточную стороны города сливался съ глубокими оврагами, на днѣ которыхъ протекали ручьи, впадающіе въ Днѣпръ.

Для продольной обороны рва были устроены башни, изъ которыхъ къ 1812 году уцѣлѣло 17. По западную сторону городской стѣны расположено было особое укрѣпленіе, такъ называемый „Королевскій бастионъ“, въ которомъ съ внутренней стороны имѣлся водяной ровъ. Укрѣпленіе это сооружено польскимъ королемъ Сигизмундомъ III по взятіи Смоленска поляками въ 1611 году.

Въ крѣпостной стѣнѣ было трое воротъ: 1) Сѣверная, такъ называемая *Днѣпровскія*, 2) Восточная—*Никольскія* и 3) Южная—*Малахозскія*. Кромѣ того въ сѣверной и восточной части стѣны сохранилось отъ прежнихъ штурмовъ три пролома.

Планъ города Смоленска.

При тогдашней гладкостѣнной артиллеріи, стѣны Смоленска могли представить собою позицію для обороны, если бы обстрѣлу оттуда не препятствовали разросшіяся предмѣстья, примыкавшія къ городу со всѣхъ сторонъ. Кромѣ того, нельзя упускать изъ вида, что для силъ Раевского, при тогдашнихъ боевыхъ порядкахъ, протяженіе фронта обвода Смоленской городской стѣны было слишкомъ велико, и потому позиція не соотвѣтствовала силамъ обороняющагося.

Невыгоднымъ для послѣдняго являлось также и то, что всѣ постройки внутри города были почти исключительно деревянные, такъ что при бомбардировкѣ было гдѣ разгуляться пожару.

Для отступленія за рѣку былъ одинъ постоянный мостъ на сваяхъ и два плавучихъ моста; кромѣ того—бродъ близъ самыхъ Днѣпровскихъ воротъ.

Сперва Раевскій предполагалъ принять бой впереди Смоленска, за оврагомъ; но прибывшій позже другихъ на созданное имъ со- вѣщаніе изъ авангарда Паскевичъ (будущій графъ Эриванскій и князь Варшавскій) отговорилъ его отъ этого. Онъ доказывалъ Раевскому, что на позиціи впереди города наши слабыя силы могутъ быть легко обойдены и отрѣзаны отъ Днѣпровскихъ мостовъ; въ са- момъ же Смоленскѣ есть шансы удержаться....

Пользуясь лунною ночью, Раевскій съ Паскевичемъ осмотрѣли лично мѣстность, послѣ чего войска были расположены слѣдую- щимъ образомъ:

26-й пѣхотной дивизіи Паскевича приказано было оборонять Красненское предмѣстье и весь западный фронтъ до Королев- скаго бастіона включительно. При этомъ три полка расположены были въ предмѣстьѣ, внѣ городской стѣны; остальные три полка дивизіи съ 18 орудіями заняли Королевскій бастіонъ.

Четыре полка 12-й дивизіи ген. Кулебякина съ 24 ору- діями заняли Мстиславльское предмѣстье (по юго-западную сто- рону города). Два полка 27-й дивизіи съ 24 орудіями распо- ложены были въ предмѣстьѣ Рославльскомъ и на кладбищѣ впе- реди его (южная окраина города); наконецъ, Никольское (восточ- ное) предмѣстье было занято полкомъ 12-й дивизіи съ 4 ору- діями. Въ резервѣ оставлены 2 полка 27-й дивизіи, причемъ расположены они были за лѣвымъ флангомъ позиціи, у Рославль- скаго предмѣстья. Другіе два полка (по одному отъ дивизій 12-й и 27-й) съ 4 орудіями поставлены были у самыхъ Днѣпров- скихъ мостовъ.

Вся конница (4 полка казаковъ и ночью прибывшіе 2 полка IV кавалерійскаго корпуса) поставлена была также за лѣвымъ флангомъ позиціи.

Изъ такого расположенія видно, что мы рассчитывали развить наибольшее упорство обороны на западной и юго-западной окраи- нахъ города, откуда и ожидался непріятель; придавая же—и вполнѣ правильно—важное стратегическое значеніе лѣвому флангу всего расположенія, съ обходомъ котораго можно было отжать насъ отъ мостовъ, мы придерживали всѣ резервы свои ближе именно къ этому флангу.

Съ ранняго утра 4 августа французы повели атаку на Смоленскъ. Ней, подойдя по Красненской дорогѣ, т. е. съ западной стороны, развернулъ свой корпусъ противъ предмѣстій Красненскаго и Мстиславльскаго, примыкая лѣвымъ флангомъ къ Днѣпру. Конница французовъ, подъ начальствомъ Груши, выстроившись правѣ пѣхоты, ринулась въ атаку на нашу конницу, сбила её и вогнала въ предмѣстье Никольское. До 9 часовъ утра Ней ограничивался канонадой, выставивъ сильныя батареи у деревни Чернушки. Ровно въ 9 часовъ къ войскамъ Нея прибылъ самъ Наполеонъ, ночевавшій въ 3 верстахъ отъ Смоленска на архіерейской дачѣ. Въ то же время съ юго-запада стали подходить войска корпуса Даву.

Такимъ образомъ французовъ могло собраться вскорѣ до 100 тысячъ противъ едва пятнадцати тысячъ русскихъ.

Въ самомъ началѣ сраженія Раевскій получилъ отъ князя Багратіона записку слѣдующаго содержанія: „Другъ мой! я не „иду, а бѣгу; желалъ-бы имѣть крылья, чтобы соединиться съ тобою. „Держись. Богъ тебѣ помощникъ!“

Въ теченіе дня 4 августа на помощь Раевскому успѣла прибыть только 2-я кирасирская дивизія, которую, какъ бесполезную при оборонѣ города, онъ оставилъ на сѣверномъ берегу рѣки.

Если бы Наполеонъ въ этотъ же день предпринялъ рѣшительную атаку города, то надо думать, что Раевскому не удалось бы удержаться, и положеніе наше могло бы сдѣлаться весьма серьезнымъ.

Къ счастью, великій полководецъ придавъ въ данномъ случаѣ первенствующее значеніе стремленію сосредоточить большую часть своихъ силъ; онъ рѣшилъ отложить атаку Смоленска до слѣдующаго дня, давая намъ въ руки драгоцѣнное время для привлеченія подкрѣпленій...

Впослѣдствіи, въ запискахъ, диктованныхъ имъ на островѣ Св. Елены, Наполеонъ отдалъ должное Раевскому и самому себѣ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Пятнадцати-тысячной русской дивизіи—говоритъ онъ—случайно находившейся въ Смоленскѣ, удалось защищать этотъ городъ въ теченіе сутокъ, что дало время прибыть на слѣдующій день Барклаю-де-Толли.

„Если бы французская армія успѣла врасплохъ овладѣть „Смоленскомъ, то она переправилась бы тамъ черезъ Днѣпръ и „атаковала бы съ тыла русскихъ, еще не успѣвшихъ сосредоточить „свои силы“...

А теперь, въ семь часовъ пополудни 4 августа, Раевскій былъ подкрѣпленъ уже не только конницею, но и пѣхотою: при- было четыре полка 2-й гренадерской дивизіи, какъ разъ послѣ того, какъ отбита была атака Нея на Королевскій бастионъ.

Въ этой атакѣ самъ Ней, прозванный во французской арміи „храбрѣйшимъ изъ храбрыхъ“ (le brave des braves) лично по- вель на бастионъ 46-й линейный полкъ, но былъ отбитъ однимъ изъ батальоновъ Орловскаго полка, во главѣ котораго сталъ самъ Паскевичъ.

Любопытно, что какъ разъ во время этого штурма, когда Раевскій намѣревался со своимъ резервомъ спѣшить на помощь Паскевичу, къ нему подбѣжалъ какой то офицеръ, доложившій, что французы овладѣли Днѣпровскими мостами. Понятно, Раевскій бросился туда немедленно, вмѣсто поддержки Паскевича, рискуя, что центръ его позиціи будетъ прорванъ; но оказалось, что извѣ- стіе было ложное, а офицера, сообщившаго его, впоследствии никакъ не могли найти. Существуетъ предположеніе, что это былъ переодѣтый полякъ.

Въ общемъ, 4 августа французы ограничились почти одною канонадой и только слабыми попытками штурма. Впоследствии Раевскій, на долю котораго выпало отстаивать въ этотъ день Смоленскъ, писалъ про этотъ бой слѣдующее:

„Сраженіе подъ Смоленскомъ, со всѣми его переворотами, „въ которомъ я, располагая ничтожными средствами, долженъ былъ „противодѣйствовать огромнымъ силамъ, есть для меня досто- „памятнѣйшее изъ всѣхъ дѣйствій моей военной жизни. Неиспо- „вѣдимый Промыслъ, поставя меня на край гибели, подаль мнѣ „возможность къ спасенію. Я сражался съ твердою рѣшимостью „погибнуть на семъ посту спасенія и чести; но, взвѣсивая „съ одной стороны важность выдержаннаго мною дѣла, а съ „другой — ничтожность потерь, понесенныхъ моими войсками, „приписываю успѣхъ не столько собственнымъ своимъ соображе- „ніямъ, сколько слабости атакъ Наполеона, который не восполь- „зовался случаемъ рѣшить участь русской арміи и всей войны“.

Дѣйствительно, на помощь VII корпусу уже спѣшили, можно сказать, — летѣли объ арміи. Баграціонъ, ночевавшій съ 3-го на 4-е число у Катани, снялъ наведенный имъ здѣсь раньше мостъ, и эшелонами — для ускоренія движенія — быстро двинулся вверхъ по Днѣпру правымъ берегомъ и къ вечеру собралъ у Смоленска всѣ свои силы.

Въ тотъ же самый день 1-я армія, выступивъ еще до разсвѣта, сдѣлала усиленный 40-верстный переходъ и пришла въ Смоленскъ ночью.

Такимъ образомъ всѣ наши силы уже были сосредоточены.

Казалось бы, на 6 августа Наполеону уже не было нужды, для овладѣнія Смоленскомъ, расходовать силы для его атаки. При занимаемомъ имъ расположеніи и при условіи, что Днѣпръ и дорога на Москву за Смоленскомъ изгибались нѣсколько къ югу, достаточно было двинуть хотя часть своихъ силъ къ Прудической переправѣ и, перейдя здѣсь Днѣпръ раньше, чѣмъ мы успѣли бы дойти по кружной дорогѣ, отрѣзать намъ сообщенія съ Москвою.

Но, въ дѣйствительности, великій полководецъ остановился какъ разъ на обратномъ и на слѣдующій день рѣшительно атаковалъ Смоленскъ.

Быть можетъ, такое рѣшеніе Наполеона объясняется незнаніемъ мѣстности, а затѣмъ — стремленіемъ во что бы то ни стало втянуть насъ въ генеральное сраженіе. Весьма возможно, что тутъ немалую роль играло и тайное нежеланіе Наполеона продолжать въ дальнѣйшемъ углубляться внутрь страны; онъ, несомнѣнно, уже чувствовалъ опасность этого и надѣялся, что у насъ не „выдержатъ характера“ и, пользуясь удавшимся благополучно сосредоточеніемъ силъ, захотятъ отстоять Смоленскъ...

Возможно даже, что и нерѣшительный образъ дѣйствій французовъ въ бою 4 августа, объясняется тѣмъ же соображеніемъ.

У большинства нашихъ начальниковъ господствовало какъ разъ настроеніе, вполне отвѣчавшее видамъ Наполеона. Всѣ они, за исключеніемъ одного Баркляя, были твердо убѣждены, что именно подъ стѣнами Смоленска насталъ моментъ положить предѣлъ успѣхамъ непріятели и всерьѣзъ помѣряться съ нимъ на полѣ брани.

Наиболѣе рѣшительнымъ сторонникомъ этого мнѣнія былъ князь Багратіонъ.

Зная это, Барклай-де-Толли, вѣроятно, не безъ задней мысли и пользуясь тѣмъ предлогомъ, что часть 2-й арміи наканунѣ участвовала въ бою, отставая Смоленскъ, предложилъ такую комбинацію: непосредственную оборону Смоленска передать 1-й арміи, а 2-й отойти нѣсколько далѣе по Московской дорогѣ, предупреждая возможное покушеніе непріятеля обойти слѣва войска, обороняющія Смоленскъ, и прикрывая общій путь отступленія.

Короче говоря, 1-я армія должна была составить боевую часть общаго расположенія, а 2-я — его резервъ *уступомъ* за лѣвымъ флангомъ.

Такъ это, видимо, и понялъ князь Багратіонъ, какъ это явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ словъ его донесенія Государю.

„Надѣюсь, — писалъ онъ — что военный министръ, имѣя пердъ Смоленскомъ готовую къ дѣйствіямъ всю 1-ю армію, удержитъ Смоленскъ. А я, въ случаѣ покушенія непріятеля пройти далѣе на Московскую дорогу, буду отражать его“.

Несомнѣнно однако, что Барклай, предлагая такое „соглашеніе“, имѣлъ уже въ виду дальнѣйшее отступленіе и на Смоленскъ смотрѣлъ только, какъ на арьергардную позицію, упорное удержаніе которой имѣло лишь одинъ смыслъ: обезпечить дальнѣйшій постепенный отходъ всѣхъ нашихъ силъ, привлекая на себя все вниманіе и всѣ усилія непріятеля. Упорство обороны Смоленска должно было ввести — и дѣйствительно ввело, — противника въ заблужденіе, заставляя его думать, что мы дѣйствительно намѣрены драться здѣсь всерьезъ.

Въ Смоленскѣ тѣмъ не менѣе смѣнены были не всѣ войска, бывшія подъ начальствомъ Раевского 4 августа, а только бдльшая ихъ часть. 27-я дивизія Невѣровскаго и 6-й Егерскій полкъ 12-й дивизіи были оставлены, а изъ 1-й арміи введены туда: VI пѣхотный корпусъ Дохтурова и 3-я дивизія Коновницына (изъ III корпуса).

Всего образовалось *двадцать* тысячъ человекъ при 180 орудіяхъ, общее начальство надъ которыми ввѣрено было Дохтурову.

**Генераль-отъ-инфантеріи
Дмитрій Сергѣевичъ Доктуровъ.**

Послѣдній едва успѣлъ оправиться отъ горячки, которою заболѣлъ во время наступленія нашего къ Руднѣ. Онъ чувствовалъ себя еще весьма слабымъ; но радостно изъявилъ готовность принять на себя оборону Смоленска, находя, что лучше „умереть на полѣ чести, нежели безславно на кровати“.

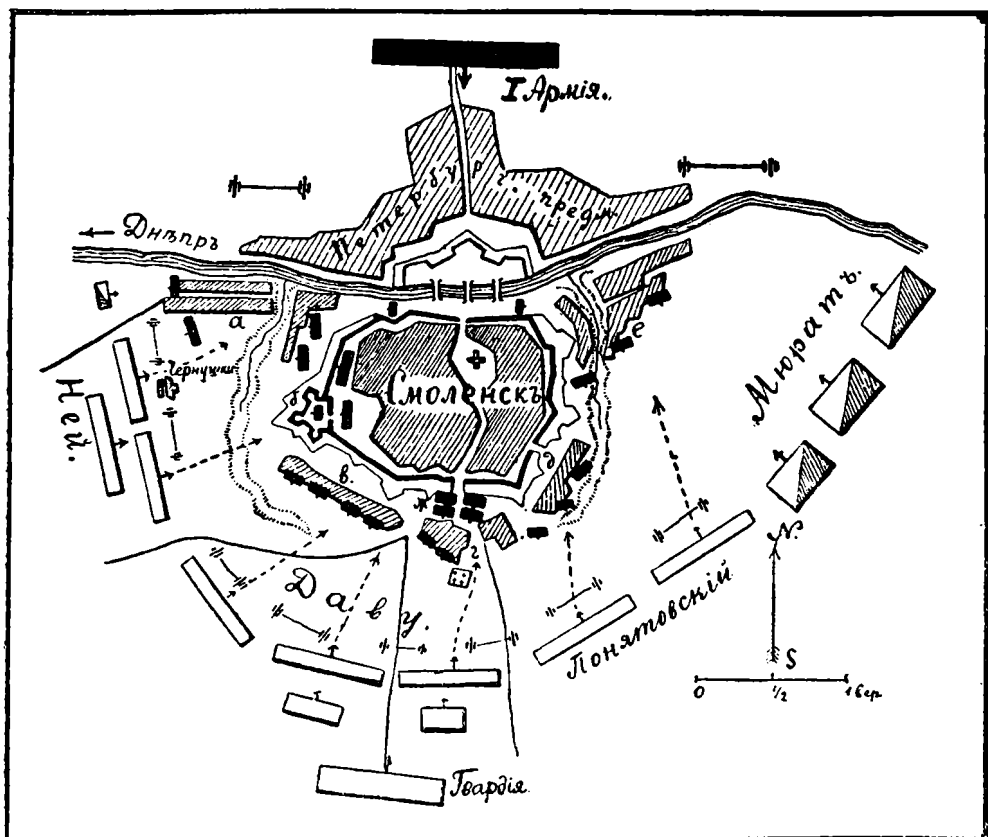
Вообще Дохтуровъ, какъ вѣрно характеризуетъ его и графъ Л. Н. Толстой въ „Войнѣ и Мирѣ“ являлся однимъ изъ наименѣ видныхъ, но, пожалуй, — наиболѣ важныхъ дѣятелей той славной эпохи. Никогда не стараясь выдвинуться и вообще лишенный представительности и чуждый всякаго стремленія рисоваться, Дохтуровъ всегда какъ то попадалъ въ самыя трудныя положенія и на самыя отвѣтственные посты во время многихъ войнъ, въ которыхъ участвовалъ, и всегда выходилъ изъ этихъ положеній съ честью. Обладая поразительною невозмутимостью, онъ однимъ этимъ спокойствіемъ своимъ воодушевлялъ и ободрялъ войска въ самыя тяжкія минуты...

Приказаніе идти въ Смоленскъ на смѣну Раевскому было получено Дохтуровымъ поздно вечеромъ 4-го числа. Всѣ тяжести онъ оставилъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и налегкѣ перешелъ мосты. 24-я дивизія Лихачева смѣнила Паскевича въ Красненскомъ предмѣстьѣ и Королевскомъ бастионѣ. 7-я дивизія Капцевича заняла премѣстья Мстиславльское и Рославльское. Невѣровскій съ егерями 12-й дивизіи расположенъ былъ въ Никольскомъ предмѣстьѣ, т. е. уступомъ за лѣвымъ флангомъ. За тѣмъ же флангомъ, непосредственно у Малаховскихъ воротъ, поставлена цѣлая дивизія Коновницына. Часть артиллеріи размѣщена была въ бастионѣ и въ предмѣстьяхъ, а кромѣ того, распоряженіемъ Барклая, сильныя батареи выставлены были на сѣверномъ берегу Днѣпра такъ, чтобы обстрѣливать во флангъ противника, если бы онъ сталъ угрожать обходомъ.

Что касается французскихъ войскъ, то ихъ расположеніе, еще съ вечера 4 августа, было слѣдующее:

Ней со своими тремя дивизіями остался по прежнему противъ Красненскаго предмѣстья, на лѣвомъ крылѣ всего боевого порядка; Даву имѣлъ пять дивизій сосредоточенными въ центрѣ, противъ предмѣстій Мстиславльскаго и Рославльскаго; за центромъ,

Схема боя 5 августа.

въ резервъ стояла гвардія. Корпусъ Понятовскаго расположился на правомъ флангѣ, противъ Никольскаго предмѣстья, а еще правѣе — вся резервная конница Мюрата.

Общая численность этихъ войскъ — до 140—150 тысячъ, причѣмъ еще 40 тысячъ, а именно корпуса Жюно и вице-короля Евгенія, находились на маршѣ и могли подойти въ теченіе дня.

Судя по этому расположенію, Наполеонъ, повидимому намѣревался привлечь наше вниманіе къ флангамъ ложными атаками Нея и Понятовскаго, а затѣмъ двинуть на центръ грозныя массы Даву, подпираемыя гвардіей, пользуясь тѣмъ, что они не могли поражаться огнемъ батарей съ того берега рѣки.

Съ разсвѣтомъ 5-го числа началась перестрѣлка, которая постепенно усиливалась. Въ 8 часовъ утра Дохтуровъ произвелъ

довольно рѣшительную вылазку, вытѣснивъ непріятеля, успѣвшаго завладѣть окраинами предмѣстій. Но до трехъ часовъ дня бой ограничивался канонадою и небольшими отдѣльными стычками.

Наполеонъ выжидалъ. Ему не хотѣлось штурмовать города, что, несомнѣнно, стоило бы ему не малыхъ потерь, къ тому же, въ сущности, бесполезныхъ.

Онъ рассчитывалъ выманить насъ въ поле и здѣсь разыграть бой по всѣмъ правиламъ своего искусства. Но уже около полудня онъ узналъ, что расчеты его не оправдываются.

Конница съ крайняго праваго фланга донесла ему о замѣченномъ по Московской дорогѣ передвиженіи большого количества русскихъ войскъ. Извѣстіе это настолько встревожило Наполеона, что онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ лично удостовѣриться въ справедливости полученнаго важнаго свѣдѣнія. Отъ селенія Шейнь-острогъ онъ имѣлъ возможность самъ убѣдиться, что русскіе отходятъ по Московской дорогѣ (это были войска кн. Багратіона). Въ первую минуту Наполеонъ вознамѣрился перейти Днѣпръ выше Смоленска и попытаться обойти слѣва хоть часть нашихъ силъ, разъ становилось яснымъ, что мы въ рѣшительный бой вступать не намѣрены.

Но для осуществленія этого плана необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи на подлежащемъ участкѣ рѣки достаточное количество бродовъ, такъ какъ наводка мостовъ потребовала бы столько времени, что уклониться отъ удара мы бы безусловно успѣли. Пославъ для очистки совѣсти свою конницу отыскивать броды,—которые такъ и не были найдены,—Наполеонъ остановился на послѣднемъ, единственно остававшемся ему рѣшеніи — взять городъ штурмомъ.

По данному въ три часа дня тремя ракетами сигналу полтора-раста французскихъ орудій начали разомъ громить городъ. Въ предмѣстьяхъ вспыхнули пожары, и вскорѣ надъ ними поднялись сплошныя облака густого, черного дыма. Начались пожары и въ самомъ городѣ.

Обстрѣлявъ жестокимъ огнемъ предмѣстье Никольское и Рачевку и взявъ своею артиллеріей во флангъ наши батареи того берега Днѣпра, Понятовскій бросился на штурмъ дымящихся развалинъ. Добравшись до самыхъ городскихъ стѣнъ, поляки были

отброшены съ огромнымъ урономъ. Не имѣя штурмовыхъ лѣстницъ, они не могли пытаться эскаладировать высокія каменныя стѣны; для пробитія же бреши дѣйствіе полевыхъ орудій оказывалось слишкомъ слабымъ.

Въ то же самое время по западную сторону города Ней выбилъ наши войска изъ Красненскаго предмѣстья; но атаковать Королевскій бастионъ не рѣшился.

Когда эти результаты были достигнуты, Наполеонъ двинулъ впередъ и Даву. Его войска завладѣли, послѣ ожесточенной схватки, предмѣстьями Рославльскимъ и Мстиславльскимъ. Но далѣе предстояло штурмовать городскія стѣны, за которыми укрылись наши отступившія войска. Сами по себѣ стѣны эти являлись трудно одолимою для противника преградою, такъ какъ для пробитія въ нихъ бреши не было надлежащей силы орудій. Но, съ другой стороны, не было и приспособленій съ нашей стороны для дѣйствія съ этихъ стѣнъ огнемъ.

Наполеонъ попытался, все-таки, сосредоточить на нихъ огонь своей гвардейской резервной артиллеріи; но прочныя старинныя стѣны выдержали испытаніе. Тогда, въ пять часовъ дня, Даву получилъ приказаніе штурмовать городскія ворота, а именно Малаховскія. Смѣло пошли молодецкія дивизіи Даву на приступъ и, въ первое время, даже имѣли успѣхъ. Они ворвались уже въ ворота, и жестокая сѣча закипѣла внутри ограды. Но, какъ разъ въ этотъ критическій моментъ къ Дохтурову подоспѣла нежданная имъ помощь въ лицѣ принца Евгенія Виртембергскаго съ его 4-й дивизіей.

Принцъ въ то время былъ около главнокомандующаго 1-й арміей, который слѣдилъ съ того берега Днѣпра за отчаянною обороною Смоленска. Убѣжденія принца повліяли въ томъ смыслѣ, что Барклай согласился послать 4-ю дивизію на помощь Дохтурову. Самъ же принцъ Евгенийъ, пока двигались его полки, поскакалъ черезъ мостъ, чтобы лично убѣдиться на мѣстѣ въ дѣйствительномъ положеніи дѣлъ.

Онъ нашель тамъ цѣлый адъ..... Едва могъ онъ пробраться сквозь густую толпу раненыхъ, запружавшую мостъ, стараясь выбраться изъ очага смерти. Всѣ улицы, среди пылающихъ факелами домовъ, были переполнены убитыми и умирающими; потоки

Герцогъ Евгеній Виртембергскій.
(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

крови струились повсюду. Доѣхавъ до Малаховскихъ воротъ и убѣдясь въ томъ, что здѣсь напрягаются послѣднія усилія удерживать наступающаго противника, принцъ поскакалъ навстрѣчу своей дивизіи и распредѣлилъ ея полки, частью на фланги, дабы помочь удерживать Понятовскаго и Нея, а съ остальными силами, совместно съ остаткомъ дивизіи Коновницына, произвелъ рѣшительную контръ-атаку, опрокинувшую уже торжествовавшего побѣду противника. У Малаховскихъ воротъ разгорѣлся жестокой бой. Огонь былъ такъ силенъ, что прислуга и лошади нашихъ орудій были смѣнены нѣсколько разъ. Изъ чиновъ штаба Коновницына почти всѣ были перебиты или переранены; самъ онъ, съ пулей въ рукѣ, оставался на конѣ безъ перевязки до конца боя. Принцъ Евгеній Виртембергскій, во главѣ своей колонны, очистилъ штыками прикрытый путь отъ французовъ.

Тѣмъ временемъ отбиты были также и всѣ атаки польскаго корпуса Понятовскаго на Никольское предмѣстье и Рачевку.

Послѣ этого, часовъ около 7 вечера, французы снова сдѣлали попытку атаковать, но были опять отбиты. Тогда непріятель прекратилъ атаки. Наполеонъ убѣдился въ невозможности взять городъ открытою силою и приказалъ сосредоточить на немъ огонь болѣе нежели ста орудій, преимущественно гаубиць, дѣйствующихъ бомбами. Смоленскъ, охваченный пожарами, горѣлъ какъ костеръ. Увѣренные въ томъ, что городъ будетъ защищенъ, жители Смоленска, въ большинствѣ, не покинули его и только 5 августа, когда городъ со всѣхъ концовъ запылалъ, и стали рушиться постройки, когда жертвами огня непріятельскаго сдѣлались сами мирные обыватели, ихъ жены и дѣти, Смоленяне частью бѣжали изъ родного города, частью же собирались въ церквахъ, ища опоры въ молитвѣ. Подъ несмолкаемый громъ орудій и среди ужаса смерти и разрушенія во всѣхъ храмахъ Смоленска шла всеночная наканунѣ праздника Преображенія. Подъ вечеръ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери былъ вынесенъ изъ города и врученъ войскамъ.

Въ бою 6 августа подъ Смоленскомъ Наполеону пришлось, противъ одного только корпуса Дохтурова, насчитывавшаго, вмѣстѣ съ подкрѣпленіями, не болѣе тридцати тысячъ человекъ, напречь силы большей части наличныхъ своихъ войскъ и понести страш-

ныя потери. Послѣднія исчисляются различными писателями крайне разнообразно. Панегиристы Наполеона (вродѣ, напримѣръ, Тьера) считаютъ этотъ уронъ всего до 7 тысячъ человекъ; согласно отбитыхъ у французовъ впослѣдствіи документовъ выходитъ этихъ потерь до 14 тысячъ; русскіе писатели полагаютъ даже, что ихъ было до 20 тысячъ. Наши потери показываютъ въ 6 тысячъ; но, судя по упорству обороны, можно полагать, что и эта цифра преуменьшена.

Впослѣдствіи Баркляя-де-Толли сильно упрекали за упорную оборону Смоленска, считая, что безъ надежды отстоять этотъ городъ не слѣдовало вовлекать войска въ напрасныя потери; достаточно было вести арьергардный бой до тѣхъ поръ, пока это вызывалось необходимостью обезпеченія отступленія 1-й арміи, которая на самомъ дѣлѣ, въ теченіе всего дня 5 августа, была удержана у Смоленска. Удержаніе это, въ силу тяготѣнія къ стѣнамъ древне-русской твердыни, могло быть въ высшей степени пагубнымъ для послѣдующаго положенія арміи, какъ это и будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Тѣмъ не менѣе, въ ту минуту, настроеніе всей арміи и ея команднаго состава, какъ и всей Россіи, было какъ разъ обратное, чѣмъ вѣроятно и объясняется рѣшеніе, принятое Барклаемъ.

Отдать даромъ, безъ упорнаго боя, Смоленскъ, казалось для русскихъ людей столь же немислимымъ, какъ впослѣдствіи было совершенно невозможнымъ уступить безъ боя Москву. Въ то же время не лишено значенія и то соображеніе, что постоянное преднамѣренное отступленіе безъ боя вглубь страны несомнѣнно показалось бы Наполеону подозрительнымъ и онъ, вѣроятно, тогда же разгадалъ бы тотъ планъ, который привелъ его къ конечной гибели. Поэтому самое отсутствіе съ нашей стороны системы въ выполненіи этого плана, слѣдованіе ему какъ бы безсознательно, подъ вліяніемъ отдѣльныхъ случайныхъ причинъ, на самомъ дѣлѣ служило намъ хорошую службу, а такіе кровопролитные бои, какъ сраженіе подъ Смоленскомъ, а затѣмъ и Бородинское, содѣйствуя ослабленію непріятеля морально и физически, въ то же время отлично замаскировывали наши истинныя, впослѣдствіи окончательно и твердо опредѣлившіяся, намѣренія.

Но, послѣ боя 5 августа, продолжать дальнѣйшую оборону Смоленска, превратившагося въ груды развалинъ, было бы риско-

Сражение при Смоленскѣ 5 августа.
Съ картины художн. Гессъ, находящейся въ Зимней дѣлорѣ.

ванно. Наполеонъ могъ, продолжая частью силъ атаку города и притягивая этимъ къ нему 1-ю армію, обойти его съ востока и переправясь черезъ Днѣпръ, обрушиться на прикрывавшую Московскую дорогу 30-ти тысячную армію Багратіона. Послѣдняя была бы, несомнѣнно, разбита, а Барклай былъ бы отрѣзанъ отъ Москвы.

Чтобы скрыть свои истинныя намѣренія, Барклай назначилъ отступить отъ Смоленска не днемъ 6 августа, а въ ночь съ 6-го на 7-ое. Всѣ войска 1-й арміи отведены были въ ночь съ 5 на 6 августа версты на 2—3 отъ города и расположены вдоль Порѣченской дороги, въ полной готовности къ выступленію. Что же касается до войскъ, оборонявшихъ Смоленскъ, то они начали постепенно очищать городъ и переходить на сѣверный берегъ Днѣпра.

Такъ какъ порядка отступленія этимъ войскамъ указано свыше не было, то, по почину частныхъ начальниковъ дивизіи 12-я и 27-я, какъ только перешли мосты, двинулись тотчасъ же вправо на Московскую дорогу. Точно также отошли назадъ, къ войскамъ 1-й арміи, дивизіи Коновницына и принца Евгенія Виртембергскаго. Для обороны предмѣстья оставлены были только два егерскихъ полка 17-й дивизіи, которые, не рассчитывая вовсе на возможность скорой встрѣчи съ противникомъ, не приняли должныхъ мѣръ охраненія и наблюденія тѣмъ болѣе, что плавучіе мосты были ими разведены, а постоянный сожженъ.

Что касается Наполеона, то онъ готовился 6 числа продолжать штурмъ Смоленска и уже распредѣлил для этого войска. Такое рѣшеніе великаго полководца можно объяснить себѣ только желаніемъ устранить то неблагопріятное, разлагающее вліяніе, которое отбитый наканунѣ штурмъ, оставленный безнаказаннымъ, могъ бы произвести на войска. Отсюда видно, до какой степени Наполеонъ, придававшій столь огромное значеніе нравственной силѣ, опасливо относился, уже въ этотъ моментъ кампаніи, къ малѣйшему симптому, свидѣтельствующему о *пониженіи духа* его войскъ. Онъ готовъ былъ даже положить нѣсколько лишнихъ тысячъ бойцовъ, лишь бы не допустить развиться въ арміи червя сомнѣнія и недовѣрія къ себѣ.

Но этой жертвы не потребовалось. На утро 6 августа обнаружилось, что южная часть Смоленска очищена русскими, и пыл-

кій Нея, не теряя ни минуты, двинулъ головныя части своего корпуса вбродъ черезъ Днѣпръ, дабы захватить поскорѣе Петербургское предмѣстье.

Войска Нея, безнаказанно перейдя рѣку, обрушились на зазѣвавшихся нашихъ егерей, и послѣдніе быстро были выбиты въ поле. Завязался беспорядочный бой за предмѣстье. Самъ Барклай-де-Толли направилъ ближайшія отъ него войска на подкрѣпленіе егерямъ Коновницына. Нѣкоторые частныя начальники, по своему почину, также возвратили отдѣльныя части свои, и завязалась перестрѣлка, тянувшаяся весь день. Отдѣльныя попытки французовъ были успѣшно отражаемы. Къ вечеру все предмѣстье запылало, зажженное артиллерійскимъ огнемъ. Пламя было столь сильно, что яблоки въ многочисленныхъ здѣсь садахъ дѣлались на вѣтвяхъ печеными... Съ наступленіемъ темноты французамъ, все-таки, удалось навести мостъ, и на разсвѣтъ 7 августа корпусъ Нея началъ переправу.

Отступление отъ Смоленска. Ночной маршъ нашихъ армій съ 6 по 7 августа. Бой у деревни Гедеоновой.

Дѣйствія арьергарда Тучкова 3-го. Бои за р.р. Колодней и Страганью (у Валудиной горы и Лубина).

Общая оцѣнка Смоленской операціи.

ока, 6 августа утромъ, 1-я армія, по очищеніи ею Смоленска, задержалась у Петербургскаго предмѣстья, армія князя Багратіона, находившаяся во время боевъ за Смоленскомъ на Московской дорогѣ, въ уступномъ положеніи, обезпечивая нашъ путь отступления, тронулась съ мѣста своего расположенія за притокомъ Днѣпра, р. Колодней, по направленію къ Москвѣ.

Необходимо отмѣтить, что вслѣдствіе дѣлаемаго верхнимъ теченіемъ рѣки Днѣпра изгиба, большая Московская дорога, нашъ главный путь отступления, пересѣкаетъ послѣ Смоленска снова Днѣпръ, примѣрно въ двухъ переходахъ за этимъ городомъ, у такъ называемой Соловьевой переправы. При этомъ первыя пять верстъ за Смоленскомъ означенная дорога пролегаетъ такъ близко къ берегу рѣки, что двигающіяся по ней войска легко подвергаются

обстрѣливанію артиллерійскимъ огнемъ съ противоположнаго берега, даже при тогдашней ограниченной дальности орудійной стрѣльбы.

А такъ какъ у деревни Прудищево имѣлся хорошій бродъ, и разстояніе дотуда съ южной окраины Смоленска было короче, чѣмъ отъ Петербургскаго предмѣстья по Московскому тракту до точки пересѣченія его съ дорогой, ведущей отъ Прудищенской переправы, то ясно, что маршъ 1-й арміи по правому берегу Днѣпра отъ Смоленска по направленію къ Москвѣ оказывался крайне опаснымъ фланговымъ маршемъ. При этомъ, особо важное временное стратегическое (такъ называемое *маневренное*) значеніе приобрѣтала именно та точка, гдѣ противникъ могъ насъ предупредить на Московской дорогѣ. Кромѣ того, для достиженія возможно большей быстроты и скрытности въ отходѣ отъ Смоленска слѣдовало воспользоваться всѣми сколько нибудь пригодными дорогами, отступая широкимъ фронтомъ. Но дороги эти (см. ниже) въ концѣ концовъ сходились опять таки на ту же большую Московскую дорогу.

Для надежнаго обезпеченія этого опаснаго передвиженія, необходимо было выполнить двѣ крайне трудныя задачи:

1) Не допустить французовъ, могущихъ переправиться черезъ Днѣпръ у Прудищева, перехватить Московскую дорогу и, слѣдовательно, сдерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока всѣ колонны, отступающія отъ Смоленска, не вытянутся на большой трактъ.

2) Удерживать на томъ же трактѣ и тѣ силы французовъ, которыя будутъ насъ преслѣдовать въ хвостъ, непосредственно отъ Смоленска, пока не закончится вышеупомянутое вытягиваніе.

Предвидя заранѣе всю важность удержанія въ своихъ рукахъ узловой точки, въ которой скрещивались на Московской дорогѣ пути отъ Прудищенской переправы и тотъ кружный проселочный путь, по которому можно было безопасно уходить отъ Смоленска, Барклай условился заблаговременно съ Багратиономъ, чтобы послѣдній, передъ продолженіемъ своего отступленія, оставилъ на этомъ перекресткѣ (у Лубина) *сильный арьергардъ*. Этотъ арьергардъ, по мысли Барклая, и долженъ былъ выполнить тѣ двѣ задачи, о которыхъ сказано выше, пока 1-я армія, уклоняясь

къ сѣверу проселочными путями, дабы избѣжать опаснаго обстрѣливаемаго участка большой Московской дороги, выйдеть снова на эту дорогу.

Этихъ проселочныхъ путей, пригодныхъ для скрытнаго отступленія 1-й арміи, имѣлось всего *два*. Одна дорога—быль Петербургскій трактъ до деревни *Стабня*, откуда по проселочной дорогѣ черезъ *Зыколино—Сущево—Прудиче* можно было выйти, двумя усиленными переходами, къ Соловьевой переправѣ. Другая дорога сворачивала съ Петербургскаго тракта сейчасъ же за Смоленскомъ, у *Крахоткина*, послѣ чего, черезъ *Полуево—Горбуново* выводила на Московскую дорогу близъ *Лубина*.

Задержка всей 1-й арміи близъ Смоленска въ теченіе цѣлаго дня 6 августа, въ сущности, обстановкой не вызывалась. Было бы гораздо правильнѣе, если бы движеніе продолжалось безостановочно, чему отчасти способствовалъ и арьергардный бой, завязавшійся въ этотъ день въ Петербургскомъ предмѣстьѣ. Положимъ, сдѣланный наканунѣ арміею усиленный переходъ служить до нѣкоторой степени Барклаю оправданіемъ; но все же хотъ часть силъ ему надлежало заблаговременно продвинуть къ Лубину; этимъ трудности предстоящаго марша облегчились бы, а опасность его была бы значительно уменьшена.

Тѣмъ болѣе слѣдовало это сдѣлать, что французы подарили намъ этотъ день въ сущности для насъ непредвидѣнно. Если бы броды на Днѣпрѣ выше Смоленска были ими побыстрѣ отысканы, и если бы Наполеонъ не промедлилъ, выжидая болѣе точнаго выясненія обстановки и направленія отхода русскихъ, а, продолжая развивать прежній свой планъ, безотлагательно направилъ бы ближайшіе къ Днѣпру корпуса и особенно конницу Мюрата на ту сторону, то положеніе вещей могло сложиться для насъ весьма печально, особенно въ виду того непонятнаго и рокового упущенія, которое сдѣлано было княземъ Багратиономъ.

На самомъ дѣлѣ, Наполеонъ остался въ Смоленскѣ и на слѣдующій день, поручивъ преслѣдованіе нашихъ войскъ Нею, Жюно и Мюрату, причемъ не объединилъ между ними власти. Обстоятельство это, понятно, вызвало тренія между французскими маршалами и сыграло намъ въ руку, позволивъ счастливо избѣжать, можно сказать, трагическаго положенія...

Дѣло въ томъ, что князь Багратионъ не выполнилъ того условія, о которомъ говорилось выше: онъ не оставилъ за рѣкою Колодней *сильнаго* арьергарда, а только—четыре казачьихъ полка Карпова!

Къ счастью, французы медлили и не послали сильной развѣдки въ этомъ наиболѣе важномъ направленіи. Ихъ многочисленная конница, не участвовавшая почти въ бояхъ подъ Смоленскомъ, бездѣйствовала и теперь. Въ этомъ отношеніи прославленный Мюратъ, король Неаполитанскій, въ роли старшаго кавалерійскаго начальника, оказывался далеко не на высотѣ положенія. Его хватало на подвиги безумной отваги; на возбужденіе личнымъ примѣромъ своихъ полковъ, но до прониканія въ обстановку и до самостоятельнаго управленія своею конницей впереди арміи, въ отношеніи чего дали у насъ такіе блестящіе образцы князь Меншиковъ при Петрѣ и Румянцевъ при Елизаветѣ, ему было далеко...

Спасительную для насъ медлительность самого Наполеона подъ Смоленскомъ объясняютъ различно. Онъ былъ поглощенъ въ первый моментъ по занятіи города многосложными военно-административными распоряженіями, по устройству тыла своей огромной арміи и по удовлетворенію многоразличныхъ ея нуждъ,—а затѣмъ, по нѣкоторымъ даннымъ, какъ будто задумывался вообще о пріостановкѣ дальнѣйшаго наступленія. Кромѣ того, плохая развѣдка французской конницы совершенно не уяснила ему того критическаго положенія, въ которомъ, какъ увидимъ ниже, оказались наши силы при отступленіи отъ Смоленска. Онъ даже не могъ себѣ и представить, что мы можемъ очутиться въ такой опасности, иначе несомнѣнно воспользовался бы этимъ...

Считая всѣ происходившіе 7 августа бои за простыя арьергардныя столкновенія, Наполеонъ остался въ Смоленскѣ и не взялъ въ свои руки общаго руководства преслѣдованіемъ противника. Нѣтъ сомнѣнія, что отъ орлианаго взора великаго полководца не ускользнули бы тѣ выгодныя условія, которыя подвергались ему для нанесенія намъ чуть ли не полнаго разрома....

Конечно, много значило то, что окрестности Смоленска,—это была уже не Польша, а Россія. Здѣсь уже не пріобрѣталось, какъ тамъ, легкихъ услугъ шпионовъ, не оказывалось даже про-

водниковъ. Все населеніе чуть не сплошь покинуло свои обита-
лища, и французы встрѣчали на своемъ пути опустѣлыя деревни.
Этимъ объясняется, между прочимъ, то, что, несмотря на обиліе
бродовъ на Днѣпрѣ выше Смоленска, особенно во время авгу-
стовской засухи, французы не могли отыскать ихъ. Мало этого,
направленіе отступленія нашихъ войскъ первое время совершенно
извѣстно не было, въ силу чего непріятелю, волей-неволей, при-
ходилось дѣйствовать ощупью и, слѣдовательно, медлить. А эта то
медлительность и дала возможность Барклаю уклониться отъ
угрожавшей ему страшной опасности....

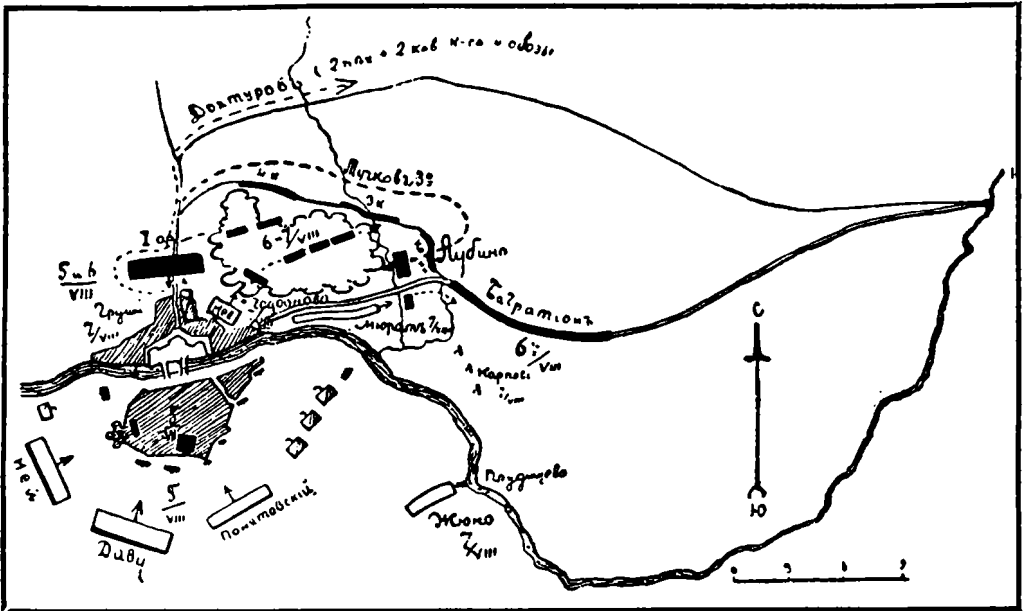
Весь день 6 августа 1-я армія провела по обѣ стороны По-
рѣченской дороги, поѣшелонно, причѣмъ арьергардъ ея цѣлый
день удерживался въ Петербургскомъ предмѣстьѣ. Князь Багра-
тіонъ въ этотъ день выступилъ съ рѣчки Колодни по направленію
къ Соловьевой переправѣ, оставивъ близъ Шеина-острога, на
6-й верстѣ отъ Смоленска, отрядъ князя Горчакова, съ тремя
казачьими полками Карпова. Но, вопреки условію, заключенному
съ княземъ Багратіономъ, арьергарду этому приказано было отхо-
дить не *по смѣль* его головными частями 1-й арміи, а *„нанѣ только
покажутся головныя части 1-й арміи“*.

Князь Горчаковъ буквально выполнилъ это распоряженіе, со-
вершенно не вникая въ обстановку и не оцѣнивая крайне-важнаго
временнаго стратегическаго значенія Лубинскаго перекрестка. Зна-
ченіе это заключалось въ томъ, что точка эта, находившаяся
ближе къ бродамъ черезъ Днѣпръ у Прудышева, чѣмъ къ Смо-
ленску, могла быть легко перехвачена французами, чѣмъ наша
1-я армія могла быть поставлена въ невозможность достигнуть
Соловьевой переправы, а слѣдовательно потеряла бы путь отсту-
пленія къ Москвѣ.

Мало этого, самое отступленіе 1-й арміи отъ Смоленска
было осложнено многими обстоятельствами, еще болѣе затрудни-
вшими ея положеніе.

Имѣя въ виду воспользоваться темнотою, дабы лучше скрыть
отъ противника направленіе своего отхода, Барклай-де-Толли
назначилъ выступленіе своимъ войскамъ вечеромъ 6 августа. При
этомъ 1-я армія раздѣлена была на двѣ колонны, изъ коихъ пер-
вая, подъ начальствомъ Дохтурова, въ составѣ V и VI пѣхотныхъ,

Схема.

II и III кавалерийских корпусов и всей резервной артиллерии и обозов, двинута была по болѣе кружной дорогѣ черезъ Стабню—Прудиче; вторая же колонна (генерала Тучкова 1-го), въ составѣ II, III и IV пѣхотныхъ корпусовъ и I кавалерийскаго корпуса, должна была свернуть съ Петербургской дороги уже у Крахоткина и выйти черезъ Полуево—Горбуново—Катаево на Московскую дорогу. Второй переходъ обѣ колонны должны были совершить къ Соловьевой переправѣ, гдѣ соединиться.

Такъ какъ первой колоннѣ предстояло совершить болѣе кружной путь, да еще при ней были всѣ тяжести, то выступленіе ей было назначено на два часа ранѣе второй колонны, а именно въ 7 часовъ вечера. Что же касается войскъ генерала Тучкова 1-го, то порядокъ ихъ слѣдованія установленъ былъ такой: въ головѣ двигался I кавалерийскій корпусъ, за нимъ III и IV пѣхотные; II же пѣхотному корпусу сперва приказано было выходить на Московскую дорогу не черезъ Крахоткино, а ближайшимъ проселкомъ, выведившимъ черезъ лѣсъ прямо къ деревнѣ Горбуновой, расположенной на Московскомъ трактѣ за р. Колодней; но затѣмъ приказаніе это было отмѣнено, и II корпусъ направленъ слѣдомъ за IV.

Послѣдующія событія являются разительнымъ подтвержденіемъ крайней трудности организаціи ночныхъ движеній, особенно для крупныхъ войсковыхъ массъ, и поддержанія въ это время связи между частями.

Только головные корпуса колонны Тучкова 1-го выступили согласно диспозиціи, т. е. въ 9 часовъ вечера; IV же пѣхотный корпусъ, графа Остермана-Толстого, запоздалъ и задержалъ шедшій слѣдомъ за нимъ II корпусъ, притомъ настолько, что хвостовая его дивизія, принца Евгенія Виртембергскаго, могла тронуться съ мѣста только въ часъ пополудни.

Вслѣдствіе этого, между III и IV корпусами образовался большой промежутокъ; полки IV корпуса растянулись и оторвались одинъ отъ другого; нѣкоторые изъ нихъ сбились съ направленія и слѣдовали по различнымъ дорогамъ. Переправа черезъ многіе плохіе мостки, требовавшіе починки, замедляла движеніе до чрезвычайности; очевидно, не было сдѣлано предварительно внимательной развѣдки путей, на что можно было свободно посвятить весь день 6 августа. Въ концѣ концовъ часть IV корпуса и весь II корпусъ окончательно сбились съ пути въ лѣсу между Смоленскомъ и Горбуновымъ и, блуждая въ теченіе всей ночи по этому лѣсу въ разныхъ направленіяхъ, въ шестомъ часу утра очутились у селенія *Гедеонова*, всего въ полутора верстахъ отъ Петербургскаго предмѣстья, изъ котораго какъ разъ въ это время выходили и выстраивались французскія войска корпуса Нея, уже успѣвшія переправиться черезъ Днѣпръ. Войска эти находились такъ близко отъ нашихъ войскъ, что слышны были сигналы въ ихъ стрѣлковой цѣпи, а также барабанный бой и музыка подходившихъ полковъ.

Создалось и въ этомъ мѣстѣ неожиданно крайне опасное положеніе. Отступить и отдать французамъ, на которыхъ мы случайно наткнулись, безъ боя Гедеонову, значило бы открыть имъ прямой путь на Горбунову, у которой они, еще проще и скорѣе, чѣмъ у Лубина, могли успѣть перехватить дорогу на Москву части колонны Тучкова 1-го. Такимъ образомъ, благодаря случайности, — неудачно организованному ночному маршу лѣвой колонны 1-й арміи, — деревни Гедеонова и Горбунова приобрѣли для насъ, подобно Лубину, огромное стратегическое значеніе, и при-

ходилось идти на всё жертвы, чтобы удержать ихъ въ своихъ рукахъ, пока не вытянутся всѣ колонны и не прекратится опасный фланговый маршъ 1-й арміи.

Короче говоря, къ утру 7 августа получилось слѣдующее положеніе:

2-я армія находилась въ полной безопасности на пути къ Соловьевой переправѣ; оставленному ею безъ надежной охраны Лубинскому перекрестку готовились (какъ увидимъ ниже) угрожать съ юго-запада войска Мюрата и Жюно, а съ запада (впослѣдствіи)—Нея. У деревни Геденовой случайный боковой авангардъ уже выдерживалъ напоръ превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Подъ прикрытіемъ этихъ двухъ боевъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ непосредственно, остальные силы 1-й арміи кружными путями форсированно вытягивались на Московскую дорогу.

По счастью, въ самую критическую минуту, а именно около 8 часовъ утра, у деревни Геденовой оказался самъ главнокомандующій. Не потерявъ присутствія духа, онъ быстро успокоилъ общее замѣшательство, вызванное путаницей минувшей ночи и неожиданнымъ столкновениемъ съ противникомъ. Онъ остановилъ на высотахъ у Геденовой первые попавшіеся ему подъ руку полки; ввѣрилъ надъ ними начальство принцу Евгенію Виртем-

**Генералъ-лейтенантъ
Федоръ Карловичъ Корфъ.**

бергскому, на присоединение къ которому направилъ арьергардъ Корфа и все, что вообще могло оказаться подъ рукою. „Теперь „нужно еще болѣе усердія, нежели третьяго дня; дѣло идетъ о „спасеніи арміи“, сказалъ принцу главнокомандующій.

Къ счастью, какъ уже сказано, французы находились въ полномъ туманѣ, а Наполеономъ не было дано никакихъ опредѣленныхъ для преслѣдованія распоряженій. Поэтому Ней, перейдя черезъ Днѣпръ еще на разсвѣтѣ, нѣсколько часовъ простоялъ впереди Петербургскаго предмѣстья, между дорогами Порѣченской и Московской, ожидая сколько нибудь ясныхъ свѣдѣній о движеніяхъ русской арміи. Въ самомъ дѣлѣ, опредѣлить, куда именно отошли наши главные силы: къ сѣверу-ли, на Петербургъ, или къ востоку, на Москву—было мудрено. Къ сѣверу, по Петербургской дорогѣ, двигался арьергардъ Корфа (потомъ возвращенный назадъ Барклаемъ); къ востоку, по направленію къ р. Колоднѣ, виднѣлись казачьи разъѣзды Карпова, а въ промежуткѣ между обоими дорогами, у Гедеоновой появились какія-то войска, значеніе и силу которыхъ трудно было опредѣлить.

Для выясненія обстоятельствъ и сбора сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о противникѣ Мюратъ переправилъ, наконецъ, два кавалерійскихъ корпуса, Нансути и Монбрена, черезъ Днѣпръ, двинувъ ихъ правѣе Нея, по Московской дорогѣ, а корпусъ Груши направилъ по Петербургскому тракту. Ясное дѣло, что конницу эту слѣдовало выслатъ гораздо раньше, еще 6-го числа; тогда обстановка, вѣроятно, была бы понятна французамъ, и распоряженія Наполеона отличались бы полнотой, опредѣленностью и твердостью.

Бездѣятельность Нея позволила принцу Евгенію Виртембергскому успѣть приготовить оборону позиціи у Гедеоновой. Только около 8 часовъ утра французы начали здѣсь перестрѣлку, а къ 9 атаковали колоннами нашу позицію и, послѣ упорной борьбы, ворвались въ деревню Гедеонову; конница французская густыми массами обрушилась на Вильманstrandскій пѣхотный полкъ, расположенный близъ Московской дороги. Въ эту рѣшительную минуту, когда, казалось, удержаться у Гедеоновой не было никакой возможности, прилетѣли изъ арьергарда Корфа гусары Сумскіе и Маріупольскіе, а съ другой стороны бывшіе на

развѣдкѣ гусары Елизаветградскіе и Изюмскіе; эти лихіе полки самоотверженно ринулись въ атаку и замедлили наступленіе французовъ какъ разъ настолько, что дали время подоспѣть пѣхотѣ арьергарда Корфа, которая прикрыла отступленіе нашихъ войскъ, первоначально занимавшихъ Гедеонову.

Принцъ Евгенийъ Виртембергскій, лично участвовавшій въ атакѣ Изюмскихъ гусаръ, получилъ отъ главнокомандующаго приказаніе отвести всѣ бывшія въ его рукахъ войска на ближайшія высоты, за деревней Галіонщиной, прикрывая оттуда отходъ арьергарда Корфа отъ Гедеоновой. Такъ, постепенно переходя съ позиціи на позицію и прикрывая другъ друга, доблестныя войска наши отходили шагъ за шагомъ къ Горбунову, сдерживая натискъ Нея.

Когда Наполеону сообщили о произошедшемъ близъ Гедеоновой боевомъ столкновеніи, онъ тотчасъ же распорядился, чтобы корпусъ Даву двигался вслѣдъ за корпусомъ Нея; вестфальскому же корпусу Жюно приказано было немедленно начать переправу у Прудищевой. Гвардія была оставлена въ Смоленскѣ, куда вскорѣ прибылъ и корпусъ вице-короля; корпусъ Понятовскаго пока оставался на лѣвомъ берегу Днѣпра, выше Смоленска.

Самъ Наполеонъ, желая лично выяснитъ ходъ дѣла, отправился къ корпусу Даву, расположенному у деревни Вязовенки, между Московскою и Петербургскою дорогами, въ двухъ верстахъ отъ Смоленска. По пріѣздѣ сюда, Наполеонъ узналъ отъ прискакавшихъ ординарцевъ о томъ, что и на Московской дорогѣ занята русскими войсками другая позиція (это былъ арьергардъ Тучкова 3-го у Лубина, о которомъ сказано будетъ ниже). Справедливо придавая болѣе важное значеніе этому послѣднему отряду, Наполеонъ приказалъ Нею двинуться вправо и атаковать эти войска съ фронта, въ то время какъ Мюрату и Жюно предписано было обойти ту же самую позицію съ лѣваго фланга.

Если бы Наполеону обстановка въ эту минуту была болѣе ясной, то онъ несомнѣнно не ограничился бы этими распоряженіями, а взялъ бы все дѣло въ свои собственныя руки. Въ данномъ же случаѣ онъ, повидимому, считалъ обнаруженныя до сихъ поръ наши войска простыми арьергардами, прикрывавшими отходъ обозовъ. Поэтому, привлекаемый административными дѣлами, онъ возвратился въ Смоленскъ и, какъ свидѣтельствуесть въ своихъ

запискахъ генераль Гурго, бывшій тогда ординарцемъ при Наполеонѣ, ограничился тѣмъ, что поручилъ послѣднему согласовывать между собою дѣйствія Нея, Мюрата и Жюно.

Къ такому распоряженію великаго полководца нельзя не отнести съ осужденіемъ. Не установивъ должнаго объединенія власти между тремя равноправными начальниками, а поручивъ лишь своему адъютанту приводить къ единству ихъ движенія, Наполеонъ впалъ, хотя и въ меньшемъ объѣмѣ, но въ ту же, по существу, ошибку, которая совершена была у насъ необъединеніемъ власти между Багратиономъ и Барклаемъ. Ошибка эта оказалась для насъ, какъ увидимъ ниже, прямо таки спасительной.

Возвратимся къ положенію дѣлъ у Лубинскаго перекрестка. Какъ уже было сказано, арьергардъ 2-й арміи, буквально исполняя данное ему Багратиономъ приказаніе, очистилъ Лубино и продолжалъ отступление, какъ только показались головныя части 1-й арміи. Къ счастью, начальникъ авангарда лѣвой колонны этой арміи, генераль-маіоръ Тучковъ 3-й, узнавъ объ отходѣ Горчакова, въ противоположность послѣднему, вполне оцѣнилъ положеніе дѣлъ и повернулъ отъ деревни Тычиной по собственному почину вправо.

Перекрестокъ у деревни Лубино въ данный моментъ временно пріобрѣталъ чрезвычайно важное стратегическое значеніе, гораздо болѣе важное, чѣмъ Горбуново. Если бы противникъ, быстро перейдя Днѣпръ у Прудышева, успѣлъ овладѣть этимъ пунктомъ, то всѣ войска, не успѣвшія миновать перекрестокъ, были бы отрѣзаны отъ Москвы.

Желая задержать противника какъ можно дольше, и несмотря на то, что помощь ему могла прибыть лишь весьма не скоро, Тучковъ 3-й продвинулся по дорогѣ ближе къ Смоленску до самой рѣки Колодни. Этимъ пріобрѣтались весьма существенныя выгоды, съ точки зрѣнія лежащей на арьергардѣ задачи, ибо за Колодней, до самаго Лубина, имѣлся цѣлый рядъ арьергардныхъ позицій, что весьма способствовало задержанію непріятеля и, значитъ, выигрышу времени. Насколько послѣднее было дорого, видно изъ того, что Тучковъ 3-й, выступивъ наканунѣ съ бивака въ 8 часовъ вечера, употребилъ на 20-ти верстный переходъ цѣлыхъ 12 часовъ времени; до такой степени была труднопрохо-

дима та проселочная дорога, по которой совершалось движение къ Лубину нашей лѣвой колонны! Послѣдніе же эшелоны этой колонны прошли этотъ перекрестокъ только въ 7 часовъ вечера 7 августа...

Мѣстность, на которой Тучкову 3-му предстояло принять бой, образуетъ рядъ возвышенностей, прорѣзаемыхъ нѣсколькими рѣчками, которыя, сливаясь въ послѣдствіи съ тою же Колоднею, пересѣкаютъ Московскую дорогу подъ прямымъ угломъ, образуя рядъ параллельныхъ позицій. Во всѣхъ этихъ позиціяхъ лѣвые берега командуютъ надъ правыми и, такимъ образомъ, даютъ преимущество той сторонѣ, которая отходитъ отъ Смоленска. Но общимъ недостаткомъ всѣхъ этихъ позицій является легкость обхода ихъ съ лѣваго фланга.

Первоначальное расположеніе 3-хъ тысячнаго авангарда Тучкова 3-го за рѣкою Колодней было слѣдующее: два егерскихъ полка (20-й и 21-й) подъ командою князя Шаховскаго, заняли кустарники по обѣимъ сторонамъ дороги, поперекъ которой, на скатѣ высоты, стала конно-артиллерійская рота; Ревельскій пѣхотный полкъ и нѣсколько эскадроновъ Елизаветградскаго гусарскаго полка стали въ резервѣ у самой дороги; казаки были направлены влѣво, въ направленіи къ Днѣпру, откуда ожидалась наибольшая опасность.

Противникъ появился передъ нашею позиціей только около полудня; но Ней дѣйствовалъ съ чрезмѣрной осмотрительностью, благодаря чему развѣдка и развертываніе его войскъ для боя потребовали столько времени, что къ Тучкову успѣли подойти первыя подкрѣпленія, въ числѣ свыше 2.000 человекъ. Подкрѣпленія эти подоспѣли по настояніямъ Ермолова, ясно понимавшаго всю важность удержанія Лубинскаго перекрестка и настойчиво ускорявшаго всѣми мѣрами движеніе главныхъ силъ лѣвой колонны Тучкова 1-го. Прежде всего привлечены были на рысяхъ, изъ хвоста III пѣхотнаго корпуса, 2 полка гренадеръ и 6 орудій. Благодаря этому подкрѣпленію, Тучковъ продержался на такъ называемой *Валутинной горѣ* до трехъ часовъ пополудни, и только подъ давленіемъ собравшихся къ этому времени превосходныхъ силъ противника онъ вынужденъ былъ отойти за рѣку Страгань. Здѣсь уже нужно было удерживаться до послѣдней крайности, такъ какъ

позиція эта была послѣднею до Лубинскаго перекрестка. Она состояла изъ возвышенности сѣвернѣе большой дороги; вершина эта прикрывала выходъ проселочной дороги отъ дер. Горбуновой къ Лубинскому перекрестку и у дер. Гречишки упиралась въ лѣсъ. Южнѣе большой дороги протягивалась болотистая низина, покрытая кустарникомъ; она постепенно переходила въ волнообразную равнину, поросшую частью лѣсомъ, но все же удобную для дѣйствій кавалеріи. Въ тылу этой равнины протекала рѣчка, топкіе берега которой были безусловно непроходимы, особенно для конницы. Фронтъ праваго фланга позиціи обладалъ прекраснымъ обстрѣломъ и прикрывался оврагомъ, въ которомъ течетъ рѣчка Страгань.

Насколько важно было удержать эту позицію, и до какой степени это уже проникло въ сознаніе всѣхъ высшихъ начальниковъ, видно изъ нижеслѣдующаго свидѣтельства Левенштерна, одного изъ участниковъ войны. При отступленіи за Страгань, Тучковъ 3-й лично доложилъ Барклаю-де-Толли, что не чувствуетъ себя болѣе въ силахъ противиться превосходному противнику. Барклай отвѣчалъ ему на это: „Извольте возвращаться къ вашему „посту и умрите тамъ; если вы еще придете сюда, то я велю „васъ разстрѣлять“.

Благодаря прибывшимъ еще подкрѣпленіямъ, у Тучкова 3-го къ 4 часамъ пополудни образовалось уже 17 батальоновъ, или до 8 тысячъ человекъ. Войска эти были расположены, по указаніямъ начальника штаба арміи генерала Ермолова, слѣдующимъ образомъ. Въ центрѣ позиціи, близъ большой дороги, у дер. Конюшки, стала восьмиорудійная батарея, позади которой—6 батальоновъ; 2 батальона заняли лѣсъ у дер. Гречишки; 4 батальона расположились лѣвѣе, въ низинѣ, и заняли рощу, имѣя 3 батальона сзади, въ частномъ резервѣ; остальные 2 батальона стали въ резервѣ за правымъ флангомъ; на противоположномъ флангѣ впереди держались казаки Карпова.

Вскорѣ наши гусары, высланные впередъ на развѣдку, донесли о движеніи массы непріятельской конницы въ обходъ праваго фланга нашей позиціи. Это была кавалерія Мюрата, слѣдомъ за которой показывались уже и головы пѣхотныхъ колоннъ Жюно. Узнавъ объ этомъ Ермоловъ, именемъ главнокомандующаго, при-

тянулъ на рысяхъ первый кавалерійскій корпусъ графа Орлова-Денисова, который уже успѣлъ пройти Лубино. Орлову-Денисову приказано было расположиться на высотахъ не доходя болота, причемъ ему подчинены были и прибывшіе къ Тучкову изъ отряда Корфа гусарскіе полки: Сумской, Маріупольскій, Елизаветградскій и 2 эскадрона Изюмскаго. Всего на нашемъ лѣвомъ флангѣ въ рукахъ Орлова-Денисова собралось свыше 5 тысячъ коней.

Оставивъ свой корпусъ за болотистымъ ручьемъ въ одну линію, укрываясь мелкимъ кустарникомъ, чтобы заставить противника думать, что онъ сильнѣе, чѣмъ было въ дѣйствительности, Орловъ-Денисовъ перевелъ гусаръ передъ болото, гдѣ построилъ ихъ въ четыре линіи, въ шахматномъ порядкѣ, съ эскадронными интервалами между эскадронами. Это давало возможность атаковать послѣдовательно линія за линіей. Правый свой флангъ гусары примкнули къ пригорку, на которомъ поставлены были четыре конныхъ орудія. На крайнемъ лѣвомъ крылѣ расположились изюмцы и казаки Карпова.

Французы подступили къ нашей позиціи въ 4 часа дня. Сперва, въ теченіе примѣрно часа, непріятель ограничился артиллерійскимъ огнемъ и перестрѣлкой, и только около пяти часовъ Нея двинулъ одну дивизію (Гюдена) вдоль дороги на нашу большую батарею; другая дивизія пошла низиной противъ лѣваго крыла нашей пѣхоты; остальные двѣ дивизіи корпуса Нея были оставлены имъ въ резервѣ. Французы четыре раза бросались на батарею, но всякій разъ наша молодецкая пѣхота опрокидывала ихъ. Особенно отличились здѣсь лейбъ-гренадеры, потерявшіе въ этотъ славный для нихъ день 5 офицеровъ и 42 нижнихъ чина убитыми и 286 ранеными. Другая дивизія Нея пыталась обойти нашъ лѣвый флангъ, выбила нашу пѣхоту изъ рощи южнѣе батареи, но частный резервъ, бывшій за рощей, ее отбросилъ.

Въ результатѣ наши 14 баталіоновъ, числомъ не болѣе 7 тысячъ человекъ, удержались противъ двойного превосходства силъ обѣихъ дивизій Нея. Генераль Гюденъ, пропуская свои полки мимо себя черезъ рѣчку, при восторженныхъ кликахъ ихъ: „Да здравствуетъ Императоръ“ былъ сраженъ ядромъ, раздробившимъ ему ногу...

**Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ
Павель Алексѣевичъ Тучковъ 3-й.**

Разрозненные атаки французовъ, къ тому же направленные не въ самое чувствительное мѣсто нашего расположенія, цѣли не достигли. При данныхъ условіяхъ, тѣмъ болѣе, что корпусъ Жюно задержался, всего хуже для насъ было бы направленіе французами своей атаки на нашъ *правый* флангъ (деревня Гречишки), такъ какъ сзади нея непосредственно проходила проселочная дорога Горбуново—Лубино, по которой двигалась наша отступающая колонна. Сбивъ нашъ первый флангъ, французы перехватывали эту дорогу и могли преградить части войскъ правой колонны 1-й арміи выходъ на Московскую дорогу. Конечно, атака лѣваго фланга съ обходомъ его могла дать болѣе полные результаты; но для этого нужно было, чтобы корпусъ Жюно и конница французовъ, наступавшіе отсюда, проявили себя *своевременно*.

Жюно переправился черезъ Днѣпръ со своимъ 14 тысячнымъ корпусомъ уже нѣсколько часовъ передъ тѣмъ и собрался у деревни Тебеньковой еще тогда, когда Тучковъ оборонялся на первой своей позиціи. Ничто не препятствовало ему продолжать наступленіе на Московскую дорогу, и весьма вѣроятно, что въ этомъ случаѣ намъ не пришлось бы обороняться за рѣчкой Страганью; мало того, мы были бы поставлены въ весьма опасное положеніе. Но Жюно, который, по заявленію нѣкоторыхъ писателей, уже началъ въ то время страдать припадками сумасшествія, вмѣсто того, чтобы продолжать наступленіе, скрылъ свои войска въ Тебеньковскомъ лѣсу.

Такъ какъ Наполеонъ, какъ уже говорилось, упустилъ сдѣлать распоряженіе объ *объединеніи власти* между отправленными имъ для нашего преслѣдованія корпусными командирами, то въ дѣйствіяхъ ихъ получилось полное разногласіе.

Мюратъ собралъ свою конницу за лѣсомъ и, чтобы обезпечить ей свободный выходъ оттуда, нуждался въ содѣйствіи пѣхоты; содѣйствіе это могло выразиться въ томъ, чтобы отбѣснить тѣ наши войска, которыя, переходомъ въ наступленіе или огнемъ, могли помѣшать конницѣ развернуться на опушкѣ лѣса. Такъ какъ Ней атаковалъ правый флангъ и центръ позиціи Тучкова, то его войска не могли оказать въ этомъ смыслѣ Мюрату помощи, и послѣдній настойчиво сталъ обращаться къ Жюно, прося его ускорить свое наступленіе; но просьбы эти были безуспѣшны.

*

Пока все это происходило на нашемъ лѣвомъ крылѣ, французы сперва выставили сильную артиллерію противъ фронта позиціи Тучкова, а затѣмъ снова атаковали рошу на лѣвомъ флангѣ этой позиціи, но были опять отбиты. Самъ главнокомандующій Барклай-де-Толли прибылъ къ мѣсту сраженія и, убѣдясь въ необходимости усилить отрядъ свѣжими войсками, распорядился, чтобы центръ былъ поддержанъ Коновницынымъ, съ тремя полками его дивизіи; четвертому полку приказано поддержать наше правое крыло, а два другихъ полка направлены на поддержку I кавалерійскаго корпуса; одинъ изъ нихъ сталъ правѣе конницы, а другой сзади ея въ каре, чѣмъ придана была конницѣ устойчивость; кромѣ того на пригорокъ пристроилось еще 12 орудій. Наконецъ, всѣмъ остальнымъ полкамъ III пѣхотнаго корпуса (Павловскому, Таврическому и С.-Петербургскому гренадерскому) съ тремя артиллерійскими ротами, было приказано составить у Лубина общій резервъ, что и было исполнено часамъ къ 6 пополудни.

Въ это время Ней возобновилъ усиленныя атаки на нашъ центръ, такъ что даже потѣснилъ его. Офицеры штаба главнокомандующаго собрали разсѣянныхъ людей и, бросившись въ штыки, удержали натискъ противника, при содѣйствіи артиллеріи, стоявшей близъ большой дороги, усиленной 12 орудіями по распоряженію Барклая-де-Толли. Вслѣдъ затѣмъ Коновницынъ, съ шестью свѣжими батальонами своей дивизіи, опрокинулъ непріятеля и окончательно обезпечилъ нашъ центръ отъ прорыва.

Такимъ образомъ попытка противника воспользоваться растянутостью нашей позиціи не удалась. Тогда французы обратили свои усилія противъ нашего праваго фланга, но и здѣсь первоначальный ихъ успѣхъ былъ парализованъ лейбъ-гренадерскимъ полкомъ, который приведенъ былъ самимъ начальникомъ штаба арміи, генераломъ Ермоловымъ.

Тѣмъ временемъ, на Московскую дорогу къ 7 часамъ вечера началъ вытягиваться II пѣхотный корпусъ Багговута, головная дивизія котораго расположилась въ резервѣ правѣе большой дороги; остальные дивизіи, прибывшія къ наступленію темноты, стали въ резервѣ праваго крыла и центра.

Что же касается нашего лѣваго крыла, то здѣсь конница французояъ, выйдя изъ кустовъ, готовилась обойти нашу позицію.

слѣва. Въ свою очередь графъ Орловъ-Денисовъ расположилъ всю свою конницу *фронтомъ* къ большому лѣсу и *тыломъ* къ болоту. Чтобы убѣдить своихъ кавалеристовъ биться не на животь, а на смерть, онъ послалъ отъ cadaго эскадрона по нѣсколькучеловѣкъ для осмотра болота и, когда они удостовѣрились собственными глазами, что оно совершенно непроходимо, — обѣхалъ войска свои и убѣждалъ ихъ исполнить долгъ свой, такъ какъ имъ не оставалось иного выбора, какъ либо побѣдить, либо умереть!...

Чтобы заставить противника считать себя гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности, Орловъ-Денисовъ расположилъ I кавалерійскій корпусъ въ одну линію за болотистымъ ручьемъ, а остальную конницу поставилъ передъ болотомъ въ четыре линіи, въ шахматномъ порядкѣ, чтобы имѣть возможность атаковать линія за линіей. Четыре конныхъ орудія заняли высоту на правомъ флангѣ.

Когда обнаружено было движеніе конницы Мюрата изъ кустовъ правѣе лѣса, Орловъ-Денисовъ уклонилъ свой лѣвый флангъ назадъ, а подошедшія къ нему какъ разъ въ это время пѣхотныя подкрѣпленія расположилъ такъ, чтобы они могли служить конницѣ опорой. Полоцкій полкъ сталъ въ кустахъ у пригорка, уступомъ на правомъ крылѣ; перновцы построили каре за центромъ, а 12-ти орудійная батарея, вмѣстѣ съ прежними четырьмя, также *скрытно* расположилась на пригоркѣ за правымъ крыломъ.

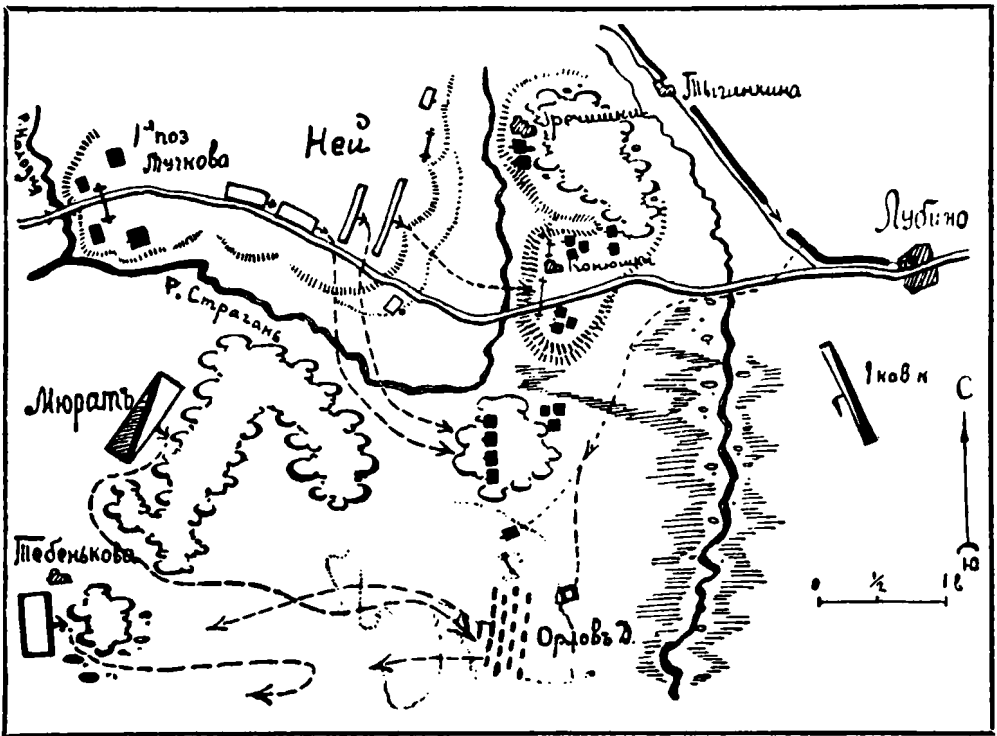
Тѣмъ временемъ Жюно, переправившійся черезъ Днѣпръ, расположилъ свой корпусъ у деревни Тебеньковой, къ юго-западу отъ большого лѣса, за которымъ стянулъ свою конницу Мюратъ. Послѣдній, принимая во вниманіе положеніе корпуса Жюно, угрожавшее нашему лѣвому флангу, продолжалъ убѣждать названнаго маршала рѣшительно атаковать этотъ флангъ, дабы этимъ дагъ возможность кавалерійскимъ массамъ выйти изъ лѣснаго пространства, устроиться, а затѣмъ уже обрушиться на противника.

Но Жюно упорствовалъ, ссылаясь на неимѣніе на то прямыхъ приказаній Императора.

Дѣло дошло до того, что самъ Мюратъ прискакалъ въ Тебеньково съ нѣсколькими всадниками и лично убѣждалъ Жюно наступать. Еле-еле удалось ему убѣдить его послать одинъ линей-

ный батальонъ и роту вольтижеровъ. Рота эта неосторожно отделилась, высунулась изъ кустовъ и подверглась лихой атакѣ нашихъ Мариупольскихъ гусаръ, которые ее почти всю до тла изрубили.

Наконецъ, вторичная попытка была сдѣлана Жюно уже одновременно съ вышеупомянутой рѣшительной атакой Нея. При этомъ выслана была конница корпуса Жюно и, повидимому, часть резервной кавалеріи, такъ какъ, по нѣкоторымъ источникамъ, эту атакой руководилъ самъ неаполитанскій король.

Французская конница опрокинула нашихъ казаковъ на стоявшій позади ихъ Сумской гусарскій полкъ, который и былъ спервоначала разстроенъ; но графъ Орловъ-Денисовъ съ мариупольцами и елизаветградцами ударилъ въ флангъ непріятелю и, атакуя послѣдовательно линіями, проходившими одна сквозь другую, не далъ непріятельской конницѣ завершить развертыванія противъ нашего лѣваго крыла.

Пѣхотныя части, подкрѣпившія конницу Орлова-Денисова, придали ей настолько устойчивости, что Мюрать не рѣшился возобновлять своихъ атакъ безъ поддержки пѣхоты; видно, свѣжо

**Генераль-отъ-кавалеріи
Графъ Василій Васильевичъ Орловъ-Денисовъ.**

въ памяти у него еще было геройское сопротивленіе Невѣровскаго и даромъ потраченныя тогда усилія. По его настойчивымъ просьбамъ, Жюно согласился, наконецъ, послать дивизію Окса, которая, выйдя изъ кустовъ, прошла Бублеевскую рошу и направилась на лѣвый флангъ позиціи, занятой Орловымъ-Денисовымъ. Но уже было поздно: послѣдній, вмѣсто неустойчивой конницы, былъ уже обезпеченъ болѣе стойкими въ оборонѣ родами войскъ,—артиллеріей и пѣхотой. Шестнадцати-орудійная батарея, искусно скрытая Орловымъ-Денисовымъ, подпустила непріятеля на картечный выстрѣлъ, а затѣмъ подвергла его разстрѣлу, при содѣйствіи перекрестнаго ружейнаго огня полковъ Перновскаго и Полоцкаго. Войска противника отхлынули съ большими потерями, послѣ чего преслѣдовать ихъ ринулись казаки и Сумскіе гусары.

Къ 8 часамъ вечера бой на нашемъ лѣвомъ флангѣ совершенно затихъ; но въ центрѣ, часамъ уже къ 9, когда почти вовсе стемнѣло, Ней сдѣлалъ новую, послѣднюю попытку прорвать нашъ центръ. Дивизія Гюдена, предводимая теперь другимъ генераломъ, перейдя черезъ Страгань, бросилась въ штыки на нашу позицію. Тучковъ 3-й дабы прикрыть вывозъ съ поля сраженія раненыхъ, самъ сталъ во главѣ Екатеринославскаго гренадерскаго полка и смѣло ринулся въ контръ-атаку; но въ самомъ началѣ свалки подъ нимъ убили лошадь. Чтобы ободрить людей, онъ все-таки пошелъ въ переднихъ рядахъ атакующихъ, былъ израненъ штыками въ бокъ и въ голову и попался въ плѣнъ французамъ. Послѣдніе были окончательно остановлены двумя полками II пѣхотнаго корпуса Рязанскимъ и Брестскимъ, подъ командою генерала Олсуфьева.

Подъ прикрытіемъ сильныхъ пѣхотныхъ цѣпей, артиллерія наша снялась съ позиціи и вытянулась по Московской дорогѣ.

Сраженія у Лубина и Гедеоновой обошлись намъ дорогою цѣною; у насъ вышло изъ строя не менѣе 5¹/₂ тысячъ человекъ, но и противникъ, въ свою очередь, потерялъ отъ 8 до 9 тысячъ человекъ.

Но эта кровавая жертва съ нашей стороны вполне искупила рядъ ошибокъ, допущенныхъ нами въ теченіе всего хода Смолен-

ской операціи, и выручила изъ роковаго положенія, избѣжать котораго мы, все-таки, смогли только благодаря крупнымъ промахамъ нашего противника.

Въ бою при Гедеоновой обращаютъ на себя вниманіе, съ нашей стороны, несмотря на совершенную непредвидѣнность столкновенія, находчивость и распорядительность всѣхъ начальниковъ, а также дружное взаимодействіе другъ другу отдѣльныхъ отрядовъ и родовъ войскъ. Въ особенности самоотверженно дѣйствовала въ этомъ отношеніи конница. Замѣчательенъ образъ дѣйствій принца Евгенія Виртембергскаго и его мастерское отступление отъ Гедеоновой къ Горбуновой.

Что касается боя у Лубина, то здѣсь главнымъ вдохновителемъ былъ Ермоловъ. Тучковъ 3-й отличался выдающеюся доблестью, и въ этомъ отношеніи на него выпала, главнымъ образомъ, трудная роль поддерживать духъ въ войскахъ, упорно и самоотверженно оборонявшихся на Валутиной горѣ и за Странью противъ атакъ Нея который, рассчитывая на Жюно, единственный изъ всѣхъ со стороны французовъ выполнилъ какъ слѣдуетъ свою роль. Ней понималъ, что своими неустанными атаками онъ привлечетъ на фронтъ всѣ резервы и облегчитъ этимъ обходъ Жюно и конницы Мюрата; не его вина, что послѣдніе двое не спѣлись между собою и пропустили удобное время, давъ намъ солидно усилить Орлова-Денисова пѣхотой и артиллеріей.

Дѣйствія послѣдняго весьма поучительны и представляютъ собою замѣчательный образецъ оборонительныхъ дѣйствій конницы, поддержанной артиллеріей и пѣхотой, возможныхъ, конечно, только при тогдашней дѣйствительности огня.

* * *

Въ Смоленской операціи со стороны Наполеона поражаютъ спервоначалу смѣлость замысла и геніальная простота и стройность рѣшенія. Искусное расположеніе по квартирамъ, позволявшее, при видимой разброскѣ, достигнуть въ кратчайшій срокъ сосредоточенія въ любомъ направленіи, дало полководцу возможность блестяще использовать ошибки нашего наступленія, и грозный,

несокрушимый ударъ, сулящій обычное торжество и рѣшительную развязку, былъ уже, казалось, неизбеженъ... Но, съ одной стороны, противникъ проявляетъ неожиданно необыкновенную стойкость, гибкость и находчивость, не взирая на то, что имъ совершается рядъ крупныхъ упущеній, уравниваемыхъ лишь не менѣе, если не болѣе, серьезными ошибками частныхъ начальниковъ у французовъ... Послѣдніе, какъ въ эту достопамятную кампанію, такъ и вообще у Наполеона, оказывались по большей части не на высотѣ тѣхъ требованій, которыя предъявляетъ къ себѣ самостоятельное командованіе. Наполеоновскіе генералы обычно привыкли, не разсуждая, дѣйствовать по указкѣ своего великаго вождя, и, за рѣдкими исключеніями (вродѣ, хотя бы, Даву), не способны были самостоятельно разобраться въ положеніи и принять отвѣтственное рѣшеніе. Въ этомъ отношеніи наши частные начальники, сохранившіе еще во многомъ, несмотря на жестокою гатчинскую муштру, завѣты славнаго вѣка Екатерины, когда частный починокъ всячески развивался и поддерживался,—имѣли надъ французскими неоспоримое преимущество.

Разительные въ этомъ отношеніи примѣры даетъ именно Смоленская операція. Возьмемъ хотя бы Невѣровскаго и Мюрата подѣ Краснымъ. Невѣровскій совершенно ясно сознаетъ то огромное значеніе, которое получилъ его отрядъ, и всѣ его дѣйствія проникнуты пониманіемъ важности для всей арміи выигрыша времени, для обезпеченія путей на Смоленскъ, до подхода къ этому городу солидныхъ подкрѣпленій. Наоборотъ, Мюратъ, истощаясь въ бессмысленныхъ любовыхъ атакахъ, забывая о своей артиллеріи и о возможности для конницы, пользуясь быстротою, безнаказанно обскакать въ тылъ отступающаго Невѣровскаго и перехватить ему путь отступленія, даетъ совершенно обратную картину...

Навязанный свыше, подѣ давленіемъ общественнаго мнѣнія, переходъ въ наступленіе былъ выполняемъ нами вяло и въ слѣпую. Во всѣхъ нашихъ дѣйствіяхъ чувствуется принужденность и какая то неувѣренность въ себѣ и своихъ силахъ. Своею многочисленною конницею мы не пользуемся для широкаго освѣщенія себѣ обстановки. Въ результатѣ, почти до послѣдней минуты наше высшее командованіе оставалось впотѣмахъ относительно истинныхъ намѣреній противника.

Если бы не самоотверженный образъ дѣйствій Невѣровскаго и, затѣмъ, не рѣшительность Раевского и находчивость князя Багратиона—Смоленскъ, несомнѣнно, оказался бы въ рукахъ французовъ, и тогда положеніе обѣихъ армій могло бы стать критическимъ: онѣ перестали бы защищать доступъ къ сердцу Россіи — Москвѣ.

Второй періодъ Смоленской операціи ознаменованъ стремленіемъ Наполеона искать скорой развязки войны путемъ вовлеченія насъ подъ стѣнами Смоленска въ генеральное сраженіе. Періодъ этотъ характеризуется необычайною, самоотверженною доблестью всѣхъ нашихъ войскъ, защищавшихъ древнюю твердыню, дабы обезпечить вытягиваніе на Московскую дорогу остальныхъ нашихъ силъ. Самое это упорство, проявленное нами въ оборонѣ Смоленска, способствовало введенію Наполеона въ заблужденіе; онъ увѣренъ былъ, что мы ввязались здѣсь въ серьезный бой, и готовилъ рѣшительный ударъ тогда, когда Смоленскъ уже былъ нами очищенъ.

Третій періодъ операціи — отступленіе отъ Смоленска, по мѣстнымъ условіямъ, было очень трудно стройно и быстро организовать. Рядъ отдѣльныхъ упущеній, въ общей совокупности, привелъ къ тому, что 1-я армія пережила, въ теченіе цѣлыхъ почти сутокъ, критическое положеніе, изъ котораго вышла только благодаря находчивости, самоотверженію и правильному образу дѣйствій нѣкоторыхъ частныхъ начальниковъ, особенно проявившемуся въ бояхъ у Гедеоной и Лубина.

Со стороны Наполеона поражаетъ проявленіе его генія въ первомъ періодѣ операцій—въ самомъ замыслѣ ея; но въ дальнѣйшемъ исполненіи величайшій полководецъ совершаетъ такіа упущенія, которыя рѣшительно вліяютъ на конечный результатъ. Прежде всего, самый бой за Смоленскъ являлся, съ его стороны, безцѣльнымъ, ибо того же, если не еще большаго, результата, можно было достигнуть, какъ и прежде, простымъ продолженіемъ обхода... При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ очутились на самомъ дѣлѣ наши арміи, такой обходъ могъ для нихъ оказаться роковымъ, ибо наступательное движеніе наше къ Руднѣ, давая въ руки Наполеону выигрышъ пространства и времени, позволяло

ему выполнить то, что до сихъ поръ не удавалось, т. е. обогнать, такъ сказать, наши арміи. Но великій полководецъ увлекся надеждою не только отрѣзать насъ отъ Москвы, но и разбить въ генеральномъ сраженіи; онъ уже зналъ по опыту прежнихъ съ нами войнъ, что одними, хотя бы и самыми ловкими, маневрами, отъ насъ не добиться покорности его волѣ; что нужно поколебать нашу стойкость въ открытомъ, кровопролитномъ бою. И вотъ, упорство защиты смоленскихъ стѣнъ ввязываетъ его въ этотъ бой; онъ медлитъ, чтобы стянуть возможно больше силъ, оттягиваетъ моментъ рѣшительнаго удара и, въ результатѣ, вмѣсто желаемого разгрома, овладѣваетъ только дымящимися развалинами геройски-отбивавшагося города, пожертвовавшаго собой, дабы обезпечить благополучный отходъ остальныхъ силъ и тяжестей на путь къ Москвѣ.

Задержка Барклаемъ нашихъ силъ у Смоленска и запозданіе начатіемъ выступленія оттуда, отчасти послужившія причиною того критическаго положенія, которое создалось для 1-й арміи 7-го числа, до извѣстной степени объясняются колебаніями главнокомандующаго. Успѣхъ обороны Смоленска склонялъ многихъ нашихъ генераловъ къ той мысли, что слѣдуетъ ввести въ дѣло всѣ наши силы и тутъ же попытаться дать Наполеону грозный отпоръ. Рѣшеніе Барклая отойти отъ Смоленска,—въ сущности рѣшеніе правильное, такъ какъ оно то и вовлекло Наполеона въ самую глубь Россіи, что въ послѣдствіи и явилось главною причиною его гибели,—принято было имъ далеко не сразу и послѣ тяжелой внутренней борьбы. Если попытаться возсоздать себѣ теперь ту обстановку, въ которой приходилось дѣйствовать Барклаю-де-Толли, и всю огромную отвѣтственность, лежавшую на немъ передъ Государемъ и всею Россіей, то нельзя не признать, что колебанія эти были вполнѣ естественны... Съ одной стороны, охватившее всю армію и почти всѣхъ ея начальниковъ стремленіе использовать пламенный духъ, возгорѣвшійся въ сердцахъ всѣхъ отъ генерала до послѣдняго рядового; съ другой,—вѣлнія холоднаго разсудка, подсказывавшаго, что противникъ еще не довольно надорванъ, чтобы, при неравенствѣ силъ, можно было рассчитывать преодолѣть его...

Великая честь и слава Барклаю, что онъ совладалъ съ собою и принялъ второе рѣшеніе, которое, вѣроятно, избавило Россію

отъ тяжкихъ послѣдствій. Если послѣдующее Бородинское сраженіе, когда уже армія не страдала отъ пагубной системы двоевластія, когда она получила нѣкоторое приращеніе, и во главѣ ея стоялъ безспорно болѣе талантливый и болѣе влекущій къ себѣ всѣ сердца Кутузовъ, оказалось только нерѣшительнымъ, и намъ все же пришлось послѣ него пожертвовать Москвой, то подѣ Смоленскомъ, по условіямъ мѣстности и, главное, организаціи верха арміи, мы имѣли даже и на полу-успѣхъ гораздо меньше шансовъ. Пораженіе же подѣ стѣнами Смоленска, если и не привело бы къ безславному окончанію войны, то, во всякомъ случаѣ, затянуло бы борьбу надолго и потребовало бы гораздо болѣе усилій и жертвъ со стороны нашего отечества. Въ этомъ случаѣ Наполеонъ уже наврядъ ли продолжалъ бы свой дальнѣйшій, крайне рискованный, маршъ вглубь страны къ Москвѣ; онъ попытался бы утвердиться въ занятой части края и использовать тотчасъ же свою побѣду. Только отсутствіе таковой и благополучное ускользаніе нашихъ войскъ изъ подѣ его ударовъ и заставило его продолжать преслѣдованіе нашихъ войскъ за Смоленскомъ и этимъ непомерно растянуть свои сообщенія, въ увѣренности, что захватомъ Москвы непременно кончится война.

Правильность принятаго Барклаемъ-де-Толли рѣшенія всего лучше подтверждается тѣмъ, что смѣнившій его въ скоромъ времени, уже въ качествѣ полномасштабнаго главнокомандующаго, Кутузовъ, продолжалъ, въ сущности, тотъ же образъ дѣйствій. Самое Бородинское сраженіе было дано имъ — какъ будетъ видно ниже — въ значительной мѣрѣ какъ уступка общественному мнѣнію, а не какъ развитіе заранѣе принятаго плана.

Въ Смоленской операціи особенно ярко выдѣляется пагубное вліяніе, оказываемое отсутствіемъ *единства власти*, направляющей и объединяющей дѣйствія отдѣльныхъ группъ или частей арміи. Вредъ двоевластія во главѣ нашихъ армій сказался еще въ самомъ началѣ наступленія, предпринятаго Барклаемъ-де-Толли вопреки внутреннему убѣжденію. Разногласіе въ дѣйствіяхъ обоихъ главнокомандующихъ проявляется даже въ критическія минуты операціи и едва не влечетъ за собою для 1-й арміи положенія, близкаго къ разгрому.

Самостоятельность возрѣній Багратіона и склонность его уклоняться отъ выполненія предначертаній главнокомандующаго 1-й арміей, который, какъ-никакъ, а являлся въ глазахъ всѣхъ главнымъ за все отвѣтчикомъ, бывала иногда благодѣтельной. Такъ, ей мы обязаны, въ сущности говоря, спасеніемъ Смоленска. Но зато иногда она могла принести и печальные результаты, на примѣръ — когда преждевременно очищено было Лубино...

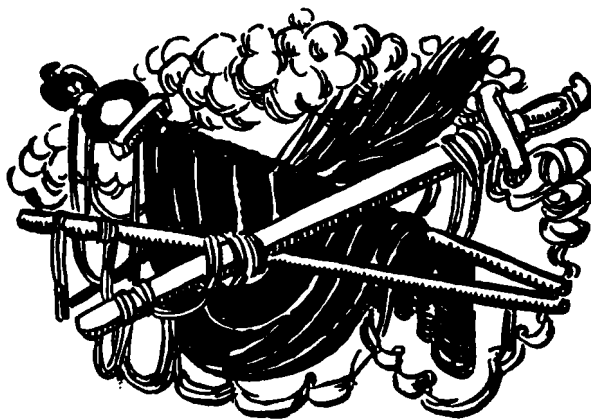
Во всякомъ случаѣ, вопросъ о назначеніи одного полномочнаго отвѣтника за всѣ военныя операціи, постепенно назрѣвавшей, сдѣлался острымъ какъ разъ послѣ того, какъ событія, сопровождавшія отступление отъ Смоленска, сдѣлались извѣстны въ Петербургѣ.

У французовъ въ дѣйствіяхъ 7 августа отсутствуетъ высшее управленіе боемъ со стороны Наполеона, вниманіе котораго оттянуто въ тылъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не установлено надлежащаго единства командованія... Это постоянное притяженіе вниманія императора-полководца къ тылу арміи въ такіе моменты, когда его присутствіе впереди могло бы рѣшить чуть не судьбу всей кампаніи, — въ данномъ случаѣ глубоко-знаменательно и должно быть отмѣчено. И въ Вильнѣ, и въ Смоленскѣ, вопросы устройства тыла властно, настойчиво приковываютъ къ себѣ великаго военнаго генія, и ему приходится упускать благопріятные случаи для нанесенія рѣшительнаго удара врагу. Несомнѣнно, что это обстоятельство уже тогда носило предостерегающій характеръ...

Указанія, согласно которыхъ Наполеонъ одно время рѣшилъ зимовать подъ Смоленскомъ и предпринялъ дальнѣйшее наступленіе къ Москвѣ только изъ опасеній за бѣдность страны и ненадежность своего тыла, заслуживаютъ также глубокаго вниманія. Отъ Смоленска къ Москвѣ — какъ отмѣчаетъ въ своей „Стратегіи“ нашъ извѣстный военный мыслитель Н. П. Михневичъ, — Наполеонъ предпринялъ какъ бы огромный *поискъ цѣлюю арміей*, оригинально намѣчая себѣ базу впереди, въ Москвѣ. Съ захватомъ этого сердца Россіи онъ рассчитывалъ не только смертельно поразить послѣднюю, но возстановить и свое собственное кровообращеніе, напитавшись ея соками. Но расчетъ этотъ оказался ошибочнымъ: ударъ

въ сердце не умертвилъ, а воскресилъ Россію, которая стала на ноги, какъ одинъ человекъ, на защиту отечества, а источника всякихъ матеріальныхъ благъ въ Москвѣ тоже не оказалось, ибо русскіе люди быстро поняли, гдѣ главное у врага больное мѣсто, и, не жалѣя себя, сумѣли лишить его почти всякихъ жизненныхъ средствъ.

Но объ этомъ рѣчь еще впереди.

Дальнѣйшее отступление армій. — Назначеніе новаго главнокомандующаго. — Князь Михаилъ Илларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ. — Отступление отъ Царева-Займища черезъ Гжатскъ къ Бородину. — Дѣло у Гжатска. — Бои у Гряднева и Колоцкаго монастыря.

ослѣ отступления обѣихъ западныхъ армій отъ Лубина настроеніе войскъ, всего населенія Россіи и самого Государя было таково, что Барклаю-де-Толли нельзя было и думать избѣгать сраженія. Общественное мнѣніе заявляло себя столь громко, что военный министр, хотя въ душѣ и не сочувствовалъ этому, долженъ былъ послать офицеровъ генеральнаго штаба для осмотра мѣстности по пути къ Москвѣ и выбора подходящихъ позицій, выгодныхъ въ оборонительномъ отношеніи.

Какъ справедливо пишетъ ген. Леръ (см. Обзоръ войнъ ч. 1-я стр. 205), „большинство не умѣло такъ широко отнестись „къ этому постепенному уклоненію нашего центра вглубь страны „со всѣми его дальнѣйшими послѣдствіями; въ великой и вполнѣ „цѣлесообразной идеѣ главнокомандующаго оно видѣло лишь

„самый фактъ унижительнаго отступленія съ его *ближайшими* „послѣдствіями, потерями городовъ и сель и опустошеніемъ „страны; короче — въ великой комбинаціи Барклая оно готово „было уже видѣть чуть ли не измѣну съ его стороны“.

Прикрываясь казаками Платова и арьергардомъ Корфа, 8 августа 1-я армія дошла до Усвятыя, за рѣчкою Ужей и соединилась со 2-й. Здѣсь находилась первая изъ выбранныхъ посланными развѣдчиками на пути къ Москвѣ позицій.

Полковникъ Толь, генераль - квартирмейстеръ 1-й арміи, осмотрѣвъ эту позицію, нашель ее весьма выгодной; правый флангъ ея примыкаль къ Днѣпру; съ фронта она была прикрыта рѣчкою Ужею; мѣстность впереди была открыта и удобна для обзора и обстрѣла; въ тылу имѣлись мѣстные предметы, пригодные для укрытія войскъ. Но лѣвый флангъ позиціи подвергался обходу; двигаясь же правымъ берегомъ Днѣпра, противникъ могъ обойти также и правый флангъ позиціи и выйти на путь нашего отступленія къ Москвѣ.

По прибытіи Барклая въ Усвятыя, оба главнокомандующихъ, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, корпусными командирами и штабомъ отправились обозрѣвать позицію. Багратіонъ подвергъ ее критикѣ, указавъ, что правому флангу угрожаютъ командующія высоты и что лѣвый флангъ подверженъ обходу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ высказывался въ пользу другой, намѣченной развѣдчиками, позиціи, а именно при Дорогобужѣ.

Барклай вынужденъ былъ согласиться и отдалъ приказаніе отвести обѣ арміи къ Дорогобужу, что и исполнено въ ночь съ 11 по 12 августа.

Тѣмъ временемъ, движеніе французской арміи продолжалось безостановочно. Самъ Наполеонъ задержался въ Смоленскѣ еще три дня, но 10 августа черезъ Днѣпръ у Пневой слободы переправились сперва — конница Мюрата, а за нею корпуса Даву и Нея. Конница перешла рѣку вбродъ, а пѣхота — по двумъ понтоннымъ мостамъ. За Неемъ шель корпусъ Жюно. Другіе корпуса „великой арміи“ шли по кратчайшей дорогѣ прямо на Дорогобужъ. Такимъ образомъ, французамъ удалось нѣсколько облегчить условія своего движенія, хотя наступившая жаркая погода, вслѣдствіе которой войска, обозы и особенно гурты скота подымали огромная облака пыли, дѣлала походъ весьма труднымъ.

Узнавъ, что русская армія остановилась около Дорогобужа, Наполеонъ, горя нетерпѣніемъ дать ей генеральное сраженіе, двинулъ свою гвардію и въ ночь съ 12 на 13 августа выѣхалъ изъ Смоленска. Общая численность „великой арміи“ простиралась въ это время до 150 тыс. человекъ. Все, что по части продовольствія удалось промыслить въ Смоленскѣ, было забрано войсками. Чувствовался большой недостатокъ во всемъ. Оставленные въ Смоленскѣ раненые (отъ 6 до 7 тысячъ) пробыли почти безъ всякой пищи въ теченіе нѣсколькихъ дней. Но, благодаря принятымъ Наполеономъ передъ отъѣздомъ рѣшительнымъ мѣрамъ, въ Смоленскѣ черезъ двѣ недѣли были учреждены значительные склады продовольствія, хлѣбопекарни, госпиталя и проч., такъ что Смоленскъ превращенъ былъ въ обширный базисный пунктъ, для прикрытія котораго оставлена дивизія молодой гвардіи.

Когда дѣло дошло до разсмотрѣнія условій расположенія нашихъ армій на позиціи у Дорогобужа, то оказалось, что здѣсь имѣются также многія неудобства, на этотъ разъ указанныя Барклаемъ-де-Толли. „Эта позиція“ — писалъ о ней Клаузевицъ, впоследствии выдающійся военный мыслитель, а тогда квартирмейстерскій офицеръ при штабѣ 1-й арміи, — „по убѣжденію моему „была отвратительная; пространство впереди фронта ея не представляло никакихъ преградъ для непріятеля и было неудобно для „обзора; позади праваго крыла лежалъ городъ на гористой мѣстности“...

Отступленіе продолжалось. Войска пошли къ Вязьмѣ тремя колоннами, причемъ каждая изъ нихъ имѣла самостоятельный арьергардъ.

Между тѣмъ, Наполеонъ прибылъ въ Дорогобужъ 13 августа. Намѣреваясь нанести намъ рѣшительный ударъ и захватить Москву, Наполеонъ усилилъ мѣры предосторожности по обезпеченію своихъ фланговъ и тыла. IX корпусу Виктора, бывшему на Вислѣ, дано приказаніе идти черезъ Ковну и Вильну къ Смоленску, причемъ тому же маршалу подчинены были всѣ до сихъ поръ постепенно оставленные въ тылу отряды (въ Вильнѣ, Минскѣ, Могилевѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ). Шварценбергу послано приказаніе тѣснить какъ можно дальше Тормасова. „Вы успѣете — писалъ ему Напо-

„леонъ — дойти до Кіева и Калуги, покаместъ мы пойдёмъ на „Москву“. Маршалу С. Сиру (смѣнившему Удино) приказано было удерживать Витгенштейна, а Макдональду — приступить къ осадѣ Риги, притянувъ къ себѣ изъ Тильзита оставшійся тамъ осадный паркъ.

„По овладѣніи Ригюю — писалъ Наполеонъ — корпусъ Макдональда приметъ участіе въ общихъ дѣйствіяхъ, и тогда маршалы „Макдональдъ и С. Сиръ могутъ угрожать Петербургу, между тѣмъ, какъ мы будемъ въ Москвѣ. Если же С. Сиръ потерпитъ „пораженіе, то герцогъ Беллюнскій (Викторъ) двинется на помощь „войскамъ, дѣйствующимъ на Двинѣ. Но главное назначеніе его „арміи (т. е. IX корпуса со всѣми присоединенными къ нему „отрядами) — служить резервомъ московской арміи. Въ случаѣ „потери сообщенія отъ Смоленска до главной моей квартиры, „должно немедленно открыть его; необходимо также, чтобы „герцогъ Беллюнскій со всею своею арміей двинулся намъ „навстрѣчу, если это окажется нужнымъ. *Быть можетъ — я не „найду мира тамъ, куда иду за нимъ.* Но тогда, имѣя за собою „сильный, въ надлежащемъ мѣстѣ расположенный резервъ, отойду „безопасно, и ничто не заставитъ меня ускорить отступленіе“.

Изъ этихъ знаменательныхъ словъ великаго полководца видно, что отъ орлинаго взора его не ускользали тѣ огромныя опасности, которыя могли грозить его арміи при наступленіи къ Москвѣ. Въ побѣдѣ онъ, видимо, даже не сомнѣвался; но предвидѣлъ возможность перехвата своихъ сообщеній со Смоленскомъ, превращеннымъ имъ для себя въ базу; предвидѣлъ и то, что можетъ не найти въ Москвѣ желаемого мира и что, слѣдовательно, борьба затянется надолго, и ему придется отступить (отсюда — движеніе Виктора „на встрѣчу“). Поэтому онъ не ограничился вышеприведенными распоряженіями, а притянулъ еще на прежнее мѣсто Виктора, корпусъ Ожердъ; привлекъ изъ глубины Франціи часть такъ называемыхъ „когорть національной стражи“ къ берегамъ Рейна и даже къ Эльбѣ; наконецъ приказалъ созвать конскриптовъ (т. е. рекрутовъ) по сроку 1813 года, иначе говоря — за годъ впередъ.

Наступательный маршъ „великой арміи“ производился слѣдующимъ образомъ. Впереди шла конница Мюрата; за нею,

Наполеонъ І-й.
Гравюра Флоріана съ порт. пис. бар. Жераръ.

въ средней колоннѣ шли корпуса Даву, Нея, Жюно и гвардія; въ правой колоннѣ, шель корпусъ Понятовскаго; въ лѣвой — корпусъ вице-короля, имѣя впереди конницу Груши. Такимъ образомъ Наполеонъ былъ всегда наготовѣ, тѣсня наши силы съ фронта, одновременно обходя насъ на обоихъ флангахъ...

Барклай-де-Толли намѣревался у Вязьмы приостановиться; но тамъ не оказалось удобной позиціи; поэтому наши войска отошли еще далѣе, къ Цареву-Займищу; арьергардъ нашъ былъ 16-го у Вязьмы атакованъ превосходными силами Мюрата и Даву, но удержался до самой ночи. На слѣдующій день начальство надъ арьергардомъ ввѣрено было Коновницыну, причемъ самый арьергардъ усиленъ его 3-й дивизіей и II кавалерійскимъ корпусомъ. Арьергардъ этотъ дѣйствовалъ весьма искусно, отходя шагъ за шагомъ и пользуясь каждою сколько нибудь подходящею позиціею, чтобы открыть артиллерійскій огонь по приближающимся колоннамъ непріятели, заставляя ихъ разворачиваться и, слѣдовательно, терять время. Къ вечеру арьергардъ старался занять наиболѣе выгодное для обороны расположеніе, въ которомъ и удерживался до ночи.

17 августа обѣ арміи наши соединились у Царева-Займища, гдѣ Барклай-де-Толли предполагалъ принять сраженіе; французы же заняли въ тотъ же день Вязьму, которая была зажжена въ нѣсколькихъ мѣстахъ самими жителями и оставлена ими...

Позиція у Царева-Займища была признана Барклаемъ подходящею для принятія здѣсь рѣшительнаго боя, и хотя Багратіонъ, какъ водится, ея не одобрилъ, — какъ и все, предлагаемое военнымъ министромъ, — тѣмъ не менѣе мы готовились на ней драться...

Къ указанному времени обостреніе отношеній между обоими главнокомандующими достигло наивысшей степени. Въ письмахъ къ графу Аракчееву, постепенно становившемуся уже тогда все болѣе и болѣе близкимъ лицомъ къ Императору Александру, Багратіонъ отводилъ душу и изливалъ все свое негодованіе, несомнѣнно рассчитывая, что письма эти сдѣлаются извѣстными Государю.

„Воля Государя моего, — писалъ онъ въ одномъ письмѣ — „но я никакъ вмѣстѣ съ министромъ не могу. Ради Бога — „пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать, въ Мол-

*

„давію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу, и вся главная квартира нѣмцами наполнена такъ, что русскому жить невоз-
можно и толку никакого нѣтъ“.

„Надо командовать одному, а не двумъ“ — пишетъ онъ въ другомъ письмѣ.— „Вашъ министръ, можетъ, хорошій по министерству, но генераль не то, что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... Я право съума схожу отъ досады; простите, что дерзко пишу. Видно, тотъ не любитъ Государя и желаетъ гибели намъ всѣмъ, кто совѣтуетъ заключить миръ и командовать арміей министру... Скажите ради Бога, что наша Россія — мать наша — скажетъ, что такъ страшимся и за что такое доброе и усердное отечество отдаемъ сволочамъ, и вселяемъ въ каждаго подданнаго ненависть и посрамленіе. Чего трусить и кого бояться? Я не виноватъ, что министръ нерѣшимъ, трусь, безтолковъ, медлителень и всѣ имѣетъ худыя качества. Вся армія плачетъ совершенно и ругаютъ его на смерть“.

Дѣйствительно, дѣло уже дошло до того, что при слѣдованіи побивакамъ арміи Барклай-де-Толли, въ спину ему раздавались энергичныя русскія ругательства; ожесточеніе противъ нѣмцевъ, олицетвореніемъ которыхъ въ глазахъ русскихъ людей служилъ Барклай, распространялось на главнокомандующаго, которому не могли простить его нѣмецкаго происхожденія. Какъ выражался тотъ же Багратионъ въ своихъ письмахъ „война теперь не обыкновенная, а національная, и надо поддержать честь свою и всю славу манифеста, и данныхъ приказовъ“. Какъ бы инстинктивно, произвольно чувствовали русскіе люди, что борьба за родной очагъ, за родныя святыни, за коренную русскую землю, принимаетъ какъ бы характеръ священный, а потому эту землю отцовъ и прадедовъ, обильно орошенную ихъ кровью, можно отстаивать только своими кровными, а отнюдь не чуждыми руками. Князю Багратиону и всѣмъ ему подобнымъ вскормленникамъ русской арміи, сроднившимся съ нею духомъ и тѣломъ и сдѣлавшимся столь же русскими, какъ коренные русскіе дворянскіе роды, казалось, что наше постоянное отступленіе и уклоненіе отъ рѣшительнаго боя есть результатъ либо проскова, либо недостаточной любви этихъ людей къ Россіи...

Кн. Михайль Илларионович Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій.

При такихъ обстоятельствахъ на верхахъ арміи создалась такая тяжелая, удушливая атмосфера взаимнаго недовѣрія и озлобленія, при которой, даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, побѣда является невѣроятной...

Необходимо было такъ или иначе вывести армію изъ этого невозможнаго положенія, единственнымъ выходомъ котораго являлось назначеніе высшей, объединяющей все и вся, военной власти, обличье которою можно было только лицо, пользующееся громкимъ именемъ, прочною славою, — словомъ, такое лицо, авторитетъ котораго въ военномъ дѣлѣ былъ бы общепризнанъ и въ арміи, и въ обществѣ... Такое имя было у всѣхъ на устахъ и, такъ сказать, носилось въ воздухѣ. Это было имя князя *Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова*.

Объ этомъ замѣчательномъ челоѣкѣ считаемъ необходимымъ дать возможно болѣе полныя біографическія свѣдѣнія.

Кутузовъ (род. 5 сентября 1745 г., умеръ 16 апрѣля 1813), сынъ офицера, служившаго въ арміи Румянцева и участника знаменитыхъ боевъ подъ Ларгою и Кагуломъ, прошелъ великолѣпную боевую школу подъ начальствомъ того же Румянцева, а въ особенности — великаго Суворова. Въ 1764 году, еще не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, на вопросъ Императрицы Екатерины II, желаетъ ли онъ „отличиться на полѣ чести“, уже отвѣчалъ: „съ большимъ удовольствіемъ, всемилостивѣйшая Государыня“. И въ томъ же 1764 году, когда русскія войска были двинуты въ Польшу, Кутузовъ уже просилъ назначить его въ дѣйствующую армію, и ходатайство его было удовлетворено.

Съ 1764 года по 1769 годъ онъ участвовалъ на польскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, къ битвахъ русскихъ войскъ съ польскими конфедератами. Но всѣ свои подвиги во время этихъ дѣйствій Кутузовъ самъ не цѣнилъ и впослѣдствіи говорилъ о нихъ: „Мы жили очень весело, дрались съ поляками, но войны я еще не понималъ“.

Въ концѣ 1769 года Кутузовъ просилъ о переводѣ его въ первую армію, подъ начальство графа Румянцева, и этотъ переводъ состоялся въ 1770 году, когда графъ Румянцевъ перешелъ въ наступленіе въ Бессарабію. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ

всѣхъ славныхъ побѣдахъ нашего оружія въ первую Турецкую кампанію Кутузовъ отличалъ себя безстрашіемъ и распорядительностью, пока не выведенъ былъ изъ строя знаменитой раной: пуля ударила въ лѣвый високъ и вылетѣла близъ праваго глаза. Врачи обрекли его на смерть, но, вопреки ихъ мнѣнію и къ общему удивленію, онъ началъ выздоравливать, лишившись, впрочемъ глаза. Для леченія онъ поѣхалъ въ Петербургъ и былъ здѣсь обласканъ неоднократнымъ вниманіемъ Императрицы. Государыня нѣсколько разъ призывала его къ себѣ, бесѣдовала съ нимъ, пожаловала ему орденъ св. Георгія 4-й степени и уже тогда говорила: „надо побережь Кутузова“. Онъ былъ отправленъ на счетъ Государыни для окончательнаго излеченія за границу, побывалъ въ Германіи, Англии, Голландіи и Италіи и поѣздкою этой воспользовался не только для леченія, но и для пополненія своего образованія. Имя Кутузова стало извѣстнымъ и въ Европѣ. Въ Берлинѣ Фридрихъ Великій принялъ его весьма ласково.

Въ 1776 году Кутузовъ былъ назначенъ въ распоряженіе Суворова, подъ начальствомъ котораго и началась его строевая служба въ Астраханскомъ полку. Кутузовъ скоро сблизился съ Суворовымъ и на многіе годы сдѣлался его „правою рукою“. Послѣдній любилъ и выдвигалъ Кутузова, отмѣчая особенно его выдающійся, проницательный умъ, соединенный съ хитростью. „Умень, умень“ — говаривалъ онъ про него, — „его и Рибасъ не обманеть“. А де-Рибасъ былъ извѣстный своею хитростью и ловкостью морякъ, тоже подчиненный Суворова. Впослѣдствіи самъ Кутузовъ, при отъѣздѣ своемъ въ 1812 г. къ арміи, на вопросъ племянника, неужели онъ надѣется разбить Наполеона, отвѣчалъ: „разбить — нѣтъ! а *обмануть* — надѣюсь“.

Начавшаяся осенью 1787 года вторая турецкая война привлекла Кутузова. При штурмѣ Очакова въ 1788 году Кутузовъ выбылъ изъ строя. Объ этомъ принцъ де-Линь писалъ императору Іосифу: „Вчера опять прострѣлили голову Кутузову. Я полагаю, что сегодня или завтра онъ умретъ“. Почти невѣроятный случай произошелъ съ Кутузовымъ: онъ во второй разъ получилъ рану, чрезвычайно опасную, почти такую же, какую получилъ 13 лѣтъ тому назадъ и о которой въ его формулярѣ сказано: „ранень пулею на-вылетъ въ голову позади глазъ“, — и остался живъ.

Онъ былъ отправленъ изъ арміи для леченія раны, но не надолго: вопреки всѣмъ ожиданіямъ, Кутузовъ поправлялся настолько быстро, что успѣлъ принять участіе въ штурмѣ и взятіи Очакова 6 декабря 1788 года. „Сей опасный сквозной прорывъ нѣжнѣйшихъ частей и самыхъ важныхъ по положенію височныхъ костей, „глазныхъ мышцъ, зрительныхъ нервовъ, мимо которыхъ на воло-„сокъ прошла пуля и мимо самого мозга, не оставивъ другихъ „послѣдствій, какъ только, что одинъ глазъ искосило“! И объ этомъ излеченіи медики писали диссертациі и называли его „чудомъ“, а врачъ, лечившій Кутузова, говоритъ: „Надобно „думать, что Провидѣніе сохраняетъ этого челоука для чего-„нибудь необыкновеннаго, потому что онъ исцѣлился отъ двухъ „ранъ, изъ коихъ каждая смертельна“.

Подъ Измаиломъ Кутузовъ былъ начальникомъ той штурмовой колонны, которая встрѣтила какъ разъ наиболѣе сильное сопротивление; взаменъ подкрѣпленій, которыхъ Суворову было негдѣ взять, онъ послалъ Кутузову назначеніе комендантомъ еще *не взятаго Измаила*. Въ результатѣ замаявшаяся колонна ворвалась въ крѣпость. Послѣ этого Суворовъ говаривалъ: „Суворовъ знаетъ Кутузова, а Кутузовъ—Суворова“.

Едва окончилась вторая турецкая война миромъ въ Яссахъ, въ декабрѣ 1791 года, какъ Кутузовъ получилъ назначеніе на другой театръ военныхъ дѣйствій—въ Польшу.

Лишь по усмиреніи Польши, въ 1793 году, началась для Кутузова новая служба на поприщѣ дипломатическомъ, такъ какъ въ этомъ году Императрица назначила Кутузова своимъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь. Осенью 1794 года, Кутузовъ возвратился въ Россію и уже въ началѣ 1795 года, въ виду возможной войны со Швеціей, былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми сухопутными войсками, флотиліей и крѣпостями въ Финляндіи. Въ началѣ 1797 года, уже въ новомъ царствованіи, онъ былъ отправленъ къ прусскому королю въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго министра, а въ 1799 году былъ назначенъ главнокомандующимъ русскими войсками на голландскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ этомъ же году, 19 декабря, Кутузовъ назначенъ былъ Литовскимъ генералъ-губернаторомъ, но въ Вильнѣ не пробылъ и года. Осенью,

въ началѣ сентября 1800 года, Кутузовъ отличился на маневрахъ подъ Гатчиною и получилъ порученіе формировать армію на случай возможной войны на западномъ фронтѣ.

По восшествіи на престолъ Императора Александра I, не предполагавшаго воевать, Кутузовъ былъ сначала Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а съ 29 августа 1802 года былъ уволенъ по прошенію отъ должности военного губернатора и получилъ Высочайшее разрѣшеніе отправиться въ отпускъ въ свои помѣстья. Для своего пребыванія Кутузовъ выбралъ деревню Горошки, въ Житомирскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, гдѣ и находился до начала марта 1805 года. Въ 1805 году Кутузовъ здѣсь, въ деревнѣ, узналъ о войнѣ съ Франціей въ союзѣ съ Австріей и о назначеніи своемъ главнокомандующимъ русской арміей.

Послѣ капитуляціи австрійской арміи Мака подъ Ульмомъ, Кутузову, предоставленному на произволъ судьбы съ значительно-слабѣйшими силами, пришлось отступить подъ напоромъ побѣдоносной арміи Наполеона. Ускользнувъ изъ подъ ударовъ великаго корсиканца, искусно перейдя на сѣверный берегъ Дуная и выигравъ сраженіе при Дюренштейнѣ, гдѣ разбитъ былъ французскій маршалъ Мортье, Кутузовъ прославился блистательнымъ отступленіемъ къ Ольмюцу, во время котораго начальникомъ боковаго авангарда у него былъ князь Багратіонъ, прославившійся своимъ Шенграбенскимъ дѣломъ.

За Аустерлицкое пораженіе Кутузова обвиняли и общественное мнѣніе, и самъ Государь, въ томъ, что онъ недостаточно энергично возражалъ противъ плана этого сраженія, составленнаго австрійцами. Какъ говоритъ ген. Лееръ, у Кутузова не хватило „гражданскаго мужества“, и съ этой поры проявляется къ нему со стороны Императора Александра личное нерасположеніе. Тѣмъ не менѣе въ 1806 году, по возвращеніи въ Россію, Кутузовъ назначенъ былъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ, а 3 іюля 1809 года состоялось назначеніе Кутузова на должность Литовскаго военного губернатора; 15 же марта 1811 года Вильна провожала Кутузова, отправлявшагося къ Дунайской арміи, чтобы принять главное начальство надъ нею. Кутузову пришлось здѣсь исправлять промахи своихъ предшественниковъ, и его операція

подъ Рущукомъ представляет собою поистинѣ классическій образецъ, въ которомъ главную роль играло замѣчательно искусное введеніе своего противника маневрами въ заблужденіе.

5 мая 1812 года были установлены въ Бухарештѣ главныя статьи мирнаго договора съ Турціей, и Кутузовъ, сдавъ свою армію Чичагову, отправился въ свое Волынское помѣстье Горошки, гдѣ и пробылъ недѣли двѣ, отдыхая отъ трудовъ на Дунаѣ.

Затѣмъ, когда организовано было ополченіе, Петербургское дворянство единодушно избрало Кутузова начальникомъ Петербургскаго ополченія. Престарѣлый воинъ дѣятельно приступилъ къ его формированію и организаціи.

Когда обострился до крайности вопросъ объ устройствѣ верховнаго управленія арміей, и общественное мнѣніе настойчиво стало высказываться въ пользу единоначалія, Императоръ Александръ созвалъ комитетъ изъ 6 верховныхъ сановниковъ государства для рѣшенія вопроса о выборѣ главнокомандующаго.

Комитетъ единогласно постановилъ ввѣрить армію Кутузову, высказавъ при этомъ, что „недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ недостатка положительнаго надъ всѣми „арміями единоначалія“ и „что для успѣшнаго хода войны необходимо назначить одного общаго главнокомандующаго, избраніе котораго должно быть основано на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ искусствѣ и на старшинствѣ“.

Всѣмъ этимъ условіямъ Кутузовъ удовлетворялъ какъ нельзя болѣе. Мало этого, на Кутузова указывала вся Россія.

8 августа Кутузовъ былъ призванъ къ Государю, ему ввѣрено званіе полномочнаго главнокомандующаго всѣми нашими военными силами и всѣмъ охваченнымъ войною краемъ.. Онъ облакался дотолѣ небывалыми въ Россіи правами и въ полной мѣрѣ надѣлялся тѣмъ, что Суворовъ называлъ: „полная мочь полководцу!“

11 августа Кутузовъ отправился къ арміи, напутствуемый всеобщими усердными молитвами. Наканунѣ отъѣзда изъ Петербурга онъ колѣнопреклоненно выслушалъ молебень въ Казанскомъ соборѣ и былъ благословенъ образомъ Казанской Божіей Матери. По пути къ арміи Кутузовъ встрѣтился съ возвраща-

ющимъ оттуда Беннигсеномъ, котораго вернулъ съ собою и сдѣлалъ своимъ начальникомъ штаба. Въ окрестностяхъ Гжатска толпа мѣстныхъ жителей выпрягла изъ кареты Кутузова лошадей и везла его на себѣ до приготовленнаго для него дома.

Въ Гжатскѣ Кутузовъ первымъ дѣломъ вернулъ обратно въ армію офицеровъ, посланныхъ по Московской дорогѣ для развѣдки позицій. „Не нужно намъ позади арміи никакихъ позицій“, сказалъ онъ; „мы и безъ того слишкомъ далеко отступили“. Пробывъ въ Гжатскѣ полтора часа и принявъ здѣсь докладъ присланныхъ съ курьерами бумагъ, Кутузовъ отправился въ Царево-Займище, гдѣ была главная квартира обѣихъ армій.

Прибывъ въ Царево-Займище, Кутузовъ, здороваясь съ почетнымъ карауломъ, сказалъ, какъ будто про себя, но такъ, что всѣ слышали: „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!“... При послѣдующемъ объѣздѣ войскъ, Кутузовъ встрѣченъ былъ съ необыкновеннымъ восторгомъ. Изъ устъ въ уста передавалась сложившаяся у солдатъ поговорка: „Приѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“; въ то же время по всей Россіи распространилась вѣсть, что при обходѣ лагеря, надъ головою Кутузова парилъ орель. Правда ли, нѣтъ ли, но послѣднее событіе прочно сохранилось и до сихъ поръ въ народныхъ преданіяхъ, свидѣтельствуя о надеждахъ, которыми окрылилъ всѣхъ приѣздъ Кутузова.

Осмотрѣвъ избранную Барклаемъ позицію у Царева-Займища, Кутузовъ одобрилъ ее и выразилъ намѣреніе принять на ней бой, приказавъ даже ускорить постройку начатыхъ укрѣпленій... Но 19 августа, неожиданно для всѣхъ, приказалъ отступить. Отступление это самъ Кутузовъ слѣдующимъ образомъ объяснилъ въ донесеніи своемъ Государю.

„По прибытіи моемъ въ городъ Гжатскъ, нашель я войска „отступающими отъ Вязмы и многіе полки отъ частыхъ сраженій „весьма въ числѣ людей истощившимися, ибо токмо вчерашній „день одинъ прошелъ безъ военныхъ дѣйствій. Я принялъ намѣреніе пополнить недостающее число приведенными вчера генераломъ-отъ-инфантеріи Милорадовичемъ и впредь прибыть „имѣющими войсками, пѣхоты 14.587 ч., конницы 1.002, такимъ „образомъ, чтобы они были распредѣлены по полкамъ“.

„Для еще удобнѣйшаго укомплектованія, велѣлъ я изъ Гжатска отступить на одинъ маршъ и, смотря по обстоятельству, и еще на другой, дабы присоединить къ арміи, на вышеупомянутомъ основаніи, отправляемыхъ изъ Москвы въ довольно большомъ количествѣ ратниковъ; къ тому же мѣстоположеніе въ Гжатскѣ нашель я по обозрѣнію моему для сраженія весьма невыгоднымъ“.

„Усилясь такимъ образомъ, какъ чрезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и чрезъ приобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, сформированныхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и части Московской милиціи, въ состояніи буду, для спасенія Москвы, отдаться на произволь сраженія, которое однако же предпринято будетъ со всѣми осторожностями, которыхъ важность обстоятельствъ потребовать можетъ“.

Первоначальныя распоряженія Кутузова по войскамъ заключались въ слѣдующемъ. Во 1-хъ онъ извѣстилъ о своемъ намѣреніи принять рѣшительное сраженіе у Можайска, какъ адмирала Чичагова (шедшаго съ Дунайской арміей), такъ и генерала Торماسова, ставя тому и другому цѣлью *отвлеченіе силъ* противника, направленныхъ противъ 1-й и 2-й западныхъ армій. Поэтому Тормасову предписывалось, присоединивъ къ себѣ отдѣльные отряды Эртеля и Сакена отъ Мозыря и Житомира, обратиться противъ праваго крыла „великой арміи“; Чичагову же приказано было смѣнить третью армію и выполнять лежавшія на ней дотолѣ задачи.

Начальникомъ штаба у Кутузова былъ сдѣланъ Беннигсенъ; при Кутузовѣ же назначень состоятъ полковникъ Толь.

Когда Барклай-де-Толли получилъ извѣстіе о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ, онъ немедленно изъявилъ Государю свою готовность жертвовать жизнью за отечество, какія бы обязанности на него ни были возложены. Съ присущею ему скромностью Барклай просилъ только выяснить его положеніе по должности военнаго министра. Результатомъ этого ходатайства былъ нижеслѣдующій Высочайшій Рескриптъ:

„Вслѣдствіе рапорта Вашего отъ 16 августа нахожу я Ваши военныя занятія при арміи столь важными и многотрудными,

„что полагаю исправленіе Вами должности военнаго министра „невозможнымъ, по совершенному недостатку времени, а равно- „мѣрно по удаленію, въ которомъ Вы находитесь отъ меня.

„Принимая въ уваженіе сіи причины, нахожу полезнымъ, „чтобы исполненіе должности военнаго министра производилось „управляющимъ департаментами сего министерства, генераль- „лейтенантомъ княземъ Горчаковымъ. О чемъ и данъ отъ меня „сего числа указъ Правительствующему Сенату“.

Отступленіе нашихъ войскъ тѣмъ временемъ продолжалось. Оставивъ позицію у Царева-Займища, они прошли черезъ Гжатскъ; въ ночь съ 19 на 20 августа, у Ивашкова, къ нимъ присоединились приведенныя изъ Калуги Милорадовичемъ подкрѣпленія; кадры этихъ войскъ оставлены въ Калугѣ для формированія новыхъ полковъ.

Арьергардъ Коновницына, отходя къ Гжатску, нѣсколько разъ пріостанавливался, задерживая насѣдавшаго противника, и значительно отсталъ отъ главныхъ силъ. Подъ Гжатскомъ Мюратъ и Даву энергично атаковали Коновницына, какъ разъ въ то время, когда онъ проходилъ черезъ обширный лѣсъ у самаго города, за которымъ былъ мостъ на рѣкѣ Гжати. 2 полка конницы, подъ начальствомъ г.-м. Крейца, были расположены Коновницынымъ на дорогѣ изъ Бѣлаго въ Гжатскъ, чтобы обезпечить свой правый флангъ отъ обхода, а пѣхота заняла лѣсъ. Противникъ, идя этою дорогой, могъ захватить мостъ и успѣть отрѣзать всѣ прочія войска арьергарда.

Поэтому Крейцу предложено было держаться, пока всѣ прочія силы арьергарда не перейдутъ мостъ.

Французы сперва атаковали наши войска, занимавшія лѣсъ, опрокинули ихъ къ городу, а затѣмъ отгѣснили и конницу Крейца, прижавъ ее къ рѣкѣ. Крейць перебрался черезъ рѣку, проташивъ по дну ея свои 2 орудія, но, такъ какъ противникъ, на плечахъ пѣхоты арьергарда, уже пробрался за рѣку, то Крейць направился черезъ поля и увелъ свою конницу далеко въ сторону, гдѣ укрылся въ лощинѣ. Когда же, спустя нѣкоторое время, къ нему приблизилась французская конница, Крейць неожиданно бросился на нее, какъ изъ засады, и захватилъ около 500 плѣнныхъ.

Наполеонъ прибылъ въ Гжатскъ 20 августа и здѣсь узналъ отъ Мюрата о прїѣздѣ Кутузова. „А,—старая сѣверная лисица (le vieux renard du Nord)“, сказалъ онъ, поморщившись. Когда передали объ этомъ Кутузову, то онъ, тонко улыбаясь, замѣтилъ: „постараюсь доказать великому полководцу, что онъ правъ!“...

Несмотря на принятія Наполеономъ мѣры по устройству своего тыла, затрудненія въ снабженіи „великой арміи“ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивались. Обозы, состоявшіе по большей части изъ тяжелыхъ, запряженныхъ волами фуръ, хронически отставали. Русскія войска, при своемъ отступленіи, забирали рѣшительно всѣ запасы, косили овесъ на поляхъ, а остальное истребляли сами жители, сжигавшіе въ довершеніе собственные дома. Такимъ образомъ, непріятелю доставалась почти полная пустыня. Ему приходилось отходить далеко въ сторону отъ прямого пути своего слѣдованія, чтобы хоть что нибудь раздобыть. Понятно, что люди и лошади до крайности истомлялись. Вся пища французскаго солдата за день состояла изъ мясной порціи и горсти муки, разваренной въ водѣ безъ соли: на печеніе хлѣба часто не хватало времени. Чувствовался постоянный недостатокъ въ водѣ, такъ какъ наши войска избирали свои стоянки близъ рѣчекъ, а французамъ доставались такія, гдѣ либо воды вовсе не было, либо она была негодна для питья. А жары стояли до 26° въ тѣни по Реомюру. Неудивительно поэтому, что французская армія, не имѣя вовсе сраженій, продолжала все время равномерно таять, притомъ — въ возрастающей прогрессіи. Всего въ главныхъ силахъ „великой арміи“ *) въ бояхъ съ непріателемъ было потеряно не болѣе 40 тысячъ, а болѣе 100 тысячъ выбыло изъ рядовъ больными и отсталыми. Особенно пострадалъ вестфальскій корпусъ Жюно, шедшій въ хвостѣ другихъ; достаточно сказать, что въ день Лубинскаго сраженія въ немъ насчитывалось 13.600 человекъ, а двѣ недѣли спустя, 21 августа, только 8.868 человекъ.

Готовясь къ рѣшительному бою съ русскими, Наполеонъ долженъ былъ дать нѣкоторый отдыхъ своимъ разстроеннымъ войскамъ и подтянуть ихъ. Онъ прїостановилъ свой авангардъ, корпуса Нея и Даву расположилъ кругомъ Гжатска, самый городъ

*) Корпуса Даву, Нея, вице-короля, Понятовскаго, Жюно, резервной конницы и гвардія.

занялъ гвардіей, корпуса Понятовскаго и вице-короля подтянулъ, а Жюно, отставшему въ Дорогобужѣ, велѣлъ спѣшить къ арміи. Во время днѣвки 21 августа отданъ былъ приказъ представить императору точныя свѣдѣнія о наличномъ числѣ людей, сдѣлать во всѣхъ частяхъ инспекторскій смотръ и собрать отсталыхъ.

„Необходимо, — писалъ императоръ Бертъе — чтобы не позже „десяти часовъ вечера мнѣ были доставлены вѣдомости: о числѣ „людей, орудій, зарядовъ и патроновъ; о числѣ лазаретныхъ фуръ, „лекарей и перевязокъ, которыя они могутъ сдѣлать. Въ этихъ „вѣдомостяхъ должно быть также показано число людей, находя- „щихся въ отлучкѣ отъ своихъ частей и не могущихъ принять „участіе въ сраженіи, ежели оно будетъ дано завтра, а равно — „успѣютъ ли они присоединиться къ войскамъ, если отложимъ „дѣло на два или на три дня. Эти свѣдѣнія должны быть доста- „влены со всевозможною точностью, потому что отъ нихъ будутъ „зависѣть мои распоряженія... Прикажете также донести мнѣ о „числѣ расковавшихся лошадей и о времени, нужномъ для ихъ „ковки“... Вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы строгія распоряженія относительно порядка слѣдованія обозовъ; объявлена даже угроза, что всякая частная повозка, затрудняющая движеніе артиллеріи, будетъ сожжена, причемъ Наполеонъ прибавилъ: „Прошу васъ, „чтобы не довелось мнѣ жечь первыми обозы главнаго штаба. „Нельзя представить себѣ бѣльшаго безпорядка“. Для примѣра двѣ повозки одного изъ чиновъ этого штаба были сожжены; но всѣ эти устрашающія мѣры никакого почти дѣйствія не имѣли: все осталось по прежнему. Наполеонъ продолжилъ свою пріостановку въ Гжатскѣ еще на одинъ день. Погода испортилась; настали холода, дожди; люди на бивакахъ мерзли и сотнями заболѣвали; лошади гибли тысячами отъ голода и усталости.

Дѣло дошло до открытаго изъясненія неудовольствія со стороны маршаловъ. Ней, осыпаемый упреками своего повелителя за большое число отсталыхъ въ его корпусѣ, отвѣчалъ, что идти далѣе считаетъ невозможнымъ, не рискуя гибелью всей арміи; Мюратъ доносилъ, примѣрно, въ такомъ же родѣ. Бертъе отмалчивался... Въ концѣ концовъ Наполеонъ заявилъ, что если погода не прояснѣетъ, то дальнѣйшее наступленіе будетъ имъ прекращено...

Графъ Петръ Петровичъ Коновницынъ.

(Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Сентъ-Обена).

На бѣду французовъ, 23 августа выглянуло солнце, тучи разсѣялись, вернулась ясная погода, и Наполеонъ, уповая на быстрое просыханіе дорогъ, снова быстро двинулъ свои войска по пути къ Москвѣ... и къ гибели...

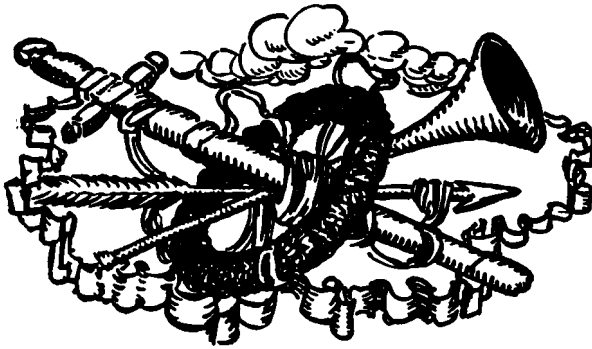
Кутузовъ, тѣмъ временемъ, усилился 15 тысячами Милорадовича, отошелъ 20-го числа къ Дурыкину, 21-го—къ Колоцкому монастырю, а 22-го подошелъ главными силами своими къ селу *Бородину*. Здѣсь къ нему присоединились два ополченія, Московское и Смоленское, въ общей сложности 10 тыс. человекъ. Генеральное сраженіе рѣшено было принять здѣсь, у Бородина, на позиціи, избранной генеральнаго штаба генераломъ Вистицкимъ и одобренной Беннигсеномъ.

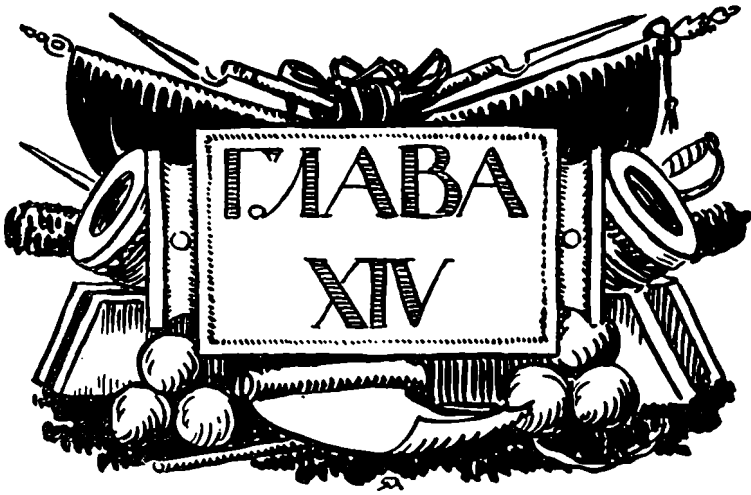
Все отступленіе отъ Смоленска къ Бородину совершенно было нашими арміями въ замѣчательномъ порядкѣ. Непріятелю не удалось захватить ни одного отсталого, ни единой повозки. Искусныя дѣйствія арьергарда Коновницына приводили къ тому, что главныя силы не были изнуряемы утомительными переходами. Всюду, гдѣ только мѣстность позволяла, Коновницынъ выставлялъ батареи, обстрѣливавшія перекрестнымъ огнемъ впереди лежащую мѣстность; пѣхота устраивала въ лѣсахъ засады, а конница въ шахматномъ порядкѣ встрѣчала противника на равнинахъ...

22 августа вечеромъ нашъ арьергардъ отошелъ на позицію у дер. *Гриднева*, въ 15 верстахъ не доходя Бородина, гдѣ уже были главныя силы Кутузова. 23-го числа, съ полудня, Мюратъ, съ большей частью резервной конницы и съ пѣхотною дивизіей Компана обрушился на Коновницына, войска котораго были усилены I кавалерійскимъ корпусомъ. Всего у Коновницына было въ рукахъ 25 батальоновъ и 96 эскадроновъ. Возгорѣлся жаркій бой, продолжавшійся нѣсколько часовъ. Только къ вечеру, когда ему донесли о движеніи корпуса вице-короля на Лусось, Коновницынъ, уклоняясь отъ обхода своего праваго фланга, отошелъ къ Колоцкому монастырю. Главныя силы французовъ расположились въ то же время между Гжатскомъ и Гридневымъ.

24 августа въ 6 часовъ утра французы двинулись къ *Колоцкому монастырю* и здѣсь атаковали войска Коновницына, которыя держались весьма успѣшно. Особенно отличились въ

этомъ бою Изюмскіе гусары, которые совершенно почти истребили 3 эскадрона итальянскихъ конно-егерей. Но обходъ справа корпуса вице-короля снова заставилъ Коновницына податься назадъ. Коновницынъ отвелъ свои войска за рѣку Колочу, гдѣ они и присоединились къ стоявшимъ на главной позиціи; Наполеонъ же приказалъ Мюрату перейти Колочу у Омкина и Валуева и, поддержавъ Мюрата тремя дивизіями Даву, произвелъ усиленную развѣдку нашего расположенія, что и привело къ Шевардинскому бою 24 августа, преддверію знаменитаго *Бородинскаго сраженія*.

*Описание позиции подъ Бородинымъ. — Ея укрѣпленіе. — Первоначальное
расположеніе русскихъ войскъ на позиціи. — Бой 24 августа подъ
Шевардинымъ.*

збранная для боя у села *Бородина* позиція лежала въ 10 верстахъ къ западу отъ *Можайска* и въ 110 верстахъ отъ *Москвы*, при слияніи рѣчки *Колочи* съ рѣкой *Москвою*. Сзади нея сходились обѣ дороги, шедшія отъ *Смоленска* къ *Москвѣ*, такъ называемыя *старая* и *новая Смоленскія* дороги.

Рѣчка *Колоча* до села *Бородина* протекаетъ въ болотистой долині, параллельно новой *Смоленской* дорогѣ, являвшейся главнымъ операционнымъ путемъ, какъ для насъ, такъ и для французовъ. У села *Бородина* она пересѣкается новою *Смоленскою* дорогою, послѣ чего, до самаго впаденія своего въ рѣку *Москву*, течетъ въ глубокой долині съ крутыми, обрывистыми берегами. Изъ нихъ правый берегъ постоянно командуетъ надъ лѣвымъ и во многихъ мѣстахъ достигаетъ до 5 сажень вышины. На этихъ крутизнахъ располагалось правое, сильнѣйшее крыло позиціи, почти недоступное для атаки.

Близъ села Бородина въ Колочу впадаютъ три ручья: справа, у самаго села, ручей Стонецъ, между которымъ и Колочею образуется узкій хребетъ съ высокимъ курганомъ у деревни Горки; выше Бородина справа впадаетъ рѣчка Война, текущая въ болотистой долинь; между нею и Колочею образуется вершина, на которой, собственно, и лежитъ село Бородино. Наконецъ, еще выше въ Колочу впадаетъ ручей Семеновскій, въ лѣтнее время почти безводный, но съ крутыми берегами въ нижней своей части. Между Стонцемъ, Колочей и Семеновскимъ ручьемъ поднимается сильно командующая впереди лежащей мѣстностью высота, на которой была воздвигнута, какъ увидимъ ниже, такъ называемая батарея Раевского. Въ ручей Семеновскій слѣва впадаетъ едва замѣтный ручей Каменка, совершенно высыхающій лѣтомъ; между этими двумя рѣчками находится довольно значительная высота Семеновская, позади которой, на самомъ ручьѣ, расположена была въ то время деревня того же названія. Вслѣдствіе сильной засухи въ 1812 году всѣ перечисленныя рѣчки совершенно пересохли, и даже въ самой Колочѣ воды было чрезвычайно мало.

Верстахъ въ двухъ западнѣе дер. Семеновки возвышается ясно видимый курганъ близъ дер. Шевардино.

Южнѣе Семеновской высоты, до полей близъ дер. Утицы, вся равнина покрыта была кустарникомъ, въ то время не превышавшимъ $1\frac{1}{2}$ аршинъ высоты. Утицкія поля были съ трехъ сторонъ окаймлены обширнымъ лѣсомъ, огибавшимъ съ тылу весь лѣвый флангъ нашей позиціи.

Мѣстныхъ предметовъ, пригодныхъ для упорной обороны, было немного. Деревни Семеновское, Утица, Бородино и другія состояли изъ деревянныхъ, крытыхъ соломою, избъ и легко могли быть зажжены противникомъ. Обстрѣлъ, при тогдашнемъ оружіи, почти всюду былъ хорошій, сообщеніе между частями позиціи было безпрепятственное; отступать назадъ можно было широкимъ фронтомъ, а переходъ въ наступленіе на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ преградами не былъ стѣсненъ.

Изъ сдѣланнаго описанія уже видно, что позиція была весьма сильна на правомъ флангѣ и сравнительно слаба въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. Труднодоступность праваго фланга атакѣ

неволью порождала опасенія за то, что ударъ противника долженъ будетъ обрушиться на лѣвый флангъ, къ которому какъ разъ подходили и болѣе скрытые подступы, лѣсами. Ударъ на лѣвый флангъ грозилъ насъ отрѣзать отъ старой Смоленской дороги и прижать къ обрывистымъ берегамъ Колочи и Москвы, гдѣ отступление съ тяжестями было бы совершенно немыслимо. Зато обходъ праваго фланга угрожалъ отрѣзать насъ совершенно отъ главнаго пути отступления — новой Смоленской дороги.

Всѣмъ писателямъ, изучавшимъ Бородинское сраженіе, равно какъ и всѣмъ, побывавшимъ лично на мѣстѣ достославной битвы, всегда кажется страннымъ, что сильный по природѣ правый флангъ позиціи былъ нами въ дѣйствительности всего сильнѣе занятъ и въ то же время сильнѣе укрѣпленъ, тогда какъ слабѣйшій лѣвый флангъ именно не былъ почти искусственно обезпеченъ и занятъ былъ гораздо слабѣе, слѣдствіемъ чего было перемѣщеніе вдоль нашего фронта во время самаго боя частей съ праваго фланга на лѣвый. Обыкновенно ограничиваются тѣмъ, что указываютъ на эти обстоятельства, считая ихъ просто „ошибками“ Кутузова и оцѣнивая невыгодныя послѣдствія этихъ ошибокъ, но не дѣлая попытокъ разслѣдовать причины такого на первый взглядъ непонятнаго расположенія войскъ и укрѣпленій.

Вѣдь если указанныя свойства мѣстности Бородинскаго поля сраженія сразу бросаются въ глаза каждому мало-мальски свѣдущему въ военномъ дѣлѣ человеку, то неужели же сто лѣтъ тому назадъ ихъ не смогли оцѣнить какъ должно наши военачальники, не говоря уже о самомъ Кутузовѣ, военныя познанія и проницательность котораго намъ хорошо извѣстны!

Намъ кажется, что оцѣнку распоряженій Кутузова передъ Бородинскимъ боемъ надлежитъ дѣлать, имѣя всегда въ виду его же собственныя слова: „разбить—нѣтъ! а *обмануть*—надѣюсь“. Несомнѣнно, все у Кутузова было подогнано именно къ тому, чтобы *обмануть* Наполеона такъ, какъ за годъ передъ тѣмъ искусно былъ обманутъ тѣмъ же Кутузовымъ великій визирь...

Проникнуть въ истинныя намѣренія фельдмаршала чрезвычайно трудно, ибо онъ ихъ никогда никому не открывалъ, а тѣмъ менѣе не довѣрялъ ихъ бумагѣ. Въ дѣйствительности же бой разыгрался,

*

по всей вѣроятности, совершенно несогласно съ предположеніями Кутузова, такъ какъ свелся онъ чуть не къ простой лобовой атакѣ, слишкомъ грубому способу для такого военнаго искусника, какимъ былъ Наполеонъ.

Быть можетъ, Кутузовъ опасался, что если позиція имъ будетъ на лѣвомъ флангѣ сильно укрѣплена, то Наполеонъ либо обойдетъ этотъ флангъ кружно, либо совершитъ столь же смѣлый обходъ праваго фланга, подобный его же маневру подъ Смоленскомъ, и заставитъ Кутузова отступить къ Москвѣ, не принимая у Бородина сраженія; а между тѣмъ далѣе до самой Москвы другихъ позицій не было...

Быть можетъ, Кутузовъ рассчитывалъ на возможность сперва вовлечь Наполеона въ атаку нашего лѣваго фланга, а затѣмъ, прикрываясь на фронтѣ своего праваго крыла крутыми берегами Колочи и укрѣпленіями, думалъ въ удобную минуту самъ на него обрушиться, имѣя обезпеченный путь отступленія по новой Смоленской дорогѣ? А бой въ Утицкихъ лѣсахъ, послѣ неудавшейся атаки, для Наполеоновскихъ войскъ, не привыкшихъ сражаться въ такой мѣстности, къ тому же совершенно незнакомой, могъ грозить серьезными послѣдствіями.

Не даромъ, какъ увидимъ ниже, самъ великій полководецъ отвергъ предложеніе Даву *обойти* лѣвый флангъ русскихъ, сославшись именно на характеръ здѣшней мѣстности и на возможность разстройства на ней наступающихъ войскъ и на трудность управленія ихъ дѣйствіями при такихъ условіяхъ.

До нѣкоторой степени возможность существованія у Кутузова такого намѣренія подтверждается его распоряженіемъ относительно мѣста расположенія корпуса Тучкова 1-го, которое, впрочемъ, какъ увидимъ ниже, не было исполнено надлежащимъ образомъ.

Какъ бы то ни было, но представляется несомнѣннымъ, что при укрѣпленіи позиціи прежде всего вниманіе обращено было на правый флангъ, а затѣмъ на центръ, а лѣвый флангъ такъ и остался неукрѣпленнымъ.

Существуетъ и другое предположеніе, особенно энергично поддерживаемое гр. Л. Толстымъ въ „Войнѣ и Мирѣ“, а именно, что фронтъ нашей позиціи первоначально направленъ былъ почти

параллельно Колочѣ и что Шевардинскій редутъ, построенный на упомянутой выше высотѣ у этой деревни, былъ не *передовой позиціей*, какъ обыкновенно толкуютъ, а *опорнымъ пунктомъ* нашего *льваго фланга*, оказавшагося, послѣ боя 24 августа, осаженнымъ назадъ. Документальныхъ на это свидѣтельствъ прямыхъ не имѣется, но тѣмъ не менѣе есть много оснований считать такое предположеніе довольно вѣроятнымъ. Самое выдвинутое впередъ положеніе Шевардинскаго редута могло, помимо этого, имѣть цѣлью вовлечь французовъ въ атаку именно въ этомъ направленіи, южнѣе Колочи; добившись же раздѣленія ихъ силъ по обѣ стороны этой рѣчки, продѣлать то, что сказано выше, т. е., опираясь на укрѣпленія праваго крыла, обрушиться на всѣ тѣ части противника, которыя окажутся въ южномъ направленіи...

Въ дѣйствительности, вотъ какія укрѣпленія были сооружены на Бородинской позиціи.

На высотѣ у дер. Горокъ, правѣе новой Смоленской дороги, было выстроено двѣ батареи, одна на 3 орудія, другая на 9 орудій, въ полуверстѣ отъ первой. Мостъ между Горками и Бородинымъ уничтоженъ не былъ, а самое село Бородино было отчасти приспособлено къ оборонѣ...

На центральной высотѣ предполагалось устроить сильное укрѣпленіе, но на это не достало времени, и ограничились возведеніемъ люнета на 18 орудій, вполнѣдствіи названнаго „батареи Раевского“. Въ настоящее время здѣсь какъ разъ воздвигнуть памятникъ русскимъ воинамъ, павшимъ на Бородинскомъ полѣ.

Къ сооруженію этой батареи приступили только въ 5 час. дня 25 августа, т. е. уже *послѣ* Шевардинскаго боя. Вѣроятно съ паденіемъ Шевардинскаго редута возникла мысль о необходимости обезпечить болѣе солидно нашъ центръ. Батарея эта, къ началу Бородинскаго сраженія, не была совершенно окончена.

Далѣе, на высотѣ впереди деревни Семеновской, сооружены были три „флешы“ *); вполнѣдствіи названныя „Багратионовскими“.

*) Флешью въ фортификаціи называется открытое съ тыла укрѣпленіе, имѣющее начертаніе исходящаго угла.

На одной из этих флешей во время боя 26 августа был убит генерал Тучковъ 3-й, вдова котораго основала женскій Богородицкій монастырь какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ построены были эти флешы. Одна изъ нихъ, близъ усыпальницы Тучкова, до настоящаго времени сохраняется въ томъ самомъ видѣ, какъ сто лѣтъ назадъ.

На высотѣ близъ Шевардина сооруженъ былъ пятиугольный редутъ на 12 орудій; наконецъ, за правымъ флангомъ у лѣса выстроено было еще укрѣпленіе, въ видѣ трехъ, связанныхъ между собою флешей. Оно обращено было фронтомъ къ сѣверу, къ рѣкѣ Москвѣ и потому, при дѣйствительныхъ условіяхъ розыгрыша Бородинскаго боя, не приносило никакой пользы.

Цѣль расположенія этихъ укрѣпленій представляется загадочной. Повидимому, они обезпечивали нашъ правый флангъ отъ обхода съ сѣвера, со стороны рѣки Москвы. Очевидно, труднодоступность береговъ ея здѣсь не считали такимъ препятствіемъ, которое могло бы остановить войска Наполеона.

Всѣ перечисленныя укрѣпленія начали строить слишкомъ поздно. Главной рабочей силой явились ратники ополченія, совершенно незнакомыя съ веденіемъ подобнаго рода работъ; шанцеваго инструмента не хватало, а между тѣмъ работать было трудно вслѣдствіе обилія разсѣянныхъ повсюду камней. По всѣмъ этимъ причинамъ ко дню сраженія ни одно почти укрѣпленіе не было доведено до надлежащей профили; не сдѣлано было ни одеждъ, ни искусственныхъ препятствій.

24 августа Кутузовымъ отдана была диспозиція для боя, которую приведемъ здѣсь цѣликомъ.

„Диспозиція для 1-й и 2-й западныхъ армій, при селѣ Бородинѣ расположенныхъ, августа 24 дня 1812 года.

„Арміи, присоединивъ къ себѣ всѣ подкрѣпленія, отъ Калуги и Москвы прибывшія, ожидаютъ наступленія непріятельскаго при селѣ Бородинѣ, гдѣ и дадутъ ему сраженіе.

„Арміи расположены нынѣ въ позиціи слѣдующимъ образомъ, начиная съ праваго фланга.

„II, IV, VI и VII пѣхотные корпуса и 27-я пѣхотная дивизія, находящаяся на лѣвомъ флангѣ, составляютъ корь-дебаталь и расположены въ двѣ линіи.

„За ними расположатся кавалерійскіе корпуса, имѣющіе вступить въ ордеръ-дебаталь, въ полковыхъ колоннахъ, слѣдующимъ образомъ:

За II пѣхотнымъ корпусомъ I кавалерійскій корпусъ.

„ IV „ „ II „ „

„ VI „ „ III „ „

„ VII „ „ IV „ „

„т. е. кавалерійскіе полки второй арміи.

„Въ центрѣ боевого порядка, за кавалерійскими корпусами, стоятъ резервы, въ батальонныхъ колоннахъ на полныхъ дистанціяхъ, въ двѣ линіи, а именно: въ первой линіи III пѣхотный корпусъ, а за нимъ V или гвардейскій корпусъ и сводные гренадерскіе баталіоны: 4-й, 17-й, 1-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій.

„Вторая гренадерская дивизія и сводные гренадерскіе баталіоны 2-й арміи становятся за IV кавалерійскимъ корпусомъ и составляютъ резервъ второй арміи. Егерскіе полки 1-й арміи, нынѣ въ арьергардѣ находящіеся; равно и тѣ, которые стоятъ въ корь-дебаталіи, проходятъ за оной и идутъ на правый флангъ арміи за II пѣхотный корпусъ, гдѣ поступаютъ частью для занятія лѣсовъ, на правомъ флангѣ находящимся, частью для составленія резерва праваго фланга арміи. Всѣ кирасирскіе полки обѣихъ армій должны во время дѣйствія стать позади гвардейскаго корпуса, также въ полковыхъ колоннахъ.

„Артиллерія, при резервѣ остающаяся, составляетъ въ семь боевомъ порядкѣ резервную артиллерію.

Начальники корь-дебаталіи:

„Правый флангъ, изъ II и IV корпусовъ, подъ командою генерала-отъ-инфантеріи Милорадовича.

„Центръ, изъ VI корпуса, подъ командою генерала-отъ-кавалеріи Дохтурова.

„Лѣвый флангъ изъ VII корпуса и 27-й дивизіи, подъ командою генераль-лейтенанта князя Горчакова 2-го.

„Главнокомандующіе арміями предводительствуютъ, какъ и прежде войсками, ихъ арміи составляющими.

„Генераль-лейтенантъ князь Голицынъ 1-й командуетъ 1-ю и 2-ю кирасирскими дивизіями, кои соединить вмѣстѣ въ колоннахъ за V корпусомъ.

„Въ семъ боевомъ порядкѣ намѣренъ я привлечь на себя силы непріятельскія и дѣйствовать сообразно его движеніямъ. Не въ состояніи будучи находиться во время дѣйствія на всѣхъ пунктахъ, полагаюсь на извѣстную опытность г.г. главнокомандующихъ арміями, и потому предоставляю имъ дѣлать соображенія дѣйствій на пораженіе непріятеля. Возлагая все упованіе на помощь Всесильнаго и на храбрость и неустрашимость русскихъ воиновъ, при счастливомъ отпорѣ непріятельскихъ силъ, дамъ собственныя повелѣнія на преслѣдованіе его, для чего и буду ожидать безпрестанныхъ рапортовъ о дѣйствіяхъ, находясь за VI корпусомъ.

„При семъ случаѣ, неизлишнимъ почитаю представить г.г. главнокомандующимъ, что резервы должны быть берегаемы, сколь можно долѣе, ибо тотъ генераль, который сохранилъ еще резервъ, не побѣжденъ. Въ случаѣ наступательнаго во время дѣйствія движенія, оное производитъ въ колоннахъ къ атакѣ, въ каковомъ случаѣ стрѣльбою отнюдь не заниматься, но дѣйствовать быстро, холоднымъ оружіемъ“.

„Въ интервалахъ между пѣхотными колоннами имѣтъ нѣкоторую часть кавалеріи, также въ колоннахъ, которая бы подкрѣпляла пѣхоту.

„На случай неудачнаго дѣла, генераломъ Вистицкимъ нѣсколько дорогъ открыто, которыя сообщены будутъ г.г. главнокомандующимъ и по коимъ арміи должны будутъ отступать. Сей послѣдній пунктъ остается единственно для свѣдѣнія г.г. главнокомандующимъ“.

На подлинномъ подписано:

Генераль Князь *Кутузовъ*.

Главная квартира
Деревня Татаринова
Августа 24 дня 1812 года.

Въ этой диспозиціи обращаетъ на себя вниманіе, во 1-хъ, что Кутузовъ свою задачу ограничиваетъ намѣреніемъ „привлечь на себя силы непріятели“ и уже затѣмъ „дѣйствовать *сообразно его движеніямъ*“. Это совершенно то же, что у Петра Великаго „по непріятельскимъ обращеніямъ“ и „какъ Богъ вразумить“. Кутузовъ не предрѣшаетъ заранѣе никакого плана, а только при „счастлиvomъ отпорѣ“ непріятели имѣетъ въ виду дать „собственныя повелѣнія“ на преслѣдованіе его. Возможность „наступательнаго движенія“, т. е. перехода въ наступленіе, предвидится также, но указывается только строй, котораго надобно держаться, и способъ дѣйствія. Замѣчательна также свобода, предоставляемая главнокомандующимъ арміями, которымъ отданы въ руки „соображенія дѣйствій на пораженіе непріятели“ и только рекомендовано беречь резервы...

Что касается распредѣленія силъ, то въ диспозиціи не указаны пункты или рубежи, занимаемые частями боевого порядка. Благодаря этому, по ней не представляется возможнымъ точно разрѣшить спорный вопросъ о томъ, была ли Шевардинская позиція занята нами въ качествѣ *передового пункта*, или же это былъ первоначальный крайній лѣвый флангъ нашего расположенія, вполнѣдствіи, послѣ боя 24 числа, осаженный нами назадъ.

Второе предположеніе имѣетъ за себя все же много данныхъ. Въ самой вышеприведенной диспозиціи отъ 24 числа сказано про 27-ю дивизію: „находящаяся на *лѣвомъ флангѣ*“, а въ этотъ день, какъ увидимъ ниже, 27-я дивизія занимала какъ разъ Шевардинскую позицію.

Лѣвое крыло наше, при этомъ условіи, составляло участокъ отъ батареи Раевского до Шевардинскаго редута включительно, причемъ 24 числа былъ выстроенъ только Шевардинскій редутъ, а прочія укрѣпленія появились только на другой день, когда расположеніе этого фланга пришлось измѣнить.

Является вопросъ, чѣмъ именно вызвано было такое направленіе фронта позиціи, какъ бы заранѣе выдвигавшее лѣвый флангъ подъ удары противника? Возможно, что тутъ играло роль стремленіе обезпечить за собой не только новую, но и старую Смоленскія дороги, а можетъ быть Кутузовъ, какъ уже выска-

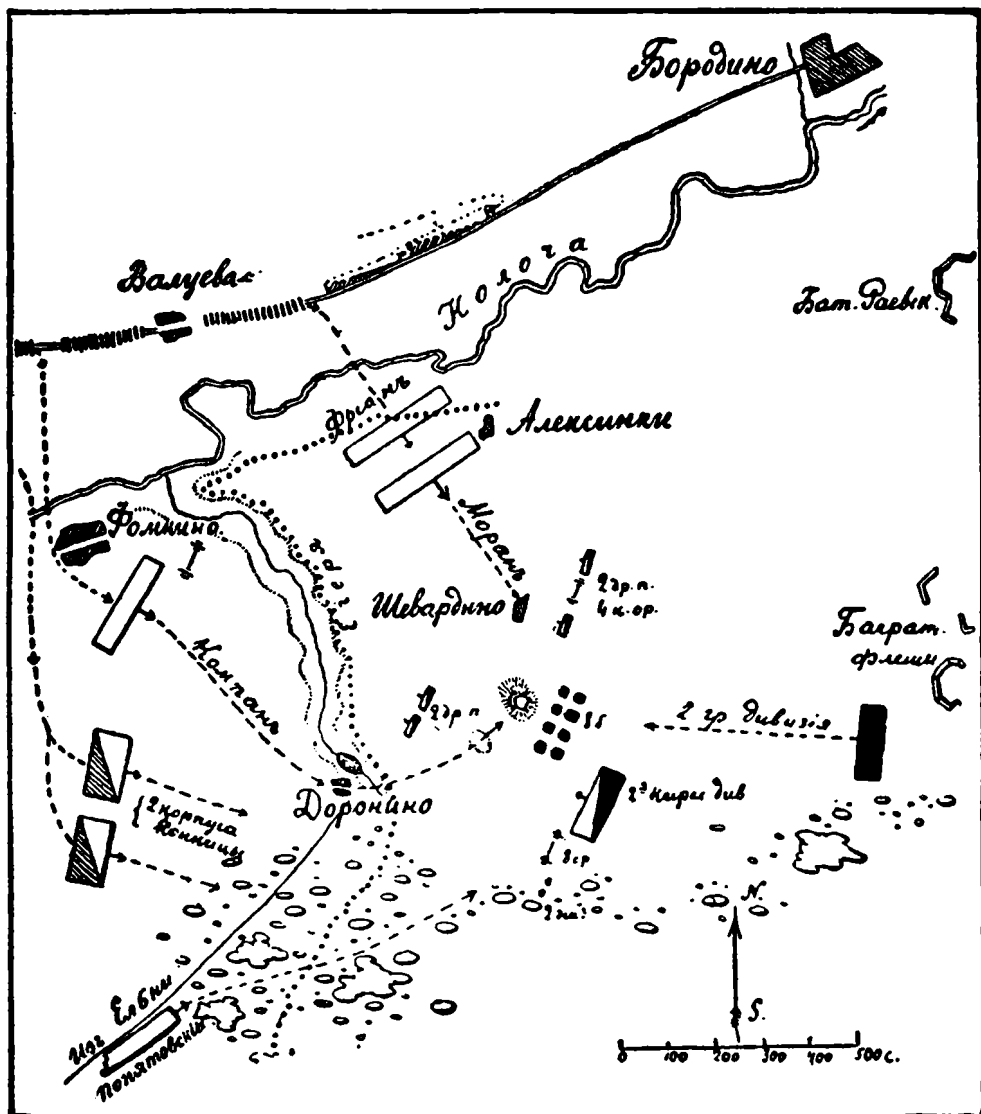
зано было предположеніе, умышленно стремился втянуть Наполеона въ атаку своего лѣваго фланга, чтобы затѣмъ, опираясь на почти неприступный правый флангъ, перейти въ наступленіе и загнать французовъ въ полосу лѣсовъ, что южнѣе старой Смоленской дороги, отрѣзавъ ихъ даже, при удачѣ, отъ пути ихъ отступленія...

Трудно на этотъ счетъ высказаться положительно, такъ какъ Кутузовъ вообще своихъ соображеній никому никогда не открывалъ.

Несомнѣнно одно, что непонятное для всѣхъ сильное занятіе войсками сильнаго уже по самой своей природѣ праваго крыла нашей позиціи, къ которому (у Князькова) придерживаны были и наши резервы, можетъ быть объяснено только такимъ образомъ. Странно предполагать,—какъ это, однако, обыкновенно дѣлали до сихъ поръ почти всѣ военные писатели,—чтобы такому опытному и проницательному предводителю, какъ Кутузовъ, не были видны и понятны всѣ тѣ свойства и особенности Бородинской позиціи, которыя мы сейчасъ оцѣниваемъ. Скорѣе всего слѣдуетъ искать объясненія образу дѣйствій Кутузова въ его же, приведенныхъ нами выше, словахъ, что онъ „надѣется обмануть“ Наполеона. Если надежда эта не вполне осуществилась подъ Бородинымъ, гдѣ выполнена была только первая половина задачи („счастливый отпоръ“), то это зависѣло отъ огромности усилія и колоссальности жертвъ, потребовавшихся только для того, чтобы вырвать изъ руки страшнаго врага привычную ему побѣду. Нанести же вслѣдъ затѣмъ ему сокрушительный ударъ мы оказались не въ состояніи, такъ какъ силы наши были уже истощены.

24 августа произошелъ первый актъ Бородинскаго сраженія, Шевардинскій бой. Бой этотъ, со стороны Наполеона явился, собственно говоря, усиленною развѣдкой; съ нашей же стороны бой этотъ сыгралъ роль, съ одной стороны, развѣдочную, а съ другой демонстративную. Онъ опредѣлилъ намъ ясно, куда направляется главная масса силъ Наполеона, а затѣмъ, быть можетъ, даже и втянулъ ее именно въ этомъ направленіи.

Схема Шевардинского боя.

Наступление французских войск велось все время в трех колоннах. В правой, по старо-Смоленской дороге, наступал корпус Понятовского; в левой, через дер. Сады, шел корпус вице-короля; по новой же Смоленской дороге, левым берегом Колочи, шли все прочие силы, в предшествии конницы Мюрата, имея в головѣ корпус Даву.

Согласно приведенной выше диспозиціи Кутузова на 24 августа, первоначальное расположение наших войск было слѣдующее:

1-я армія Баркляя-де-Толли занимала правый флангъ и центръ, приче́мъ участокъ правѣе д. Горки, вдоль Колочи (*правое крыло*), заняли II и IV пѣхотные корпуса, подъ начальствомъ Милорадовича. Конница праваго крыла (II кавалерійскій корпусъ) стала за IV пѣхотнымъ корпусомъ. *Центромъ* начальствовалъ Дохтуровъ и занималъ пространство отъ высоты у деревни Горки до батареи Раевского, имѣя подъ командою VI пѣхотный и III кавалерійскій корпуса.

Лѣвое крыло занимала 2-я армія князя Багратіона, приче́мъ отъ батареи Раевского (включительно) до Семеновскихъ флешей— VII пѣхотный и IV кавалерійскій корпуса, а высоту съ Семеновскими флешами обороняла сводная гренадерская дивизія Воронцова (т. е. половина VIII корпуса). Другая половина этого корпуса (2-я гренадерская дивизія) составляла *частный резервъ* 2-й арміи и располагалась за деревней Семеновкой.

Кромѣ того имѣлся еще *главный резервъ* у д. Князькова (корпуса III и V съ 1-ю кирасирскою дивизіей), который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ частнымъ резервомъ 1-й арміи, у д. Псарева, кромѣ того, находился главный артиллерійскій резервъ—300 орудій. Наконецъ, за лѣвымъ флангомъ поставлено было впоследствии еще все Московское ополченіе (7 тыс.); Смоленское же распределено въ тылу всей боевой линіи для выноса раненыхъ.

Егерскіе полки всѣхъ корпусовъ боевой линіи были разсыпаны передъ фронтомъ позиціи и въ кустахъ до старой Смоленской дороги; два полка разсыпано было еще и на крайнемъ флангѣ позиціи, близъ рѣки Москвы. Село Бородино, слегка укрѣпленное, занято было 3 баталіонами гвардейскихъ егерей.

Правый флангъ и нижнее теченіе Колочи наблюдались 5 казачьими полками, а лѣвый флангъ, близъ деревни Утицы, 6 казачьими полками. Уступомъ за правымъ флангомъ и довольно далеко отъ него, за рощею, поставлены были казаки Платова (9 полковъ) и I кавалерійскій корпусъ Уварова.

Независимо сказаннаго, Шевардинскую позицію (которая, какъ уже указывалось, первоначально была по всей видимости, крайнимъ лѣвымъ флангомъ позиціи) занимали 14 баталіоновъ и 38 эскадроновъ князя Горчакова.

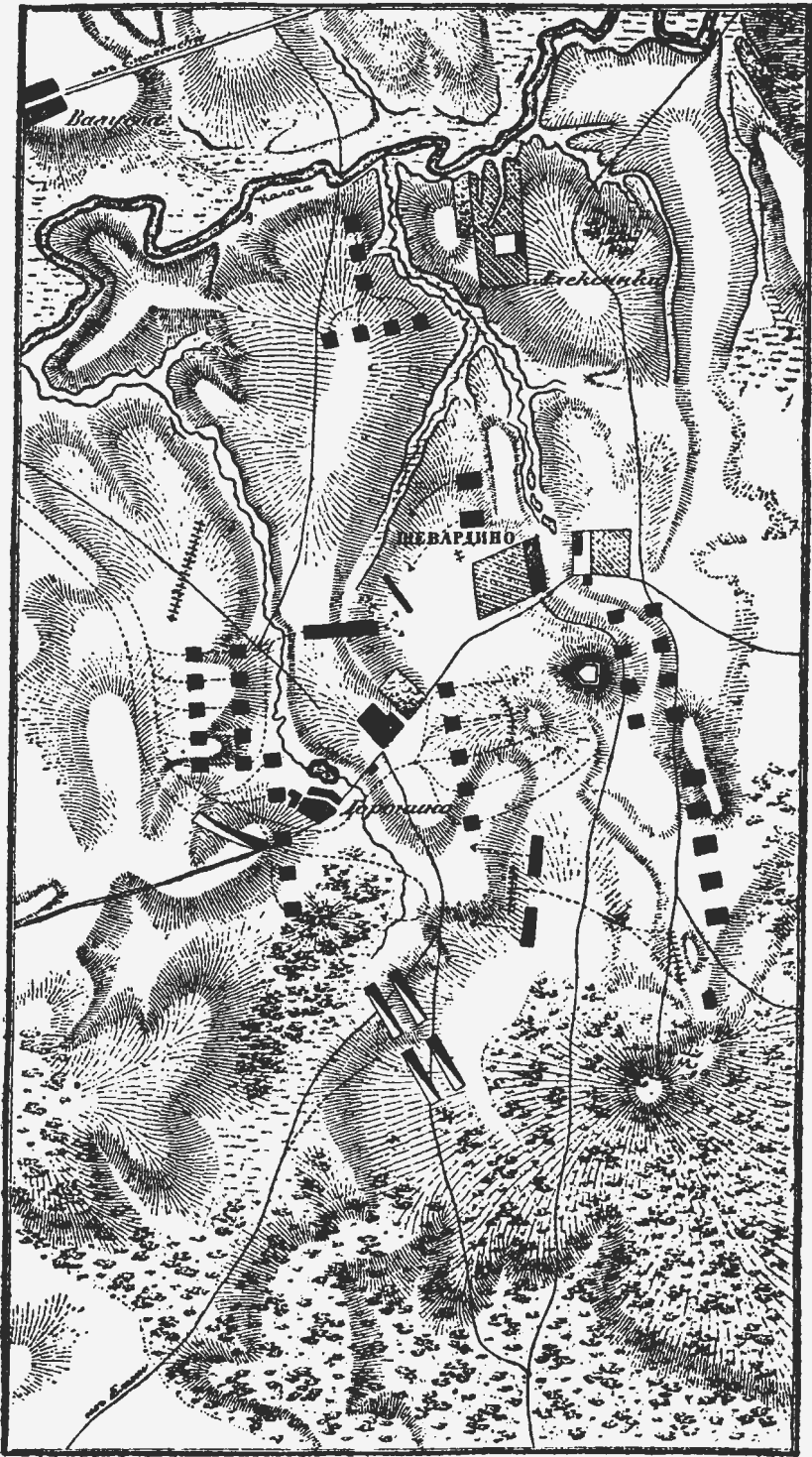
Въ подробностяхъ расположеніе этихъ войскъ было слѣдующее:

Три полка егерей (5-й, 49-й и 50-й) разсыпались цѣлью отъ деревни Алексинки вверхъ по рѣкѣ Колочѣ до деревни Фомкино и далѣе къ югу по Доронинскому оврагу и по кустамъ въ направленіи къ деревнѣ Ельнѣ.

27-я пѣхотная дивизія Невѣровскаго (8 баталіоновъ) построилась въ батальонныхъ колоннахъ позади редута, занятаго 12 орудіями. Правѣ пѣхоты расположились два полка драгунъ (Харьковскій и Черниговскій) съ 4 конными орудіями, а влѣво отъ пѣхоты и уступомъ нѣсколько отъ нея назадъ стала 2-я кирасирская дивизія генерала Дуки съ 8 конными орудіями, прикрытыми съ наружнаго фланга 2 эскадронами Ахтырскихъ гусаръ. Прочіе 2 полка драгунъ (Новороссійскій и Кіевскій) были двинуты впередъ, служа поддержкою егерямъ. Общее количество нашихъ войскъ, принявшихъ участіе въ Шевардинскомъ боѣ 24 августа, простиралось до *11 тысячъ* человекъ, не считая подошедшихъ позднѣе подкрѣпленій.

Какъ только передовыя части *средней* колонны французовъ, преслѣдуя нашъ арьергардъ Коновницына, отходившій послѣ дѣла у Колоцкаго монастыря, приблизились къ деревнѣ Валуевой, тотчасъ же егеря наши, разсыпанные по оврагамъ и кустамъ праваго берега р. Колочи, открыли по наступавшимъ колоннамъ жаркій огонь во флангъ. Тотчасъ же Наполеонъ приказалъ конницѣ Мюрата, шедшей въ головѣ колонны (и, какъ видно, не раскрывшей заранее противника), свернуть съ дороги къ югу и, перейдя Колочу, вытѣснить русскихъ; точно также велѣно было къ нимъ присоединиться и тремъ дивизіямъ корпуса Даву; корпусу же Понятовскаго, шедшему въ *правой колоннѣ* арміи, по старой Смоленской дорогѣ, приказано было содѣйствовать этой атакѣ. Такимъ образомъ, для атаки Шевардинской позиціи въ общей сложности направлено было болѣе *тридцати пяти тысячъ* человекъ.

ИЗДАНИЕ
ДЕЛА ПРО ШЕВАРДИНО
24 АВГУСТА
5 СЕНТЯБРЯ

Масштаб
В 1:50000
1 см = 500 м

Князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ.

(Съ гравюры Вендрамини, сдѣланной съ портрета Ферьера).

Головная дивизія корпуса Даву, генерала Компана, не доходя еще деревни Валуевой, свернула съ дороги вправо и, переправясь черезъ Колочу, въ два часа овладѣла деревней Фомкино; конница же Мюрата (кавалерійскіе корпуса Мансути и Монбрена) отошла по большой дорогѣ назадъ, уклоняясь отъ огня нашихъ егерей, и перешла рѣку нѣсколько выше и позднѣе вышеупомянутой пѣхоты. Двѣ же другія дивизіи Даву, продолжая движеніе по новой Смоленской дорогѣ, продвинулись вдоль по теченію Колочи и переправились черезъ нее ниже, въ направленіи на деревню Алексинки.

Наши егеря были потѣснены назадъ къ Шевардину; Компанъ же, занявъ Фомкино, выставилъ впереди этой деревни сильную батарею, которая и открыла ожесточенный огонь по нашему редуту. Послѣ двухчасовой жаркой канонады, французскія колонны атаковали деревню Доронино и прилегающія къ ней рощи, тогда какъ появившіяся головныя части войскъ Понятовскаго начали тѣснить егерей на лѣвомъ нашемъ флангѣ.

Кіевскіе драгуны лихо налетѣли на непріятельскихъ пѣхотинцевъ, при выходѣ ихъ изъ кустовъ, и опрокинули ихъ; точно также Ахтырцы атаковали колонну, грозившую нашей артиллеріи; Новороссійскій же полкъ, пройдя между деревней Доронинымъ и рощею, разстроилъ двѣ другія колонны и опрокинулъ конницу противника. Тѣмъ не менѣе, пользуясь закрытою мѣстностью, сплошь почти поросшею густыми кустами, поляки Понятовскаго обошли нашихъ егерей и оттѣснили ихъ въ лѣсъ между Шевардинымъ и Утицею; пользуясь этимъ, Компанъ рѣшительнѣе двинулся впередъ и овладѣлъ деревней Доронинымъ и рощею. Затѣмъ французская пѣхота продвинулась еще ближе къ редуту, захватила курганъ, бывшій отъ него всего въ 250 шагахъ и мѣткимъ огнемъ отсюда причинила большой уронъ нашей артиллерійской прислугѣ въ редутѣ. Вслѣдъ затѣмъ на помянутый курганъ ввезена была французами артиллерія, обстрѣлявшая картечью внутренность редута, причинивъ этимъ большія потери. Пользуясь этимъ, Компанъ повелъ атаку на редутъ съ фронта, двинувъ часть своихъ полковъ въ охватъ слѣва; Мюрать же и Фрианъ тѣмъ временемъ, закончивъ переправу, двинулись на деревню Шевардино.

Закипѣлъ жестокой бой съ ружейнымъ огнемъ на самомъ близкомъ разстояніи и штыковыми ударами. Снова успѣхъ колебался, редутъ и деревня нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки; молодецкая пѣхота Невѣровскаго дѣлала чудеса храбрости, — но, наконецъ, около восьми часовъ вечера, численный перевѣсъ взялъ верхъ: Компанъ овладѣлъ редутомъ, а Моранъ взялъ деревню Шевардино. Но въ это время на поддержку Невѣровскому подоспѣли двинутыя Багратіономъ 2-я гренадерская и сводная гренадерская дивизіи. Багратіонъ лично повелъ своихъ гренадеръ въ бой, а кирасиры наши (2 полка, Глуховскій и Малороссійскій) обезпечили эту контръ-атаку съ фланга, ударивъ на французскія колонны, норовившія помѣшать Багратіону, атаковавъ его въ бокъ со стороны Доронина. Кирасиры не только опрокинули эти колонны, но еще завладѣли впереди Доронина французскою батареею, изъ которой увезли три орудія.

Одновременно съ этимъ, драгунскіе полки Харьковскій и Черниговскій обрушились на 111-й французскій пѣхотный полкъ, увлекшійся обходомъ праваго нашего фланга и нѣсколько оторвавшійся отъ своихъ; полкъ этотъ, построясь въ каре, мужественно отбивался отъ нашихъ драгунъ, однако все же потерялъ два своихъ полковыхъ орудія. На выручку 111-му полку подоспѣлъ испанскій полкъ изъ дивизіи Фріана. Несмотря на наступившую ночь, бой продолжался съ прежнимъ ожесточеніемъ; редутъ, нѣсколько разъ переходившій изъ рукъ въ руки, въ концѣ концовъ остался за нами. Но поляки корпуса Понятовскаго, продолжая двигаться кустами, обошли слѣва Шевардинскую позицію, о чемъ доносилъ начальникъ казачьяго отряда на старой Смоленской дорогѣ, генералъ Карповъ. Въ виду этого Кутузовъ приказалъ князю Багратіону подъ покровомъ ночи отойти на главную позицію, что и выполнено было безъ помѣхи послѣ 11 часовъ вечера.

Показанія о послѣдней части Шевардинскаго боя вообще весьма сбивчивы и противорѣчивы, что, очевидно, объясняется тѣмъ, что бой этотъ велся уже въ темнотѣ; по нѣкоторымъ даннымъ, Шевардинскій редутъ оставался за нами до утра, и только на разсвѣтѣ Багратіонъ очистилъ позицію, видя невозможность на ней удерживаться.

Во всякомъ случаѣ, считать ли Шевардино нашимъ лѣвымъ флангомъ или передовымъ пунктомъ, бой 24 числа сыгралъ для обѣихъ сторонъ въ полной мѣрѣ свою развѣдочную роль. Французамъ сдѣлалась ясною относительная слабость нашего лѣваго фланга и возможность скрытнаго его обхода; намъ должно было казаться очевиднымъ, что противникъ намѣренъ стянуть большую часть своихъ силъ южнѣ Колочи, а слѣдовательно, что вѣроятнѣе всего, здѣсь и ожидать съ его стороны главнаго удара.

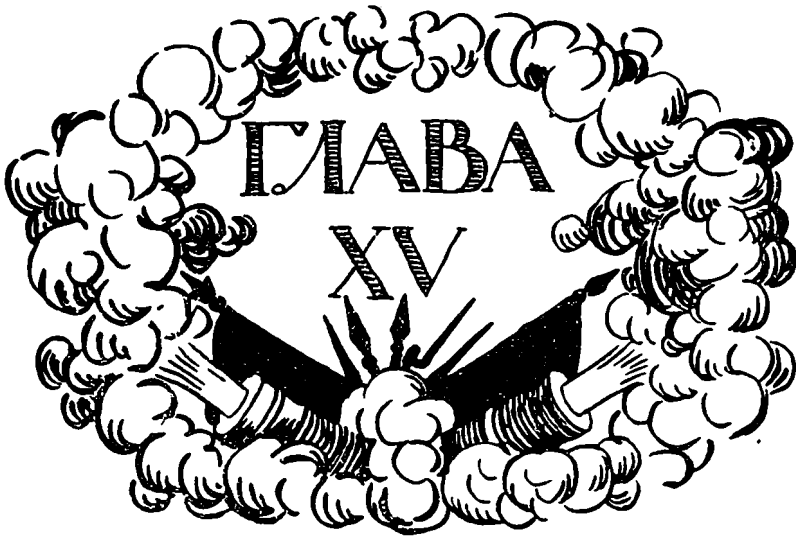
Если вѣрно, что мы до утра 25-го удержались у Шевардина и отошли оттуда только вслѣдствіе полученнаго приказанія, то это еще болѣе говоритъ въ пользу ранѣе высказаннаго предположенія, что Кутузовъ самъ желалъ втянуть французовъ въ атаку своего лѣваго фланга. На эту мысль наводитъ, какъ уже мы говорили, распоряженіе Кутузова, о которомъ скажемъ ниже, согласно коего III корпусъ Тучкова, двинутый изъ резерва на подкрѣпленіе лѣваго фланга, долженъ былъ быть расположенъ *укрыто и уступомъ* позади Семеновскихъ флешей.

Данныя о потеряхъ въ Шевардинскомъ бою тоже чрезвычайно противурѣчивы: одни опредѣляютъ ихъ въ 1 тысячу съ каждой стороны, другіе отъ 4 до 6 тысячъ, считая бѣльшую цифру у русскихъ; третьи доводятъ эту послѣднюю цифру до 8 тысячъ. Во всякомъ случаѣ убыль въ дѣлахъ съ 22 по 24 августа у обѣихъ сторонъ была болѣе или менѣе равномѣрна.

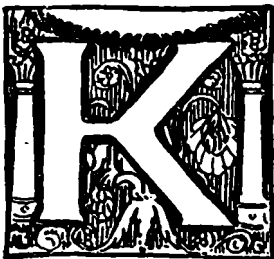
Заслуживаетъ особаго вниманія необычайная доблесть нашихъ войскъ въ Шевардинскомъ бою, а также находчивость и распорядительность начальниковъ. Французы ведутъ атаку на Шевардино одновременно съ фронта и обонхъ фланговъ, искусно пользуясь складками мѣстности и тѣмъ, что, по дальности тогдашняго огня, нельзя было поддержать Шевардинскій участокъ съ другихъ участковъ позиціи. У насъ очень искусно противопоставляютъ этой системѣ атаки упорную, активную оборону пѣхотою на атакованномъ опорномъ пунктѣ, въ сочетаніи съ повторными ударами конницы въ наружные фланги охватывающихъ непріятельскихъ группъ (Понятовскаго и Морана съ Фріаномъ), что всякій разъ парализовало ихъ успѣхъ въ зародышѣ.

Войска, участвовавшія въ Шевардинскомъ бою, отошли: а) 27-я пѣх. дивизія Невѣровскаго—во 2 линію, за Семеновскія флеші; б) 2-я кирасирская дивизія, вмѣстѣ со 2-й гренадерской, вошла въ составъ частнаго резерва 2-й арміи; в) сводно-гренадерская дивизія Воронцова вернулась въ Семеновскія флеші; г) егеря Шаховскаго разсыпались, какъ выше указано, и д) драгуны и гусары присоединились къ IV кавалерійскому корпусу.

Положеніе сторонъ 25 августа. — Передвиженія нашихъ войскъ. — Составъ и численность войскъ, участвовавшихъ въ Бородинской битвѣ. — Планъ атаки Наполеона. — Его распоряженія. — Духовно-нравственная подготовка обѣихъ сторонъ.

ь утру 25 августа французы заняли слѣдующее расположеніе:

Три дивизіи Даву — около Шевардина; три резервныхъ кавалерійскихъ корпуса Мюрата — между Шевардинымъ и Колочею; Понятовскій — между Доронинымъ и Ельнею. Все это — на южномъ берегу Колочи.

На сѣверномъ берегу Колочи: корпусъ вице-короля, передовыя части котораго, во время Шевардинскаго боя, пытались овладѣть Бородинымъ, стали въ виду этого села. Двѣ остальные дивизіи Даву (его корпусъ, въ видѣ исключенія, состоялъ изъ пяти дивизій), корпусъ Нея и гвардія — по обѣ стороны д. Валуева, а еще позади — корпуса Жюно и кавалерійскій Патурь-Мобура.

*

Такая группировка силъ еще не давала права категорически быть увѣреннымъ въ томъ, что Наполеонъ будетъ продолжать свой ударъ въ прежнемъ направленіи, т. е. южнѣ Колочи. Какъ видно, бѣльшую часть силъ онъ еще удерживалъ на сѣверномъ берегу, сохраняя возможность маневрировать ими. Вотъ этимъ то, вѣроятно, и объясняется, что Кутузовъ не слишкомъ охотно склонялся къ рѣзкимъ измѣненіямъ въ группировкѣ своихъ силъ и отвергалъ такія предложенія, какъ доложенный ему проектъ перемѣщенія всего боевого порядка влѣво, поставивъ 1-ю армію отъ Горокъ до Багратионовыхъ флешей, а 2-ю — уступомъ за ея лѣвымъ флангомъ на старой Смоленской дорогѣ; пространство же отъ д. Горокъ до рѣки Москвы въ этомъ случаѣ предполагалось только наблюдать казаками и держать тамъ на всякій случай ополченіе:..

Кутузовъ, хорошо зная образъ веденія войны и боя Наполеона и его склонность къ смѣлымъ маневрамъ, образчикъ которыхъ онъ еще недавно далъ подъ Смоленскомъ, имѣлъ полное основаніе рассчитывать, что и теперь великій геній войны не захочетъ ограничиться простымъ фронтальнымъ ударомъ, а придумаетъ какой нибудь неожиданный шахматный ходъ. Поэтому онъ осторожно придерживалъ свой главный резервъ поближе къ основному пути своего отступленія и, очевидно, до самой послѣдней минуты не довѣрялъ тому, что Наполеонъ его атакуетъ чуть ли не попросту въ лобъ.

Но усилить лѣвый флангъ послѣ Шевардинскаго боя, особенно въ виду понесенныхъ въ немъ войсками 2-й арміи потерь — было необходимо. И Кутузовъ выдвинулъ изъ общаго своего резерва III пѣхотный корпусъ Тучкова 1-го. Въ предвидѣніи этой мѣры, еще 24 августа, по предложенію Толя, посланъ былъ особый офицеръ для „присканія въ лѣсахъ за лѣвымъ крыломъ, на старой „Смоленской дорогѣ, мѣстности, удобной для *скрытнаго* располженія части арміи, съ тою цѣлью, чтобы *неожиданно* ударить на „непріятеля въ случаѣ наступленія его въ обходъ нашего лѣваго „фланга“. Такое мѣсто было указано за Утицкимъ курганомъ, въ верхней части Семеновскаго оврага. Туда и былъ переведенъ изъ резерва III пѣхотный корпусъ, за которымъ стали 7 тысячъ ратниковъ Московскаго ополченія; для связи же этого корпуса съ

**Генераль-Лейтенантъ
Николай Алексѣевичъ Тучковъ 1-й.**

армією, генералу князю Шаховскому приказано было, съ четырьмя егерскими полками, разсыпаться по кустамъ между Семеновскимъ и Утицей.

Такое расположеніе III корпуса было въ высшей степени цѣлесообразно. Можно упрекнуть Кутузова развѣ только въ томъ, что онъ ослабилъ для этого почти на половину свой общій резервъ, вмѣсто того, чтобы перевести сюда одинъ изъ корпусовъ крайняго праваго фланга, хотя бы II, который впослѣдствіи и былъ сюда частью притянуть...

Но, къ сожалѣнію, распоряженіе Кутузова, безъ его вѣдома, было видоизмѣнено весьма существенно его начальникомъ штаба Беннигсеномъ, который, будучи нашимъ главнокомандующимъ въ 1807 году, привыкъ къ самостоятельной роли. Обѣзжая 25 августа позицію, Беннигсень, не будучи освѣдомленъ — въ силу обычая Кутузова никого не посвящать въ свои соображенія — о *причинахъ* укрытаго расположенія Тучкова, призналъ это неправильнымъ и выдвинулъ III корпусъ впередъ, на одну высоту съ егерями, занимавшими кусты южнѣе флешей. Сдѣлавъ такое распоряженіе, Беннигсень такъ и не доложилъ объ этомъ Кутузову; въ свою очередь Толя слѣдуетъ безусловно обвинять въ томъ, что онъ не посвятилъ начальника штаба въ извѣстныя ему на этотъ счетъ соображенія главнокомандующаго.

Такъ какъ Тучковъ I-й былъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи, то его долгое время напрасно винили въ самовольномъ передвиженіи своего корпуса, пока истина не была раскрыта впослѣдствіи однимъ изъ квартирмейстерскихъ офицеровъ.

Въ виду огромнаго интереса и значенія Бородинскаго боя для воинскихъ частей русской арміи, считаемъ полезнымъ привести здѣсь подробный (по полкамъ) составъ и численность русскихъ войскъ, участвовавшихъ въ этомъ достопамятномъ сраженіи *).

*) Заимствовано изъ II тома труда М. Богдановича стр. 153—161.

Составъ и число русскихъ войскъ въ Бородинскомъ сраженіи были слѣдующіе:

Подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи *Барнлая-де-Толли*.

ПРАВ ОЕ КРЫЛО.

Генерала-отъ-инфантеріи *Милорадовича*.

II пѣхотный корпусъ, генераль-лейтенанта Багговута.

4-я пѣх. дивизія, ген.- маіора герцога <i>Евгенія</i> <i>Виртембергскаго</i> .	}	Пѣхотный полкъ Тобольскій	Бат.	2
		„ „ Волынскій .		2
		„ „ Кременчугскій.		2
		„ „ Минскій .		2
		Егерскій полкъ 4-й		2
		„ „ 34-й .		2
		Батареяная рота № 4-го.		
17-я пѣх. дивизія, гене- раль-маіора <i>Олсуфьева</i> .	}	Пѣхотный полкъ Рязанскій.	Бат.	2
		„ „ Бѣлозерскій		2
		„ „ Брестскій .		2
		„ „ Вильманstrand.		2
		Егерскій полкъ 30-й		2
		„ „ 48-й .		2
		Батареяная рота № 17-го.		

Всего во II пѣхотномъ корпусѣ 24 баталіона съ 2 артиллерійскими ротами, въ числѣ 10.300 чел. съ 24 орудіями.

IV пѣхотный корпусъ, генераль-лейтенанта графа Остермана-Толстого.

11-я пѣх. дивизія ген.- маіора <i>Бахметьева</i> 2-го.	}	Пѣхотный полкъ Кексгольмскій	Бат.	2
		„ „ Перновскій .		2
		„ „ Плоцкій .		2
		„ „ Елецкій .		2
		Егерскій полкъ 1-й .		2
		„ „ 33-й .		2
		Сводные гренадерскіе.		2
		Батареяная рота № 11-го.		2

Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ.

(Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу).

	Бат.
23-я пѣх. дивизія ген.- маіора <i>Бахметьева</i> 1-го.	Пѣхотн. полкъ Рыльскій 2
	„ „ Екатеринбургскій 2
	„ „ Селенгинскій 2
	Егерскій полкъ 18-й. 2
	Сводный гренадерскій баталіонъ. 1
	Легкая рота № 44-го.

Всего въ IV пѣх. корпусѣ 23 баталіона съ 2 артиллерійскими ротами, въ числѣ 9.500 человекъ съ 24 орудіями.

I кавалерійскій корпусъ, ген.-адъютанта Уварова.

	Эскадр.
Лейбъ-гвардіи Драгунскій полкъ	4
„ Гусарскій „	4
„ Уланскій „	4
„ Казачій „	4
Нѣжинскій драгунскій „	4
Елисаветградскій гусарскій „	8
Конно-артиллерійская рота № 5-го.	

Всего въ I кавалерійскомъ корпусѣ 28 эскадроновъ съ одною артиллерійскою ротою, въ числѣ 2.500 человекъ съ 12 орудіями.

II кавалерійскій корпусъ, генераль-адъютанта барона Корфа.

	Эскадр.
Драгунскій полкъ Псковскій.	4
„ „ Московскій.	4
„ „ Каргопольскій	4
„ „ Ингерманландскій	4
Уланскій „ Польскій	8
Гусарскій „ Изюмскій.	8
Конно-артиллерійская рота № 4-го.	

Всего во II кавалерійскомъ корпусѣ 32 эскадрона съ одною артиллерійскою ротою, въ числѣ 3.500 чел. съ 12 орудіями.

Ц Е Н Т Р Ъ.

Подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи *Дохтурова*.

VI пѣх. корпусъ, генерала Дохтурова.

7-я пѣх. дивизія ген.-лейтенанта <i>Капцевича</i> .	{	Пѣхотный полкъ Московскій . . .	Бат.	2
		„ „ Псковскій .		2
		„ „ Софійскій .		2
		„ „ Либавскій .		2
		Егерскій „ 11-й		2
		„ „ 38-й.		2
		Сводные гренадерскіе .		2
		Батарейная рота № 7-го.		
24-я пѣх. дивизія ген.-маіора <i>Лихачева</i> .	{	Пѣхотный полкъ Уфимскій .	Бат.	2
		„ „ Ширванскій .		2
		„ „ Бутырскій .		2
		„ „ Томскій .		2
		Егерскій „ 19-й .		2
		„ „ 40-й .		2
		Сводные гренадерскіе .		2
		Батарейная рота № 24-го.		

Всего въ VI пѣх. корпусъ 28 баталіоновъ съ 2 артиллерійскими ротами, въ числѣ 9.900 человекъ съ 24 орудіями.

III кавалерійскій корпусъ, по болѣзни ген.-лейтенанта гр. Палена, находившійся подъ начальствомъ ген.-адъютанта бар. Норфа.

Драгунскій полкъ Курляндскій	Эскадр.	4		
Гусарскій „ Сумскій .		8		
„ „ Маріупольскій .		8		
Конно-артиллерійская рота № 9-го.				
Ген.-маіора <i>Крейца</i> .	{	Драгунскій полкъ Оренбургскій .	Эскадр.	4
		„ „ Сибирскій . .		4
		„ „ Иркутскій .		4

Всего въ III кавалерійскомъ корпусъ 32 эскадрона съ одною конно-артиллерійскою ротою, въ числѣ 3.700 человекъ.

РЕЗЕРВЪ ПРАВАГО КРЫЛА и ЦЕНТРА.

V пѣхотный корпусъ, ген.-лейтенанта Лаврова.

	Бат.
Лейбъ-гвардіи Преображенск. полкъ.	3
„ Семеновскій „	3
„ Измайловскій „	3
„ Литовскій „	3
„ Егерскій „	3
„ Финляндскій „	3
Гвардейскій экипажъ	1
Сводные гренадерскіе баталіоны 4-й, 17-й, 1-й и 3-й дивизій	8

Всего въ *V* пѣхотн. корпусъ 27 баталіоновъ, въ числѣ 13.000 человекъ.

1-я кирасирская дивизія, ген.-маіора Бороздина 2-го.

	Эскадр.
Кавалергардскій полкъ	4
Лейбъ-гвардіи Конный полкъ.	4
Кирасирскій полкъ Его Величества	4
„ „ Ея Величества.	4
„ „ Астраханскій . .	4

Всего 20 эскадроновъ, въ 2.400 человекъ.

Резервная артиллерія, подъ начальствомъ ген.-маіора Левенштерна и полковника Эйлера.

	Ротъ.	
Гвардейская артиллерійская бригада.	6	
Полевая артиллерійск. {	батарейныхъ .	6
	легкихъ.	9
	конныхъ	3

Одна піонерная и двѣ понтонныя роты.

Всего 26 батарей (300 орудій) *) и три роты, въ числѣ 8.400 человекъ.

*) Въ обѣихъ гвардейскихъ конныхъ батареяхъ было по восьми орудій; при 1-й легкой гвардейской ротѣ состояли два орудія гвардейскаго морскаго экипажа.

ОТРЯДЪ ГЕНЕРАЛА-ОТЬ-КАВАЛЕРІИ ПЛАТОВА.

14 казачьихъ полковъ съ двумя донскими батареями, въ числѣ 5.500 человекъ съ 24 орудіями.

ЛѢВОЕ КРЫЛО.

Подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи князя *Багратиона* и подъ нимъ генералъ-лейтенантовъ князя *Горчанова 2-го* и князя *Голицына*.

VII пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ ген.-лейтенанта *Раевского*.

26-я пѣх. дивизія ген.-маіора <i>Паскевича</i> .	{	Пѣхотный полкъ <i>Ладожскій</i> .	Бат.	2
		„ „ <i>Полтавскій</i>		2
		„ „ <i>Нижегородскій</i> .		2
		„ „ <i>Орловскій</i> .		2
		Егерскій „ <i>5-й</i>		2
		„ „ <i>42-й</i>		2
		Батареяная рота № 26-го и легкая рота № 47-го.		
12-я пѣх. дивизія ген.-маіора <i>Васильчикова</i> .	{	Пѣх. полкъ <i>Нарвскій</i>	Бат.	2
		„ „ <i>Смоленскій</i>		2
		„ „ <i>Новоингерманландск.</i>		2
		„ „ <i>Алексопольскій</i> .		2
		Егерскій полкъ <i>6-й</i> .		2
		„ „ <i>41-й</i> .		2

Всего въ VII пѣхотномъ корпусѣ 24 баталіона и двѣ артиллерійскія роты въ числѣ 10.800 человекъ.

VIII пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ ген.-лейтенанта *Бороzdина 1-го*.

2-я гренадерская дивизія, ген.-маіора принца <i>Карла Менленбургскаго</i> .	{	Гренадерскій полкъ <i>Кіевскій</i> . .	Бат.	2
		„ „ <i>Астраханскій</i>		2
		„ „ <i>Московскій</i>		2
		„ „ <i>Фанагорійск.</i>		2
		„ „ <i>Сибирскій</i> .		2
		„ „ <i>Малороссійск.</i>		2
		Батареин. рота № 2-го и легкая 3-го.		

27-я пѣх. дивизія ген.- маіора <i>Невѣровскаго</i> .	{	Пѣхотный полкъ Виленскій	Бат.	2
		„ „ Симбирскій .		2
		„ „ Одесскій .		2
		„ „ Тарнопольскій		2
		Егерскій „ 49-й.		2
		„ „ 50-й.		2

Всего въ VIII пѣх. корпусѣ 24 баталіона и двѣ артиллерійскія роты, въ числѣ 11.200 человекъ.

IV кавалерійскій корпусъ, ген.-маіора графа Сиверса 1-го.

Драгунскій полкъ Харьковскій	Эскадр.	4
„ „ Черниговскій.		4
„ „ Кіевскій . .		4
„ „ Новороссійскій.		4
Ахтырскій гусарскій полкъ		8
Литовскій уланскій „		8
Конно-артиллерійская рота № 10-го .		8

Всего 32 эскадрона и одна артиллерійская рота, въ числѣ 3.800 человекъ.

РЕЗЕРВЪ ЛѢВАГО КРЫЛА.

Сводная гренад. дивизія ген.-маіора гр. <i>Воронцова</i> .	{	Сводные батал. 26-й дивизіи.	Бат.	2
		„ „ 12-й „		2
		„ „ 2-й „		2

Всего 6 баталіоновъ *), въ числѣ 2.100 человекъ.

2-я кирасирская дивизія ген.-маіора <i>Дуки</i> .	{	Кирасир. полкъ Екатеринославск.	Эскадр.	4
		„ „ Военн. Ордена		4
		„ „ Глуховскій .		4
		„ „ Малороссійскій .		4
		„ „ Новгородскій		4

Всего 20 эскадроновъ, въ числѣ 2.300 человекъ.

Резервная артиллерія лѣваго крыла, всего 7 артиллерійскихъ ротъ, одна піонерная и одна понтонная роты, въ числѣ 2.400 человекъ.

*) Сводные баталіоны 7-й и 24-й дивизіи были высланы для поддержанія егерей, разсыпанныхъ впереди фронта позицій.

НА СТАРОЙ СМОЛЕНСКОЙ ДОРОГѢ.

III пѣхотный корпусъ, ген.-лейтенанта Тучнова 1-го.

1-я гренад. дивизія ген.- маіора графа <i>Строганова</i> .	}	Лейбъ-гренадерскій полкъ	Бат.	2
		Гренадерск. полкъ гр. Аракчеева.		2
		„ „ Павловскій . .		2
		„ „ С.-Петербургск.		2
		„ „ Екатериносл. .		2
		„ „ Таврическій. .		2
		Батарейная рота № 1-го и легкія №№ 1-го и 2-го.		
3-я пѣх. дивизія ген.- лейтенанта <i>Коновницына</i> .	}	Пѣхотный полкъ Муромскій	Бат.	2
		„ „ Ревельскій .		2
		„ „ Черниговскій .		2
		„ „ Капорскій.		2
		Егерскій „ 20-й		2
		„ „ 21-й . . .		2
		Батарейная рота № 3-го и легкія №№ 5-го и 6-го.		

Всего въ III пѣхотномъ корпусѣ 24 баталіона и шесть артиллерійскихъ ротъ, въ числѣ 8.000 человекъ съ 72 орудіями.

ОТРЯДЪ ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА КАРПОВА.

Шесть казачьихъ полковъ, въ числѣ 1.500 человекъ.

Московское ополченіе, подъ начальствомъ ген.-лейтенанта графа *Маркова*.

Смоленское ополченіе, подъ начальствомъ ген.-лейтенанта *Лебедева*.

Вообще же въ русской арміи состояло: 180 баталіоновъ, 164 эскадрона, 55 артиллерійскихъ ротъ и батарей, одна піонерная и 3 понтонныя роты, въ числѣ 103.800 человекъ, съ 640 орудіями, и кромѣ того, 7.000 казаковъ и 10.000 ратниковъ.

**Генераль-лейтенантъ
Е. Е. Карповъ.**

(Съ портрета, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ).

Приведемъ также составъ и число Наполеоновскихъ войскъ, бывшихъ въ сраженіи при Бородинѣ.

I пѣхотный корпусъ Даву, изъ пяти пѣхотныхъ дивизій, всего 84 баталіона, въ числѣ 36.402 человекъ съ 147 орудіями, не считая легкой кавалерійской бригады, въ составѣ 16 эскадроновъ, находившейся вмѣстѣ съ резервомъ Мюрата.

III пѣхотный корпусъ Нея, изъ 3 пѣхотныхъ дивизій, всего 33 баталіона, въ числѣ 10.314 человекъ съ 69 орудіями, не считая легкой кавалерійской бригады, въ составѣ 16 эскадроновъ, приданной резерву Мюрата.

IV пѣхотный корпусъ, вице-короля Италійскаго, изъ 2 пѣх. дивизій, 2 кавалерійскихъ бригадъ и итальянской гвардіи, 39 баталіоновъ и 28 эскадроновъ, въ числѣ 23.528 человекъ съ 88 орудіями.

V пѣхотный корпусъ, князя Понятовскаго, изъ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, 18 баталіоновъ и 12 эскадроновъ, въ числѣ 10.068 человекъ съ 50 орудіями.

VIII пѣхотный корпусъ, Жюно, изъ 2 пѣхотныхъ дивизій и одной кавалерійской бригады, 14 баталіоновъ и 8 эскадроновъ, въ числѣ 8.868 человекъ съ 30 орудіями.

Резервная кавалерія, подъ начальствомъ Мюрата: I кавалерійскій корпусъ Нансути, изъ трехъ дивизій, 60 эскадроновъ; II кавалерійскій корпусъ Монбрена, изъ 3 дивизій, 60 эскадроновъ; III кавалерійскій корпусъ Груши, изъ двухъ дивизій, 32 эскадроновъ; IV кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мобура, изъ одной дивизіи и одной бригады, 30 эскадроновъ; всего, вмѣстѣ съ легкими бригадами, отряженными отъ корпусовъ *Даву и Нея*, въ числѣ 17.600 человекъ съ 94 орудіями. Гвардія, старая и молодая изъ 2 пѣх. дивизій, одной кавалерійской и нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей, 31 баталіонъ и 32 эскадрона, въ числѣ 18.862 человекъ, съ 109 орудіями.

Въ общемъ, по исчисленію французскихъ источниковъ, у Наполеона подъ Бородинымъ было отъ 120 до 130 тыс. человекъ. Въ вѣдомости, поданной Наполеону въ Гжатскѣ (21 августа) наличное число войскъ показано въ 126.498 человекъ; послѣ

того къ нему присоединилось до 10.000 человекъ изъ оставшихся позади частей и командъ, да слѣдуетъ исключить потерю въ бояхъ подъ Гридневымъ, Колоцкимъ монастыремъ и Шевардинымъ, что, вмѣстѣ съ отсталыми, составитъ не менѣе 8 тыс. человекъ.

Такимъ образомъ, въ конечномъ выводѣ, точная численность силъ обѣихъ сторонъ, принявшихъ участіе въ Бородинской битвѣ, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Русскихъ:		Французовъ:	
Пѣхоты.	72 т. чел.	Пѣхоты	86 т. чел.
Конницы .	17,5 „ „	Конницы.	28 „ „
Артиллеріи.	14,3 „ „	Артиллеріи. .	16 „ „
640 орудій.		587 орудій.	
Сверхъ того казаковъ.	7 „ „		
Ополченцевъ до .	10 „ „		
Итого .	120,8 т. чел.	Итого	130 т. чел.
при 640 орудіяхъ.		при 587 орудіяхъ.	

Какъ видно, абсолютное превосходство въ силахъ было не особенно большое, да мы были сильнѣе артиллеріей. Но, если принять во вниманіе, что ополченцы не могли быть сколько нибудь заслуживающей вниманія боевою силою, по ихъ плохому вооруженію и совершенной необученности, а также и то, что у насъ было въ рядахъ до 15 тысячъ наскоро обученныхъ, никогда не бывавшихъ въ бою рекрутъ, то разница въ силахъ будетъ гораздо ошутительнѣе. Тѣ 130 тысячъ, которыя были въ рукахъ великаго полководца—это были надежнѣйшіе, отборные воины, закаленные въ бояхъ и тягостяхъ похода. Все слабое, ненадежное, колеблющееся, было выброшено изъ рядовъ и осталось въ тылу. Это была грозная сила, предводимая величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ и народовъ, кумиромъ своихъ войскъ, привыкшихъ неизмѣнно побѣждать на всѣхъ концахъ Европы и теперь заранѣе торжествовавшихъ побѣду, вырвать которую изъ рукъ противника значило вмѣстѣ съ тѣмъ для каждаго (какъ царилъ всеобщая увѣренность) добыть себѣ спокойный кровъ, обезпеченную пищу и благодатное существованіе на счетъ враговъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени...

Вотъ какія чувства и вождельнія одушевляли французовъ наканунѣ достопамятнаго боя, въ день 25 августа, обѣими сторонами проведенный въ полномъ спокойствіи и посвященный приготовленіямъ къ рѣшительному сраженію.

Въ этотъ день Наполеонъ почти что не слѣзаль съ коня, обозрѣвая Бородинскія окрестности. Прежде всего онъ поѣхалъ къ итальянскому корпусу (ночевавшему въ виду села Бородино) и изслѣдовалъ во всей подробности теченіе рѣчки Колочи и впадающей въ нее Войны. Здѣсь, противъ Бородина, онъ приказалъ соорудить нѣсколько укрѣпленій. Затѣмъ онъ поѣхалъ къ Шевардинскому редуту и вплоть до корпуса Понятовскаго осмотрѣлъ позиціи нашего лѣваго крыла съ высоты между Доронинымъ и Утицею. Послѣ обѣда Наполеонъ вновь осматривалъ окрестности Бородина, откуда по немъ сдѣлано было нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ.

По показаніямъ французскихъ писателей, маршалъ Даву, осмотрѣвъ мѣстность на правомъ крылѣ французской арміи, предложилъ Наполеону направить главный ударъ именно на лѣвый нашъ флангъ, со стороны деревни Утицы. Онъ изъявлялъ готовность со своими пятью дивизіями ночью выполнить этотъ обходъ по старой Смоленской дорогѣ и, ударивъ во флангъ русской арміи, опрокинуть ее въ тѣсное пространство между Колочей и Москворѣжкой. Наполеонъ, однако, отклонилъ этотъ планъ, ссылаясь на то, что русскіе, обнаруживъ обходъ, снова отступятъ и ускользнутъ, какъ они уже это продѣлали подъ Витебскомъ и Смоленскомъ; кромѣ того, Утицкій лѣсъ былъ плохо извѣстенъ французамъ, и Наполеонъ справедливо опасался, что значительныя силы, двигаясь ночью по лѣсу, могутъ разстроиться и сбиться съ направленія. Возможно и то, что Наполеонъ былъ не чуждъ нѣкоторой тайной зависти къ талантливому Даву, котораго онъ, убѣдившись въ его блестящихъ способностяхъ, всегда старался устранять отъ такихъ положеній, гдѣ онъ могъ бы слишкомъ ярко проявить ихъ. Если бы этотъ планъ удался, то львиная часть славы за одержанную побѣду досталась бы на долю Даву...

Отказавшись отъ обхода, Наполеонъ, въ окончательномъ видѣ, остановился на слѣдующемъ планѣ атаки.

Главный ударъ намѣчался на Семеновскія флешы и, затѣмъ, на батарею Раевского, т. е. на центральный участокъ нашего лѣваго крыла. Для обезпеченія успѣха этого удара назначалась на село Бородино демонстративная атака и другая, вспомогательная, по старой Смоленской дорогѣ. Эта послѣдняя атака должна была облегчать атаку флешей, стремясь, по отгѣсненіи войскъ нашихъ, бывшихъ у дер. Утицы, выйти въ обходъ лѣваго фланга позиціи у флешей. Атака батареи Раевского должна была послѣдовать уже по овладѣніи флешами, при содѣйствіи войскъ демонстративной атаки, какъ послѣдній заключительный ударъ, причемъ занявшія флешы войска, должны были ему содѣйствовать охватомъ слѣва.

Предварительныя распоряженія для выполненія этого плана были отданы въ нижеслѣдующей диспозиціи и отдѣльномъ приказаніи на имя маршала Даву.

№ I.

„Съ разсвѣтомъ двѣ новыя батареи, устроенныя въ ночи, „на равнинѣ, занимаемой принцемъ Эмюльскимъ (т. е. Даву), „откроютъ огонь по двумъ противустоящимъ батареямъ непріятельскимъ.

„Въ это же время, начальникъ артиллеріи I корпуса, „генераль Пернетти, съ 30 орудіями дивизіи Компана и всѣми „гаубицами дивизій Дессе и Фріана, двинется впередъ, откроетъ „огонь и засыплетъ гранатами непріятельскую батарею, противъ „которой будутъ дѣйствовать:

24 орудія гвардейской артиллеріи
30 орудій дивизіи Компана
и 8 „ дивизій Фріана и Дессе,

Всего. 62 орудія.

„Начальникъ артиллеріи III корпуса, генераль Фушѣ, поставитъ всѣ гаубицы III и VIII корпусовъ, всего 16, по флангамъ „батареи, которая назначена обстрѣливать лѣвое укрѣпленіе, что „составитъ противъ него вообще 40 орудій.

„Генераль Сорбье должень быть готовъ, по первому прика-
„занію, вынестись со всѣми гаубицами гвардейской артиллеріи
„противъ того, либо другого укрѣпленія.

„Въ продолженіе канонады князь Понятовскій направится на
„деревню *), въ лѣсъ и обойдетъ непріятельскую позицію.

„Генераль Компанъ двинется черезъ лѣсъ, чтобы овладѣть
„первымъ укрѣпленіемъ“ (**).

„По вступленіи такимъ образомъ въ бой, будутъ даны при-
„казанія соотвѣтственно дѣйствіямъ непріятели“.

„Канонада на лѣвомъ флангѣ начнется, какъ только будетъ
„услышана канонада праваго крыла. Стрѣлки дивизіи Морана и
„дивизій вице-короля откроютъ сильный огонь, увидя начало атаки
„праваго крыла.

„Вице-король овладѣетъ деревнею (вѣроятно—Бородинымъ?)
„и перейдетъ по своимъ тремъ мостамъ, слѣдуя на одной высотѣ
„съ дивизіями Морана и Жерара, которыя, подъ его предводи-
„тельствомъ, направятся къ редуту (***) и войдутъ въ линію съ про-
„чими войсками арміи.

„Все это должно быть исполнено въ порядкѣ, по возмож-
„ности сохраняя войска въ резервѣ.

„Въ Императорскомъ лагерѣ подъ Можайскомъ, 6 сентября
„1812 года“.

№ II.

„Императорскій лагерь подъ Можайскомъ 6 сентября 1812 года.

„Господину маршалу, князю Экмюльскому. Императору угодно,
„чтобы завтра, 7-го въ 5 часовъ утра, дивизія Компана была по-
„строена по-бригадно въ лѣсу передъ редутомъ вчера взятымъ,
„имѣя впереди себя 16 орудій резервной артиллеріи I корпуса и
„14 орудій, принадлежащихъ къ этой дивизіи, всего 30 орудій.
„Дивизія Дессе будетъ расположена вами, господинъ маршаль,
„такимъ же образомъ, между взятымъ вчера редутомъ и лѣсомъ,
„съ 14 орудіями, при ней находящимися, поставленными на лѣвомъ
„ея крылѣ. Дивизія Фріана построится тоже по-бригадно на одной
„высотѣ съ редутомъ.

*) Утицу.

**) Т. е. Семеновскими флешами.

***) Т. е. къ батареѣ Раевского.

„Маршалу герцогу Эльхингенскому *) приказано принять подъ „начальство VIII корпусъ. Онъ поставитъ три дивизіи III корпуса „за редутомъ, взятымъ вчера, построивъ ихъ по-бригадно и рас- „положивъ ихъ артиллерію на лѣвомъ крылѣ. За тремя дивизіями „III корпуса станутъ двѣ дивизіи VIII корпуса, по-бригадно, имѣя „свою артиллерію также на лѣвомъ крылѣ. Что же касается Импе- „раторской гвардіи, то она вся будетъ построена по-бригадно, „влѣво за редутомъ, молодая гвардія впереди старой гвардіи и „гвардейской артиллеріи. Вся гвардейская артиллерія расположится „на лѣвомъ крылѣ.

„Кавалерія короля Неаполитанскаго, состоящая изъ I, II и „IV резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, построится въ полко- „выхъ эскадронныхъ колоннахъ вправо отъ редута.

„Всѣ войска займутъ указанная для нихъ мѣста къ 5 часамъ. „Сообщивъ вамъ приказанія насчетъ артиллеріи и инженеровъ, я „счелъ полезнымъ сдѣлать вамъ также извѣстными всѣ распоря- „женія, относящіяся къ правому крылу арміи.

Принцъ Невшательскій **).

Начальникъ Главнаго Штаба.

„P. S. Завтра дивизіи Морана и Жерара будутъ состоять подъ „начальствомъ вице-короля“.

Такимъ образомъ атака Семеновскихъ флешей съ фронта поручалась тремъ дивизіямъ Даву, при содѣйствіи корпусовъ Нея и Жюно, объединенныхъ подъ начальствомъ перваго изъ нихъ... Сзади нихъ должны были слѣдовать три кавалерійскіе корпуса Мюрата. Вспомогательная атака флешей возлагалась на Понятовскаго, причемъ, повидимому, въ Утицѣ и за Утицей нашихъ войскъ не предполагалось ***). Демонстративная атака на Бородино возложена на корпусъ вице-короля, главною задачею котораго являлась атака батареи Раевского, совмѣстно съ войсками, направленными на флешу, по овладѣніи ими. Въ виду важности и трудности этой задачи вице-король былъ усиленъ отданными въ его распоряженіе двумя дивизіями корпуса Даву и долженъ былъ быть поддержанъ кавалерійскимъ корпусомъ Груши.

*) Т. е. маршалу Нею.

***) Маршаль Бертъе.

***) III корпусъ Тучкова передвинулся туда только 25 числа къ вечеру.

Въ общемъ резервъ оставлялись старая и молодая гвардіи, за центромъ всего боевого порядка и нѣсколько ближе къ правому его крылу.

Передвиженія войскъ соотвѣтственно этому распоряженію начаты были лишь съ наступленіемъ темноты 25 августа, а закончены вполнѣ только къ 3 часамъ утра 26-го.

Для поднятія духа и возбужденія энергіи своихъ войскъ передъ сраженіемъ, Наполеонъ, по своему обыкновенію, отдалъ слѣдующій приказъ, вѣрнѣе, — воззваніе, который на разсвѣтѣ 26 августа, читался во вѣхъ ротахъ, эскадронахъ и батареяхъ.

„Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда „зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она „доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и „скорое возвращеніе въ Отечество. Дѣйствуйте такъ, „какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, „Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ „въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: „онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою“.

Огромные костры пылали по всему пространству, занятому французами; несмотря на недостатокъ пищи, солдаты были возбуждены надеждою скорого прекращенія перенесенныхъ тяжелыхъ трудовъ и лишений... Въ непріятельскомъ расположеніи было шумно; восторженные клики „vive l'Empereur“ (да здравствуетъ императоръ!) безпрестанно раздавались близъ ставки Наполеона, гдѣ выставлень былъ имъ, для возбужденія рвенія солдатъ, только что полученный имъ портретъ его младенца-сына, Римскаго короля...

И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ!

(„Бородино“ Лермонтова).

У насъ настроеніе было иное и соотвѣтствовало торжественности предстоящаго великаго историческаго событія. Солдаты почистились, помылись, одѣли чистыя рубахи и съ христіанскимъ смиреніемъ, свойственнымъ православнымъ воинамъ, изготовились сложить животъ свой за Царя и Отечество... По распоряженію Кутузова, по арміи обносили Св. Чудотворную

*

икону Смоленской Божіей Матери, которую везли за войсками. Передъ нею служились молебны; воины, отъ генерала до послѣдняго рядового, съ благоговѣніемъ осылая себя крестнымъ знаменіемъ, склонялись передъ иконой и прикладывались къ ней. Самъ главнокомандующій, на глазахъ у войскъ, выполнилъ тотъ же обрядъ, послѣ чего, объѣзжая ряды, неоднократно останавливался и бесѣдовалъ съ солдатами, ободряя ихъ къ предстоящему подвигу.

Армія имѣла продовольствіе въ изобиліи, но солдаты отказались отъ обычной чарки водки: „не такой завтра день“, говорили они...

Въ общемъ, русскіе воины, въ противоположность шумному ликованію французовъ, достойно, мужественно и съ грознымъ спокойствіемъ готовились къ страшному, кровопролитному, небывалому побоищу...

Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый;
 Кто киверъ чистилъ весь избитый,
 Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
 Кусая длинный усъ.

(„Бородино“ Лермонтова).

Бородинское сраженіе. — Ходъ боя до полудня. — Борьба за Семеновскія флешы. — Наступленіе Понятовскаго. — Атака батареи Раевскаго. — Подвигъ Ермолова.

быкновенно принято, по ходу дѣла, дѣлать Бородинское сраженіе на два періода: первый—до полудня и второй—отъ полудня до конца боя. Въ дальнѣйшемъ будетъ видно, почему именно моменту полудня принадлежитъ столь выдающееся значеніе...

Расположеніе французскихъ войскъ передъ боемъ, въ окончательномъ видѣ, было слѣдующее:

На правомъ флангѣ, въ Утицкомъ лѣсу, сталъ корпусъ Понятовскаго. Въ центрѣ, у Шевардина, расположились три дивизіи корпуса Даву (Компана, Дессе и Фріана); за ними, уступомъ справа, у Доронина—кавалерійскіе корпуса Мансути, Монбрена и Латурь-Мобура. Между Шевардинымъ и р. Колочею сталъ корпусъ Нея, имѣя впереди себя, у д. Алексинки, дивизію Морана (корпуса Даву), а за собою—корпусъ Жюно. На лѣвомъ флангѣ, за рѣкой

Колочею, остались корпуса вице-короля и Груши, да дивизія Жерара (корпуса Даву). Общій резервъ (гвардія) имѣлъ молодую гвардію въ первой линіи, близъ дер. Доронина, а старую — за Доронинскимъ оврагомъ. Ставка Наполеона была переведена лѣвѣ Шевардинскаго редута.

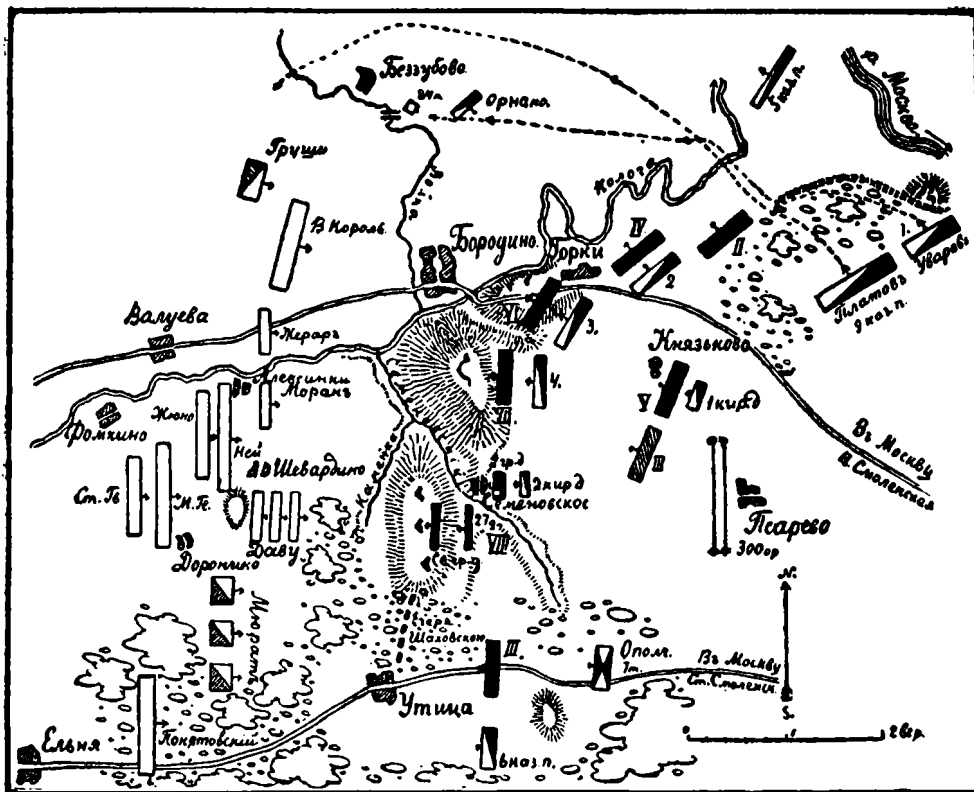
Во время всего почти боя, продолжавшагося, въ общей сложности, болѣе полу-сутокъ, оба военачальника, и Наполеонъ, и Кутузовъ, почти не мѣняли мѣстъ своего нахожденія.

Наполеонъ со своимъ начальникомъ штаба Бертье оставался почти все время впереди Шевардинскаго редута и только разъ сѣлъ на коня, когда тревожныя свѣдѣнія, какъ увидимъ впоследствии, заставили его лично провѣрить положеніе дѣлъ въ своемъ тылу... Сильная простуда, какъ увѣряютъ обыкновенно французскіе историки, была причиною того, что видъ его былъ угрюмый и не внушающій довѣрія и бодрости окружающимъ, какъ это обыкновенно всегда бывало... Вѣрнѣе приписать такое состояніе великаго вождя не насморку, а его *тревожному душевному состоянію*, объясняемому *неувѣренностью въ побѣду* надъ противникомъ, силу котораго онъ уже научился познавать, и образъ дѣйствій и характеръ котораго до сихъ поръ представлялся загадочнымъ.

Кутузовъ, со своимъ штабомъ, оставался весь день 26 августа неизмѣнно на высотѣ у деревни Горокъ. Правда, съ этой командующей высоты былъ хорошо виденъ весь главный участокъ поля сраженія; но все же оттуда было болѣе 2 версты до Семеновскихъ флешей, а до Утицы—версты 4. При отсутствіи въ тѣ времена современныхъ техническихъ средствъ связи нельзя не признать, что такая отдаленность препятствовала главнокомандующему оказывать непосредственное вліяніе на ходъ боя и приказанія его не всегда своевременно доходили до войскъ.

Ровно въ 6 час. утра съ батареей французскаго генерала Сорбье, противъ самой южной изъ Семеновскихъ флешей, раздался первый выстрѣлъ, послужившій сигналомъ къ открытію жестокой канонады всѣми 102 орудіями, расположенными противъ этихъ флешей. Вслѣдъ затѣмъ загрохотали и тѣ батареи, которыя были выставлены противъ батареи Раевскаго и села Бородина.

Общая схема Бородинскаго сраженія.

Первоначально дѣйствіе всѣхъ этихъ орудій, по дальности разстоянія, оказалось ничтожнымъ, и они начали поражать насъ только послѣ того, какъ были передвинуты впередъ, на разстояніе около 1600 шаговъ до нашей позиціи.

Наша артиллерія, искусно разбросанная отдѣльными батареями и группами батарей по всему нашему фронту, немедленно отвѣчала на огонь французовъ съ полной энергіей, сосредоточивъ вскорѣ свои усилія на атакующихъ войскахъ.

Дѣйствительно, подъ прикрытіемъ канонады всей этой массы орудій, а также пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ, начаты были одновременно двѣ атаки—на село Бородино и на Семеновскія флеші, долженствовавшія выиграть пространство для нанесенія главнаго удара на центръ.

Назначенная вице-королемъ Евгеніемъ для атаки Бородина дивизія Дельзона раздѣлена была на двѣ части; одна часть бросилась на село съ фронта, а другая, укрываясь утреннимъ туманомъ, ударила съ сѣвера, въ неожиданномъ для насъ направленіи...

Гвардейскимъ егерямъ, защищавшимъ Бородино, подъ командою храбраго полковника Бистрома, послѣ кратковременной—не болѣе четверти часа,—но упорной, кровопролитной схватки, пришлось отходить, оставивъ на полѣ сраженія болѣе 30 офицеровъ и половины людей, выбывшими изъ строя. На плечахъ егерей французы захватили было мостъ черезъ Колочу; но здѣсь наши молодцы егеря, поддержанные бывшими по сосѣдству другими егерскими полками, ударившими на фланги французовъ, оправились и не только отбили непріятеля, но и отбросили его снова за рѣчку, послѣ чего мостъ былъ разобранъ охотниками Гвардейскаго экипажа.

Такимъ образомъ, успѣхъ французовъ пока ограничился занятіемъ Бородина. Такъ какъ по общему плану дѣйствій Наполеона, дальнѣйшее наступленіе здѣсь должно было воспослѣдовать только по достиженіи успѣха въ атакѣ у Семеновскихъ флешей, когда окажется возможнымъ обрушиться на участокъ, намѣченный для главнаго удара, то вице-король Евгенийъ пріостановился и расположилъ влѣво (восточнѣе) Бородина сильныя батареи, которыя начали осыпать снарядами злосчастный курганъ Раевского, дѣйствуя отчасти и противъ деревни Горокъ. Одну изъ своихъ дивизій (Дельзона), вице-король расположилъ за Бородинымъ; у дер. Беззубова, для обезпеченія съ фланга и тыла, оставлены были 84-й пѣхотный полкъ той же дивизіи и легкая кавалерійская бригада Орнано; что же касается прочихъ войскъ, вице-короля (дивизіи Брусье и Жерара, итальянская гвардія и конница Груши) то они были предназначены въ свое время для атаки батареи Раевского съ сѣвера, для чего и приступлено было къ наводкѣ мостовъ выше села Бородина. Этому благопріятствовало свойство изгибовъ и крутизны береговъ Колочи, благодаря которому можно было избрать мѣсто для переправы, не обстрѣливаемое съ правобанговыхъ частей нашей позиціи...

Тѣмъ временемъ у Семеновскихъ флешей уже возгорѣлся бой кровавый, упорный и безпощадный. Атаку этихъ флешей Даву произвелъ уже въ седьмомъ часу утра, двумя дивизіями (Компана и Дессе), оставя третью (Фріана) въ резервѣ. Французамъ пришлось развертываться всего въ 800 шагахъ отъ флешей, такъ какъ сюда подходилъ лѣсъ. Поэтому, при выходѣ изъ этого лѣса, непріятель былъ встрѣченъ убійственною картечью нашихъ пушекъ, да сверхъ того еще стрѣльбою разсыпанныхъ впереди флешей егерей. Главная дивизія Компана потерпѣла особенно страшный уронъ, а начальникъ ея, одинъ изъ лучшихъ французскихъ генераловъ, былъ смертельно раненъ. Замѣтивъ колебаніе наступавшихъ войскъ, самъ Даву поскакалъ къ нимъ, сталъ во главѣ одной изъ бригадъ и повелъ ее въ бой.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, французамъ, ободреннымъ присутствіемъ Даву, удалось построиться на опушкѣ лѣса, и они обрушились на самую южную нашу флешь. Ею удалось даже завладѣть, но не надолго: князь Багратіонъ ввелъ въ дѣло нѣсколько батальоновъ 27-й дивизіи Невѣровскаго, и противникъ былъ не только выбитъ, но его преслѣдовала наша конница IV кавалерійскаго корпуса, (полки: Ахтырскій гусарскій и Новороссійскій драгунскій) до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли на помощь непріятельскія кавалерійскія части, остановившія это преслѣдованіе. Во время этой ожесточенной схватки у французовъ тяжело были ранены: бригадный генераль Тестъ и начальникъ дивизіи Дессе. Мало того, самъ Даву получилъ сильную контузію и замертво упалъ съ лошади, такъ что Наполеону донесли о его гибели.

Потери въ рѣшительный моментъ атаки главныхъ начальниковъ, очевидно, способствовали успѣху ея отраженія.

Въ 8 часу утра французы изготовились ко второй атакѣ Семеновскихъ флешей, сосредоточивъ противъ насъ подавляющія силы, а именно: *шесть дивизій* корпусовъ Даву и Нея, III кавалерійскихъ корпуса Мюрата, да еще корпусную конницу вышеназванныхъ пѣхотныхъ корпусовъ (2-й кавалерійской дивизіи). 120 орудій продолжали неустанно громить наши наскоро набросанныя укрѣпленія, въ которыхъ и близъ которыхъ мы могли противупоставить этой массѣ только 6 баталіоновъ сводно-гренадерской

дивизіи Воронцова, поддержанныхъ 27-ю пѣхотною дивизіей, къ которымъ могли изъ частнаго резерва присоединиться 2-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизіи...

Князь Багратіонъ, своимъ опытнымъ боевымъ глазомъ заранѣе замѣтилъ скопленіе массы непріятельскихъ силъ и тотчасъ же принялъ мѣры противодѣйствія этой грозной лавинѣ... Онъ привлекъ на позицію всю артиллерію 2-й арміи, такъ что въ резервѣ не оставалось болѣе ни одного орудія; вся 2-я гренадерская дивизія, со 2-ю кирасирской, были введены въ боевую линію; за неимѣніемъ подъ руками другихъ резервовъ, всѣмъ баталіонамъ 2-й линіи сосѣдняго съ сѣвера VII корпуса Раевского приказано было перейти на Семеновскія высоты; точно также и Тучкову 1-му—бывшему со своимъ III корпусомъ у Утицы—Багратіонъ, несмотря на то, что корпусъ этотъ ему подчиненъ не былъ, приказалъ отдѣлать сюда же къ Семеновскому всю 3-ю пѣхотную дивизію Коновницына. Не довольствуясь этимъ, главнокомандующій 2-ю арміей обратился къ Барклаю-де-Толли съ просьбою о подкрѣпленіи лѣваго крыла за счетъ праваго.

Получивъ эту просьбу, вмѣстѣ съ извѣщеніемъ о положеніи дѣлъ, Барклай-де-Толли направилъ на поддержку Багратіона весь II пѣхотный корпусъ съ нѣсколькими полками III кавалерійскаго корпуса; кромѣ того, распоряженіемъ Кутузова, изъ общаго резерва генерала Лаврова были выдѣлены три гвардейскихъ полка (Измайловскій, Литовскій и Финляндскій), 3 полка кирасиръ 1-й кирасирской дивизіи, 8 сводно-гренадерскихъ баталіоновъ и 3-я артиллерійской роты.

Такимъ образомъ, въ общей сложности, одной пѣхоты изъ первой арміи на поддержку второй направлялось болѣе 40 баталіоновъ. Но эти солидныя подкрѣпленія—числомъ отъ 20 до 25 тысячъ человѣкъ—могли подоспѣть не ранѣе, какъ *часа черезъ полтора*, (считая, конечно, время на испрошеніе согласія главнокомандующаго и доставку приказаній въ подлежащія части войскъ). Неудобства группировки нашихъ силъ начинали сказываться. Чтобы обезпечить угрожаемый пунктъ — Семеновскія флеши — Багратіону пришлось ослабить два сосѣдніе боевые участка, т. е. прибѣгнуть къ пріему, рѣзко осуждаемому военной наукой, въ силу многихъ его отрицательныхъ сторонъ. Но сдѣлать это пришлось по неизбѣжной необходимости.

Сраженіе при Бородино 26 августа.
Съ крѣпости художн. Гессъ, находящейся въ Зимнемъ дворцѣ.

И то, въ концѣ 8-го часа, послѣ усиленной канонады, войска корпуса Нея, несмотря на отчаянный отпоръ защитниковъ флешей, ворвались въ нихъ, почти совершенно истребивъ гренадеръ сводной дивизіи Воронцова. „Мое сопротивленіе не могло быть продолжительно“ — пишетъ самъ Воронцовъ, раненый штыкомъ при этой атакѣ, въ своихъ запискахъ; „но прекратилось оно съ уничтоженіемъ моей дивизіи: она исчезла не съ поля сраженія, а на поле сраженія“.

Князь Багратионъ немедленно двинулъ къ флешамъ все, что было у него подъ рукою, включая и подошедшіе баталіоны корпуса Раевского. Стремительнымъ потокомъ ринулись наши храбрыцы на французовъ и флешы, часовъ *около 9 утра*, снова остались за нами. Во время этой молодецкой контръ-атаки, наша конница, преслѣдуя непріятельскую, ворвалась на ея плечахъ въ захваченныя французами укрѣпленія, въ одномъ изъ которыхъ наши кирасиры едва не захватили въ плѣнъ самого Мюрата... Но около часу спустя французы повторили свою атаку, увеличенными силами, и опять-таки утвердились на позиціи, но тотчасъ же были снова выбиты оттуда при содѣйствіи подошедшей 3-й пѣхотной дивизіи Коновницына и 4-хъ полковъ конницы III кавалерійскаго корпуса.

Такимъ образомъ, въ теченіе четырехъ часовъ времени, истекшихъ съ момента открытія артиллерійскаго огня (отъ 6 до 10 часовъ утра) Семеновскія флешы были трижды атакованы французами и трижды отбиваемы нами обратно, каждый разъ по подходѣ свѣжихъ частей войскъ.

Разновременное прибытіе этихъ подкрѣпленій, завистѣвшее отъ того, что имъ, какъ слѣдующимъ не изъ *резервовъ*, т. е., не изъ *глубины* боевого порядка, а изъ *боевыхъ участковъ*, что требовало прохожденія разстояній различной длины, приводило, такимъ образомъ, къ введенію нами войскъ въ бой *по частямъ*, при чемъ свѣжія обыкновенно производили ударъ на замѣну только что выбитыхъ и потрепанныхъ жестокимъ боемъ. Весьма вѣроятно, что если бы распределеніе нашихъ силъ было инымъ, если бы за 2-ю арміей имѣлись заранѣе поставленные тамъ достаточно сильные резервы, то очень возможно, что вмѣсто послѣдовательнаго отбитія ряда повторныхъ атакъ французовъ,

тоже ошибочно не назначившихъ сразу достаточныхъ для удара силъ, мы смогли бы первою же отвѣтною атакой нанести врагу ущербъ болѣе серьезный и даже, можетъ быть, заставить его измѣнить самый образъ своихъ дѣйствій.

Положимъ, какъ предположено было выше, есть вѣроятіе думать, что Кутузовъ именно желалъ втянуть французовъ въ атаку своего лѣваго фланга, т. е., какъ разъ Семеновскаго,—ибо корпусъ Тучкова, былъ обнаружень и выдвинуть впередъ изъ уступнаго расположенія помимо его желанія и вѣдома... Но въ такомъ случаѣ, не слѣдовало такъ поспѣшно расходовать войска изъ общаго резерва, а на поддержку второй арміи лучше было направить не *самый дальній* изъ корпусовъ праваго крыла (II), а одинъ изъ ближнихъ, или же замѣнить II корпусомъ резервъ, стоявшій у Князькова, часть котораго отправить на поддержку Багратіона.

Въ дѣйствительности, какъ увидимъ ниже, почти ни одна изъ частей 1-й арміи, направленныхъ на поддержку Багратіона, *по назначенію своему не дошла...*

Когда Наполеонъ, въ 9 часовъ, получилъ донесеніе Нея о захватѣ имъ Семеновскихъ флешей, онъ разсудилъ, что корпусъ Жюно (бывшій въ роли частнаго резерва войскъ, атаковавшихъ флешу) не понадобится въ качествѣ поддержки на этомъ участкѣ и потому рѣшилъ его использовать иначе: онъ направилъ его въ лѣсъ, между старой смоленской дорогой и Семеновскими флешами, тотъ лѣсъ, который выдающимся мысомъ охватывалъ съ юга высоту, на которой эти флешы были расположены. Какъ разъ противъ этого лѣса, по кустамъ, *прикрывая промежутокъ* между войсками Багратіона и III корпусомъ Тучкова, были разсыпаны егеря князя Шаховскаго...

Ни въ одномъ изъ описаній Бородинскаго боя до настоящаго времени не имѣется обстоятельнаго хода боя въ этомъ лѣсу и не выясняется, почему атакующій направилъ сюда войска такъ поздно, уже послѣ трехъ отбитыхъ атакъ. Между тѣмъ, даже при взглядѣ на карту,—а на мѣстности еще болѣе—становится вполне яснымъ, что для овладѣнія Семеновскими флешами, вмѣсто простыхъ лобовыхъ атакъ, которыя ведены были французами, съ небольшимъ только охватомъ лѣваго фланга войскъ Багратіона,

было бы гораздо цѣлесообразнѣе соединить такую атаку съ болѣе глубокимъ охватомъ того же фланга, для чего помянутый лѣсъ былъ чрезвычайно важенъ и представлялъ собою подступъ, точно на заказъ.

Однако, французы надумали воспользоваться имъ только послѣ того, какъ въ трехъ послѣдовательныхъ атакахъ положили массу людей, потеряли много лучшихъ генераловъ и едва не лишились самого маршала Даву...

Съ подходомъ 3-й пѣхотной дивизіи Коновницына (подошедшей со стороны Утицы, т. е., *съ юга*) флеша опять перешли въ наши руки. Воспользовавшись выгоднымъ направлениемъ своего подхода, Коновницынъ, при поддержкѣ конницы III кавалерійскаго корпуса (полки: Сумскій и Мариупольскій гусарскіе и Курляндскій и Оренбургскій драгунскіе), подъ командой ген.-майора Дорохова, стремительно бросился, не обращая вниманія на губительный картечный огонь, и съ громовымъ „ура“ снова вытѣснилъ непріятеля изъ флешей.

Тѣмъ временемъ, на поддержку шла уже посланная Наполеономъ свѣжая дивизія. Только что двинулъ онъ корпусъ Жюно, давъ ему указанную выше задачу и рассчитывая, что онъ поможетъ дальнѣйшему продвиганію въ охватъ лѣваго фланга Багратиона захватившихъ флеша войскъ, какъ прилетѣли новые вѣстники, уже сообщавшіе о потерѣ флешей (это послѣ третьей нашей контръ-атаки). Ней умолялъ Наполеона поддержать его немедленно свѣжими войсками, увѣряя, что нужно только одно послѣднее усиліе, чтобы вырвать эту позицію у русскихъ. Для того, чтобы движеніе Жюно проявило себя, нужно было *время*, во-первыхъ, по кружности пути, а во-вторыхъ, такъ какъ приходилось идти все время лѣсомъ, что, понятно, замедляло движеніе.

Наполеонъ долго не рѣшался послать подкрѣпленіе Нею, совѣтовался съ Бертье и, наконецъ, двинулъ дивизію Клапареда; но почему-то сейчасъ же отмѣнилъ это распоряженіе и приказалъ послать дивизію Фриана. Въ результатъ, произошла, понятно, задержка и подкрѣпленіе это тронулось съ мѣста только въ 11-мъ часу утра.

Обстоятельство это не осталось безъ вліянія на успѣхъ нашей третьей контръ-атаки.

Съ присоединеніемъ дивизіи Фріана, у французовъ противъ Семеновскихъ высотъ, не считая войскъ Жюно, уже начавшихъ продвигаться кустами и тѣснить егерей Шаховскаго, образовалось одной пѣхоты 26.000 человекъ, противъ 18.000 съ нашей стороны. Огромныя батареи, выставленныя каждымъ изъ противниковъ, поддерживали непрерывный губительный огонь, отъ котораго дрожала вся окрестность. Наконецъ, французы *въ четвертый разъ* бросились въ атаку на флеши. Соперничая другъ съ другомъ, сражающіеся оказали чудеса храбрости и потерпѣли огромный уронъ. Но наиболѣе тяжелой для насъ потерей была рана, въ послѣдствіи оказавшаяся смертельной, отъ которой въ этой схваткѣ палъ главный защитникъ флешей, князь Багратіонъ, „Генераль по образу и подобию Суворова“, какъ называлъ его главнокомандующій Москвы, графъ Растопчинъ. Картечная пуля раздробила Багратіону берцовую кость, и отъ послѣдствій этой раны, онъ 12 сентября умеръ, горячо оплакиваемый всею арміей, да и всею Россіей.

Впослѣдствіи прахъ князя П. И. Багратіона перенесенъ былъ на Бородинское поле сраженія, но покоится онъ, подъ скромною каменною плитою, не тамъ, гдѣ былъ сраженъ, и гдѣ оказаны имъ послѣдніе его подвиги, а близъ памятника Бородинской битвы, воздвигнутаго на мѣстѣ батареи Раевского.

Оставшись старшимъ, по выбитіи изъ строя Багратіона, Ковницынъ истощилъ послѣднія усилія противъ отчаянныхъ штурмовъ непріятели. Обращенная имъ къ Кутузову просьба о поддержаніи его свѣжими войсками успѣха не имѣла. Въ это время уже начались не менѣе жестокія непріятельскія атаки на батарею Раевского, и Кутузовъ справедливо опасался истощить раньше времени силы въ направленіи Семеновскаго...

Одинъ изъ участниковъ Бородинскаго боя, французскій генераль Пелé такъ описываетъ геройскую сѣчу, происходившую у флешей.

„По мѣртъ того—пишетъ онъ—какъ подходили къ Багратіо-
„новымъ войскамъ подкрѣпленія, они шли впередъ съ величай-
„шею отвагою, по трупамъ павшихъ, для овладѣнія утраченными
„пунктами. Русскія колонны, въ нашихъ глазахъ, двигались, по
„командѣ своихъ начальниковъ, какъ подвижныя окопы, сверкаю-

„щіе сталью и пламенемъ. На открытой мѣстности, поражаемые „нашею картечью, атакуемые, то конницею, то пѣхотою, они „терпѣли огромный уронъ; но эти храбрые войны, собравшись „съ послѣдними силами, нападали на насъ по прежнему“.

Около 11 час. дня французы, только что выбитые нами изъ флешей, сдѣлали новое отчаянное усиліе и ворвались въ укрѣпленія, захвативъ и стоявшія тамъ орудія. Но торжество это было очень непродолжительно.

Генераль-лейтенантъ Бороздинъ, съ гренадерами полковъ Кіевскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и Московскаго, при поддержкѣ полковъ Коновницинской 3-й дивизіи, ударилъ въ штыки, опрокинулъ непріятеля и гналъ его до самаго лѣса! Но это была послѣдняя наша блестящая и успѣшная контръ-атака. Ожесточенные французы, не смотря на понесенныя потери, немедленно возобновили нападеніе, около половины двѣнадцатаго, и бросились всѣми наличными силами. Въ это же время южнѣе флешей появились, наконецъ, и войска Жюно, которымъ удалось оттѣснить нашихъ егерей въ Утицкомъ лѣсу. Появленіе противника съ наиболѣе опаснаго фланга, вмѣстѣ съ новымъ фронтальнымъ ударомъ, рѣшило судьбу флешей...

Въ этой послѣдней отчаянной схваткѣ палъ, пораженный смертельно ядромъ, командиръ Ревельскаго полка, ген.-маіоръ Тучковъ 4-й, супруга котораго впоследствии соорудила на свои средства, на мѣстѣ его кончины, женскій монастырь, котораго была и первую настоятельница.

Огромное превосходство непріятельскихъ силъ, совершенное изнеможеніе и страшныя потери доблестныхъ героевъ-защитниковъ Семеновскихъ флешей, въ особенности—начальниками, наконецъ—угрожающее положеніе войскъ Жюно, заставили насъ отступить, но недалеко, менѣе версты, за такъ называемый оврагъ Семеновскій.

Подъ покровительствомъ огня, выставленныхъ вдоль оврага сильныхъ батарей, и подъ прикрытіемъ только что прибывшихъ изъ резерва трехъ свѣжихъ полковъ гвардіи: Измайловскаго, Финляндскаго и Литовскаго (нынѣшняго Московскаго) отступление это совершилось въ образцовомъ порядкѣ. За Семеновскимъ

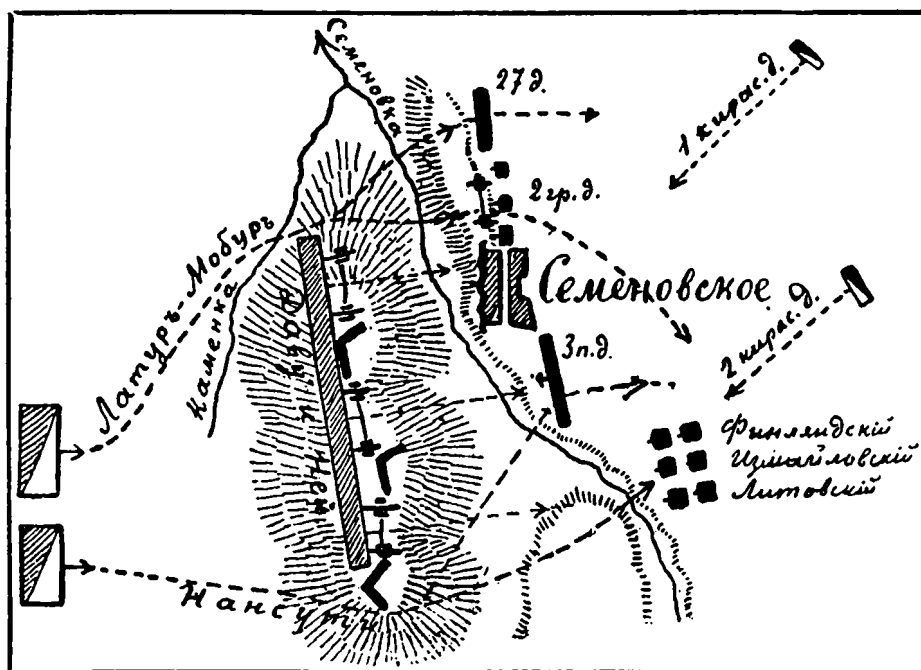
оврагомъ мы заняли позицію слѣдующимъ образомъ. На лѣвомъ флангѣ, какъ представляющемъ наибольшую важность и опасность, стали гвардейскіе полки, нѣсколько подавшись уступомъ назадъ, среди которыхъ кучками размѣстились жалкіе остатки сводно-гренадерской дивизіи Воронцова; между гвардіей и д. Семеновской, по краю оврага, 3-я пѣхотная дивизія; остатки 2-й гренадерской дивизіи заняли уцѣлѣвшую часть деревни и возвышенность сѣвернѣе ея; еще правѣе расположились остатки 27-й пѣхотной дивизіи.

Овладевъ флешами, французы прежде всего ввезли на эти высоты многочисленную артиллерію, которая стала громить нашу новую позицію, которую вслѣдъ затѣмъ Ней атаковалъ пѣхотою, но былъ отбитъ. Тогда маршалъ вошелъ въ соглашеніе съ Мюратомъ и послѣдній рѣшилъ пустить въ дѣло кавалерійскія массы, надѣясь хоть этимъ сокрушить невѣроятную стойкость русскихъ... Прославленные на весь міръ грозные кирасиры корпуса Нансути, „желѣзные люди“ (*hommes de fer*), какъ ихъ прозвалъ Наполеонъ, должны были атаковать войска южнѣе Семеновскаго; корпусъ же Латуръ-Мобура, перейдя ручей Каменку, долженъ былъ направиться на войска, стоящія къ сѣверу отъ того же селенія.

Чтобы приготовить успѣхъ этой атаки, французы придвинули къ самому краю Семеновскаго оврага сильныя батареи. Огонь послѣдней выигрывалъ въ своей губительности, вслѣдствіе постоянного превышенія лѣваго (французскаго) берега Семеновскаго ручья надъ правымъ (нашимъ); къ тому же непріятельская позиція, въ силу естественнаго направленія самыхъ высотъ, охватывала нашу слѣва и позволяла такимъ образомъ дѣйствовать перекрестными выстрѣлами. Въ особенности страдали отъ этого наши части на лѣвомъ флангѣ: стоя совершенно открыто, они подвергались смертоносному дѣйствию французскихъ пушекъ, жерла которыхъ неумолчно изрыгали губительный дождь чугуна съ разстоянія не болѣе *шестисотъ шаговъ!*

Чтобы характеризовать степень дѣйствительности этого огня, достаточно упомянуть, что въ Литовскомъ полку, менѣе чѣмъ въ часъ времени, выбыло изъ 1.740 человекъ—956, т. е., болѣе *половины!*

Схема боя за Семеновским оврагомъ.

Что касается нашихъ войскъ правѣ Семеновскаго, то ихъ отчасти прикрываль гребень небольшой высоты, который въ то же время мѣшалъ имъ обстрѣливать противника и облегчалъ ему переходъ черезъ оврагъ.

Земля затряслась подъ тысячами всадниковъ, отважно ринувшихся прямо на пѣхоту... Нансути, перейдя легко оврагъ Семеновскій, берега котораго выше деревни становятся плоскими, былъ встрѣченъ сразу, съ близкаго разстоянія, учащеннымъ огнемъ нашихъ батарей. Вслѣдъ затѣмъ, гвардейскіе полки, ослабленные, но не разстроенные предшествовавшимъ огнемъ непріятеля, будучи построены въ шесть каре, въ одномъ изъ которыхъ находился самъ Коновницынъ, открыли по латникамъ такой смертоносный огонь, что всѣ налеты французскихъ кирасиръ были отбиты... Поле было устлано трупами и усыяно метавшимися лошадьми безъ всадниковъ.

Отбитіе этихъ атакъ облегчалось тѣмъ, что французская артиллерія, чтобы не поражать своей конницы, вынуждена была

пріостанавливать во время ея атакъ свой огонь. Увлеченные успѣхомъ солдаты Литовскаго полка сами бросались въ штыки съ криками „ура“ на непріятельскихъ кирасирь.

Есть указанія, что гвардейскія каре встрѣтили конницу *безъ выстрѣла* однимъ грознымъ молчаніемъ, и это настолько *устрашило* непріятельскихъ кавалеристовъ, что они, не доскакивая до нашихъ каре, давали тыль...

Артиллерія наша молодецки работала рука объ руку съ пѣхотою, осыпая несущуюся на нее конницу до послѣдней минуты жестокою картечью; когда же, на послѣдокъ нахлынувшая лавина сокрушалась, какъ о гранить, о наши грозныя пѣхотныя каре, и разсѣянные всадники попадали, въ разгарѣ боя, на батареи, храбрецы-артиллеристы отбивались отъ нихъ банниками, ловко сшибая противниковъ съ коней.

Тѣмъ временемъ успѣла, на окраинѣ лѣса, устроиться наша 2-я кирасирская дивизія, отошедшая туда послѣ общаго отступленія съ Семеновскихъ высотъ. Она подоспѣла на выручку къ тому времени, когда французы, окончательно отбитые, повернули тыль, и приняла участіе въ ихъ преслѣдованіи.

Что касается Латурь-Мобура, то онъ, при движеніи черезъ оврагъ, берега котораго, къ сѣверу отъ деревни Семеновки, довольно круты, а самое русло болотисто, — нѣсколько задержался; поэтому атака его началась позже, чѣмъ атака Пансути. Но результаты этой атаки были болѣе успѣшны для французовъ. Конница Латурь - Мобура перешла Семеновскій ручей двумя колоннами: въ правой шла кирасирская дивизія Лоржа, а въ лѣвой — уланская дивизія Рожнецкаго. При переходѣ черезъ болотистое дно Семеновскаго оврага, всадникамъ приходилось пробираться по одиночкѣ, отыскивая менѣе топкія мѣста. Такъ какъ артиллерія наша была здѣсь отодвинута отъ края оврага, то она и не могла какъ слѣдуетъ поражать противника, и только нѣсколько ядеръ случайно попало въ длинныя колонны непріятельской конницы, тянувшіяся черезъ ручей. Головные эскадроны правой колонны — саксонскіе кирасиры, — выбравшись на противоположный скатъ оврага, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ себя увидѣли нашу батарею, подъ прикрытіемъ остатковъ 2-й гренадерской дивизіи, которые какъ разъ въ это время перестраивались въ три

каре. Желая воспользоваться удобнымъ мгновениемъ—застать пѣхоту въ моментъ перестроенія—саксонскій генераль Тилеманъ ринулся на гренадеръ съ первыми, бывшими у него подъ руками двумя съ половиною эскадронами, смялъ ихъ и, сверхъ того, опрокинулъ нашихъ драгунъ, бросившихся гренадерамъ на выручку. Остальные саксонскіе эскадроны, по мѣрѣ перехода ручья, развертывались влѣво и поддерживали атаку уступами. Польская конница обскакала частью своихъ силъ деревню Семеновку и даже оказалась одно время въ тылу у дѣйствовавшихъ противъ Мансуги нашихъ гвардейскихъ каре... Въ эту минуту прилетѣлъ на подмогу, съ нашими гвардейскими кирасирскими полками Его и Ея Величества, генераль Бороздинъ 2-й... Закипѣла жестокая рубка саксонскихъ и русскихъ латниковъ; самому генералу Тилеману пришлось дѣйствовать палашомъ; но одержать верхъ мы смогли все-таки только благодаря молодецкой *фланговой* атакѣ Ахтырскаго гусарскаго полка (входившаго въ составъ конницы, бывшей при 2-й арміи Багратіона).

Непріятельская кавалерія была отражена; но она все-таки принесла французамъ не малую пользу. За время кавалерійскаго боя, *заслоняшаго* огонь нашихъ батарей и пѣхоты, французская пѣхота атаковала и взяла развалины деревни Семеновки, утвердилась на восточномъ берегу Семеновскаго оврага, принудивъ остатки нашей пѣхоты отойти за этотъ оврагъ на третью позицію, на разстояніи пушечнаго выстрѣла. Здѣсь они и удержались до конца сраженія. Непріятельскія батареи, частью перешедшія черезъ оврагъ, продолжали неустанно громить уцѣлѣвшихъ героев нашихъ, изъ которыхъ нѣкоторое подобіе порядка сохранили еще, несмотря на убійственныя потери, гвардейскіе полки: Измайловскій, Литовскій и Финляндскій, которые удерживались у опушки лѣса восточнѣе Семеновскаго.

Ней успѣшилъ утвердить близъ развалинъ Семеновскаго сильныя батареи, разившія безжалостно не только съ фронта остатки нашего лѣваго крыла, но еще и во флангъ войска нашего центрального участка, къ положенію которыхъ мы вскорѣ перейдемъ.

Лѣвое крыло наше въ этотъ моментъ было совершенно разстроено, и если бы Наполеону положеніе его было болѣе ясно,

*

и онъ двинулъ бы теперь же сюда свой резервъ, то могъ бы, вѣроятно, скорѣе добиться того результата, на который рассчитывалъ.

Такъ полагаютъ обыкновенно изслѣдователи Бородинскаго боя и объясняютъ то, что французы не воспользовались разстройствомъ нашего лѣваго крыла тѣмъ, что это разстройство было скрыто совершенно отъ глазъ непріятеля густою пылью, поднятою кавалерійскими массами, а также и пороховымъ дымомъ, который густыми тучами стлался по полю. Завѣса эта была, несомнѣнно, густая, если принять во вниманіе, что на этомъ участкѣ поля сраженія, непрерывно стрѣляло въ теченіе уже почти четверти сутокъ всего до 700 орудій!

Войска корпусовъ Даву, Нея и конницы Мюрата понесли жестокія потери и чувствовали себя не въ силахъ довершить одержанные успѣхи и обратились къ Наполеону за подкрѣпленіями. Наполеонъ медлилъ, не рѣшался расходовать своихъ резервовъ и, въ концѣ концовъ, только *придѣлилъ* одну дивизію молодой гвардіи къ ручью Каменкѣ...

Великій полководецъ, повидимому, съ одной стороны, не считалъ еще бой достаточно назрѣвшимъ, чтобы пустить въ дѣло послѣдніе резервы; ему нужно было болѣе основательно поколебать нашъ центръ, о который, какъ вскорѣ увидимъ, тоже бесплодно истощались усилія его маршаловъ и генераловъ... Вотъ почему онъ и воздерживался отъ немедленнаго рѣшительнаго использованія успѣховъ, достигнутыхъ у Семеновскаго, тѣмъ болѣе, что предполагалъ возможность существованія у насъ еще нетронутыхъ резервовъ, которые могли бы, ударомъ во флангъ, испровергнуть все до сихъ поръ достигнутое...

Осторожность, проявленная Наполеономъ подъ Бородинымъ, какъ будто ему несвойственная, за которую его обыкновенно осуждаютъ иностранные изслѣдователи, наоборотъ, намъ кажется не только объяснимой, но и еще болѣе подчеркивающей его военный геній...

Наполеонъ, по необычайной силѣ сопротивленія, чувствовалъ— притомъ не теперь только, подъ Бородинымъ, а еще по опыту прежнихъ боевъ этой кампаніи, да и прежнихъ войнъ своихъ съ

**Генералъ-отъ-кавалеріи
Николай Николаевичъ Раевскій.**
(Съ портрета, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ).

русскими,—что противникъ его не чета всѣмъ тѣмъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло... Съ такимъ противникомъ, а тѣмъ болѣе въ условіяхъ, которыя сложились въ 1812 году, всякій необдуманый шагъ, всякій преждевременный рискъ могъ грозить страшною катастрофой.. Огромный военный опытъ, прозорливость и чуткость генія удерживали Наполеона отъ чего либо подобнаго и побуждали его вести бой съ русскими не такъ, какъ вель онъ его съ другими народами, а выжидая, довольствуясь постепенными небольшими успѣхами и какъ бы колеблясь все время въ тяжеломъ внутреннемъ раздвоеніи и неудовлетворенности...

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію хода Бородинскаго боя на главномъ участкѣ атаки, у батареи Раевского, скажемъ о томъ, что происходило на старой Смоленской дорогѣ, гдѣ наступалъ польскій корпусъ Понятовскаго...

Хотя корпусъ этотъ, согласно диспозиціи Наполеона, и выступилъ раньше другихъ, въ пять часовъ утра, чтобы съ первымъ выстрѣломъ атаковать наше лѣвое крыло съ юга, но въ дѣйствительности, вступилъ въ дѣло значительно позже другихъ, а именно около 8 часовъ утра. Происходило это вслѣдствіе дурнаго качества лѣсныхъ дорогъ и вообще трудности оріентировки при движеніи по лѣсу. Наполеонъ все время посылалъ ординарцевъ торопить Понятовскаго, такъ какъ, по мысли великаго полководца, польскій корпусъ долженъ былъ „обойти непріятельскую позицію“ и этимъ облегчить атаку флешей. Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, до выхода Понятовскаго на большую дорогу, т. е. до 8 часовъ утра, уже на флешѣ произведено было двѣ атаки и обѣ были отбиты. Повидимому, Наполеону *до боя* не было извѣстно о мѣстонахожденіи корпуса Тучкова, и, направляя Понятовскаго на Утицу, онъ, надо думать, не предвидѣлъ съ этой стороны задержекъ...

Въ всякомъ случаѣ начатіе атаки на флешѣ съ фронта прежде уясненія себѣ положенія той колонны, на которую возложено дѣйствіе на флангъ,—нельзя не считать упущеніемъ.

Въ 9 часу утра полякамъ удалось, при поддержкѣ огня нѣсколькихъ орудій, довольно легко занять деревню Утицу, вытѣснить оттуда нашихъ егерей, но позади деревни расположились войска корпуса Тучкова, опираясь лѣвымъ флангомъ въ высокій

курганъ, на вершинѣ котораго, по тѣснотѣ мѣста, можно было расположить не болѣе 6 орудій. Тучковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одну первую гренадерскую дивизію, такъ какъ дивизія Коновницына уже ушла въ это время на помощь Багратіону; расположилъ онъ ее такъ, что справа она входила въ связь съ егерями Шаховскаго. Сзади Тучкова, служа ему опорой, стояли ратники Московскаго ополченія, вооруженные большею частью пиками.

Дѣйствія егерей Шаховскаго, съ поддерживающими ихъ двумя егерскими полками, выдѣленными изъ дивизіи Невѣровскаго, къ сожалѣнію, ни въ одномъ изъ сочиненій, посвященныхъ Бородинскому бою, не выяснены съ достаточной подробностью. А между тѣмъ болѣе чѣмъ очевидно, что именно работа этихъ егерей оказала на ходъ Бородинскаго сраженія самое существенное вліяніе. Дѣйствительно, всѣ описанія Бородинскаго боя единогласно подтверждаютъ, что Понятовскій, не замѣчая ослабленія на половину войскъ Тучкова и *опасаясь быть обойденнымъ слева и отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ*, долго медлилъ съ наступленіемъ впередъ и ограничивался одною канонадой; только около *половины одиннадцатаго*, когда подоспѣлъ въ лѣсъ корпусъ Жюно и, ввязавшись въ бой съ тѣми же егерями, отвлекъ ихъ отъ дѣйствій, грозившихъ лѣвому флангу Понятовскаго, послѣдній получилъ возможность дѣйствовать рѣшительнѣе. Такимъ образомъ эти шесть егерскихъ полковъ, очевидно, по причинѣ присущаго намъ, еще съ Екатерининскихъ временъ, умѣнья пользоваться разсыпнымъ строемъ и специально подготовленными для того войсками, выполнили двѣ задачи огромной важности: во-первыхъ, они задержали Понятовскаго и этимъ заставили французовъ истощить цѣлый рядъ немѣрныхъ усилій и положить массу бесполезныхъ жертвъ противъ Семеновскихъ флешей; во-вторыхъ, они же задержали наступленіе Жюно, который только подъ самый конецъ боя на Семеновскихъ высотахъ оказалъ существенное вліяніе на паденіе флешей, появившись съ юга.

Весьма возможно, что если бы значеніе того лѣснаго пространства, гдѣ работали эти егеря, было у насъ получше оцѣнено, и если бы сюда прибавлены были еще и тѣ егерскіе полки, которые безъ пользы оставались на правомъ флангѣ позиціи, то ни

**Генераль-лейтенантъ
Карлъ Фодоровичъ Багговутъ.**

Понятовскому не удалось бы продвинуться, ни Жюно, а потому, быть может и флеша Багратионовы удержались бы подолѣе въ нашихъ рукахъ и потребовали бы отъ французовъ еще большіхъ усилій.

Понятовскій, положимъ, и на самомъ дѣлѣ достигъ не много, но все же намъ понадобилось привлечь сюда подкрѣпленія, которыя могли бы быть гораздо нужнѣе на болѣе важныхъ участкахъ боя...

Когда, какъ сказано выше, Шаховскому пришлось заняться боемъ съ корпусомъ Жюно, Понятовскій, пользуясь этимъ, потѣснилъ слегка Тучкова и овладѣлъ вышеупомянутымъ курганомъ. Но торжество поляковъ продолжалось не долго; къ крайнему лѣвому нашему флангу подходила 17-я пѣхотная дивизія, т. е. половина II пѣхотнаго корпуса Багговута, подъ его собственною командою. Другая дивизія того же корпуса, 4-я, была, какъ увидимъ ниже, по пути притянута къ батарее Раевского. Самъ Багговуть, взявъ два полка (Брестскій и Рязанскій), свернулъ, пройдя верховье Семеновскаго оврага, прямо на поддержку егерей Шаховского, которые, какъ разъ въ это время были довольно сильно потѣснены вестфальцами Жюно; остальные же два полка (Вильманстрандскій и Бѣлозерскій), подъ командою генераль лейтенанта Олсуфьева, подкрѣпили 1-ую гренадерскую дивизію въ тотъ самый моментъ, какъ она отходила съ позиціи у кургана. Видя появленіе себѣ на поддержку свѣжихъ войскъ, Тучковъ 1-й рѣшилъ, не теряя ни минуты, перейти самъ въ контръ-атаку, чтобы не дать Понятовскому утвердиться на захваченной позиціи. Олсуфьеву, съ подошедшими полками, поручено было обойти лѣвый флангъ поляковъ; самъ Тучковъ направился на нихъ съ фронта съ Павловскимъ полкомъ, а графу Строганову, съ остальными четырьмя гренадерскими полками, приказано было лѣсомъ обойти правый флангъ Понятовскаго. Дружными усиліями всѣхъ этихъ войскъ поляки были отброшены, и, какъ только курганъ оказался въ нашихъ рукахъ, мы тотчасъ же ввезли на него шесть орудій и, поставивъ ихъ на тѣсныхъ интервалахъ, открыли жаркій огонь по войскамъ Понятовскаго.

Происходило это около полудня. Во время означенной контръ-атаки мы потеряли генерала Тучкова, старшаго изъ четырехъ

братьевъ этой фамиліи, героя еще финляндской войны 1808—09 годовъ... Командованіе перешло къ Багговугу. До самаго послѣдняго періода боя на этомъ участкѣ не произошло ничего новаго: обѣ стороны остались въ прежнемъ положеніи и только взаимно разстрѣливали другъ друга.

Не достигнувъ III пѣхотнымъ корпусомъ такихъ рѣшительныхъ результатовъ, какъ первоначально замышлялъ Кутузовъ, мы тѣмъ не менѣе добились весьма многого: разрушили совершенно замыселъ Наполеона обойти польскимъ корпусомъ наше лѣвое крыло у Семеновскаго и способствовали этимъ *конечному неуспѣху на главномъ боевомъ участкѣ*; ибо весь расчетъ Наполеона — прорвать нашъ центръ—былъ основанъ на предварительномъ сбитіи лѣваго крыла у Семеновскаго, съ тѣмъ, чтобы ударъ на этотъ центръ произвести съ обхватомъ обоихъ, уже незащищенныхъ болѣе, фланговъ этого средняго нашего боевого участка.

Это станетъ совершенно яснымъ по изложеніи хода боя у батареи Раевского.

Какъ уже говорилось въ самомъ началѣ, вице-король, по овладѣніи Бородинымъ, нѣсколько выжидалъ, очевидно, результатовъ атаки на Семеновскія флеши. Огромныя батареи французовъ неустанно поливали злополучный „центральный редутъ“—впослѣдствіи прозванный у французовъ „роковымъ“ (la fatale redoute) — непрерывнымъ чугунинымъ дождемъ. Оборона этого боевого участка была, какъ извѣстно, возложена на генерала Раевского. Имѣя впереди себя егерскіе полки по Семеновскому оврагу и вдоль рѣки Колочи, Раевскій, ослабленный на восемь батальоновъ своей второй линіи, притянутыхъ, какъ уже сказано, къ себѣ княземъ Багратиономъ, расположилъ четыре батальона 26-й дивизіи Паскевича правѣе, а четыре батальона 12-й дивизіи Васильчикова лѣвѣе батареи, рассчитывая ударить ими на атакующаго въ охватъ обоихъ фланговъ. Три егерскихъ полка, подъ начальствомъ полковника Вуича, присланныхъ Раевскому въ поддержку изъ IV и VI корпусовъ, образовали за батареей его частный резервъ. Впереди батареи, съ самаго начала сраженія, шла неумолчно жаркая перестрѣлка между нашими егерями и стрѣлками дивизіи Морана... Около 10 часовъ утра вице-король Евгенийъ рѣшилъ, что время приспѣло для атаки центра... Дѣйствительно, въ этотъ моментъ

какъ разъ были взяты (въ третій разъ!) Багратионовы флеши, такъ что можно было рассчитывать на поддержку съ южной стороны. Поэтому дивизіи Брусье отъ Бородино приказано было перейти Колочу и атаковать „курганную батарею“, какъ ее называли у насъ, съ сѣвера; прекраснымъ подступомъ для нея служилъ оврагъ, отдѣляющій вершину, на которой была эта батарея, отъ той, на которой расположена д. Горки. Свойства этого оврага, т. е. крутизна его береговъ таковы, что онъ *не обстрѣливается* отъ Горокъ, т. е. съ позиціи, занятой корпусомъ Дохтурова.

Съ фронта на батарею Раевского направлена была дивизія Морана, имѣя за собою дивизію Жерара въ резервъ, кавалерійскому же корпусу Монбреня велѣно было перейти ручей Семёновскій правѣе Морана и содѣйствовать его атакѣ съ южной стороны.

Первая атака на батарею была произведена однимъ Брусье, не дожидаясь Морана; онъ былъ отбитъ и укрылся въ оврагѣ, гдѣ сталъ приводить свои силы въ порядокъ. Въ 11-мъ часу ударилъ Моранъ, въ свою очередь не дождавшись Брусье, но несмотря на это французская бригада Бонами, воспользовавшись временною задержкой въ доставкѣ на „курганную батарею“ зарядовъ, смаху ринулась на нее, и, около 11 часовъ утра, батарея оказалась у нея въ рукахъ! Положеніе было трагическое: противникомъ захваченъ важнѣйшій пунктъ нашей позиціи, который могъ быть прорванъ и наши силы разрѣзаны на-двое, если бы вице-королю удалось здѣсь утвердиться... Но еще не успѣлъ Моранъ, спѣшившій со своей артиллеріей, чтобы закрѣпить за собою захваченную позицію, дойти до полу-дороги, какъ положеніе радикально измѣнилось.

Квартирмейстеръ 1-й арміи Толь, замѣтивъ опасность, грозившую намъ, поскакалъ къ войскамъ II пѣхотнаго корпуса, совершившимъ въ это время сзади позиціи свое передвиженіе съ праваго фланга на лѣвый, и свернулъ къ кургану одну изъ дивизій этого корпуса, а именно 4-ю пѣхотную дивизію принца Евгенія Виртембергскаго. Но, еще прежде чѣмъ она дошла по назначенію, положеніе было спасено находчивостью и присутствіемъ духа начальника штаба 1-й арміи, генерала Алексѣя Петровича Ермолова...

Въ своихъ запискахъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ замѣчательномъ эпизодѣ такъ:

По полученіи извѣстія объ опасномъ положеніи 2-й арміи (князь Багратіонъ былъ уже раненъ), Кутузовъ обратился къ находившемуся при немъ Ермолову: „Голубчикъ — сказалъ онъ — „сѣзди, посмотри, нельзя ли тамъ что сдѣлать, чтобы *ободрить войско*“. По пути Ермоловъ захватилъ три конныя роты полковника Никитина. Проѣзжая позади батареи Раевского, Ермоловъ замѣтилъ около нея страшную сумятицу, причемъ наши войска, опрокинутыя французами, въ совершенномъ разстройствѣ оставляли свою позицію. Мгновенно сообразивъ всю опасность утраты нами этого пункта, Ермоловъ тотчасъ же и прежде всего велѣлъ бывшей при немъ конной артиллеріи открыть огонь по укрѣпленію, а самъ, схвативъ ближайшій устроенный батальонъ, удержалъ бѣгущихъ и „толпою въ образѣ колонны“, какъ онъ выражается, ударилъ на батарею. Рассказываютъ, что Ермоловъ, во время этой замѣчательной контръ-атаки, бросалъ впередъ георгіевскіе кресты, бывшіе у него, какъ у начальника штаба, въ карманѣ...

Стремительный, бурный натискъ этой „толпы“, одушевленной личнымъ примѣромъ начальника, смелъ все передъ собою. Черезъ четверть часа курганъ Раевского былъ уже въ нашихъ рукахъ, весь устѣянный переколотыми трупами. Самъ бригадный генералъ Бонами, весь израненный штыками, попался въ плѣнъ.

Сброшенный съ кургана противникъ былъ вслѣдъ затѣмъ атакованъ во флангъ батальонами Паскевича и Васильчикова, а посланный Ермоловымъ генералъ Крейцъ, съ тремя драгунскими полками, нѣсколько разъ, при поддержкѣ конной артиллеріи, атаковалъ спѣшившія на помощь Бонами свѣжія войска Морана и замедлилъ этимъ наступленіе этой пѣхоты.

Около 12 часовъ прибылъ сюда главнокомандующій Барклай-де-Толли. Къ этому времени, на смѣну истомленныхъ войскъ Раевского, которыя были отведены въ резервъ, прибыли не только 4-я пѣхотная дивизія принца Евгенія Виртембергскаго, но еще и 24-я дивизія Лихачева (изъ VI корпуса)...

Такимъ образомъ, подвигъ Ермолова далъ намъ возможность не только вернуть утраченное, но и выиграть время для подхода совершенно свѣжихъ подкрѣпленій... Но мы понесли здѣсь и тяже-

А. П. Ермоловъ.

(Съ портрета, находящагося въ музеѣ Императора Александра III).

лую жертву: палъ начальникъ артиллеріи 1-й арміи, молодой 28 лѣтній, подававшій блестящія надежды генераль, графъ Кутайсовъ. Гибель его была несомнѣнно причиною того, что въ Бородинскомъ сраженіи не была нами въ полной мѣрѣ использована наша превосходная по числу орудій и по искусству стрѣльбы артиллерія, и многія батареи такъ и остались до конца боя „забытыми“ въ артиллерійскомъ резервѣ у деревни Псаревой.

Самъ Кутузовъ впослѣдствіи высказывалъ, что Бородинское сраженіе, вѣроятно, имѣло бы для насъ еще лучшей исходъ, если бы остался въ живыхъ графъ Кутайсовъ.

Въ концѣ концовъ, *около полудня* вотъ какое было положеніе обѣихъ сторонъ.

Всѣ атаки французовъ на важнѣйшемъ участкѣ нашемъ, въ центрѣ были отбиты: мы удержали здѣсь свою позицію, за исключеніемъ села Бородина, игравшаго, въ сущности, роль передового пункта, прикрывавшаго переправу черезъ Колочу.

Точно также отраженъ былъ противникъ и на крайнемъ лѣвомъ нашемъ флангѣ, у Утицы, и только Семеновскія флешы намъ пришлось уступить и отойти здѣсь нѣсколько вглубь на пушечный выстрѣлъ.

Французы, послѣ шести съ лишнимъ часовъ непрерывнаго, упорнаго боя, уложившаго у нихъ массу людей, достигли, собственно, только одного, сравнительно маловажнаго, результата: они получили возможность, владѣя Бородинымъ и Семеновскимъ, вести атаку на батарею Раевского одновременно съ фронта и въ обхватъ обоихъ фланговъ.

Къ производству такой атаки въ 1-мъ часу дня уже все было у Наполеона готово. Онъ находилъ теперь, что время достаточно уже назрѣло для производства рѣшительнаго удара, „*coup de collier*“, какъ онъ выражался.

Чтобы поддержать войска вице-короля, долженствовавшія произвести эту атаку, придвинуты были молодая гвардія и вся резервная конница. Артиллерія французовъ, распространившись полу-кольцомъ вдоль берега Семеновскаго оврага, громила сосредоточеннымъ огнемъ наши войска, защищавшія курганную бата-

рею и расположенныя въ резервъ позади нея... Но, въ ту самую минуту, когда казалось, заносилась рука для нанесенія удара, результатомъ котораго былъ бы прорывъ нашего центра, возникло неожиданное смятеніе, сперва въ войскахъ вице-короля, оставшихся за Колочей, а затѣмъ и въ обозахъ французской арміи, которые продолжали цѣликомъ пребывать на сѣверномъ берегу этой рѣчки...

Смятеніе это было вызвано замѣчательнымъ въ военно-историческихъ лѣтописяхъ поискомъ нашей кавалеріи.

Бородинское сраженіе (продолженіе).— Положеніе сторонъ около полудня.— Поискъ Уварова и Платова.— Рѣшительная атака „нурганной“ батареи.— Кавалерійскій бой.— Положеніе русской арміи послѣ отдачи батареи Раевского.— Результаты сраженія.

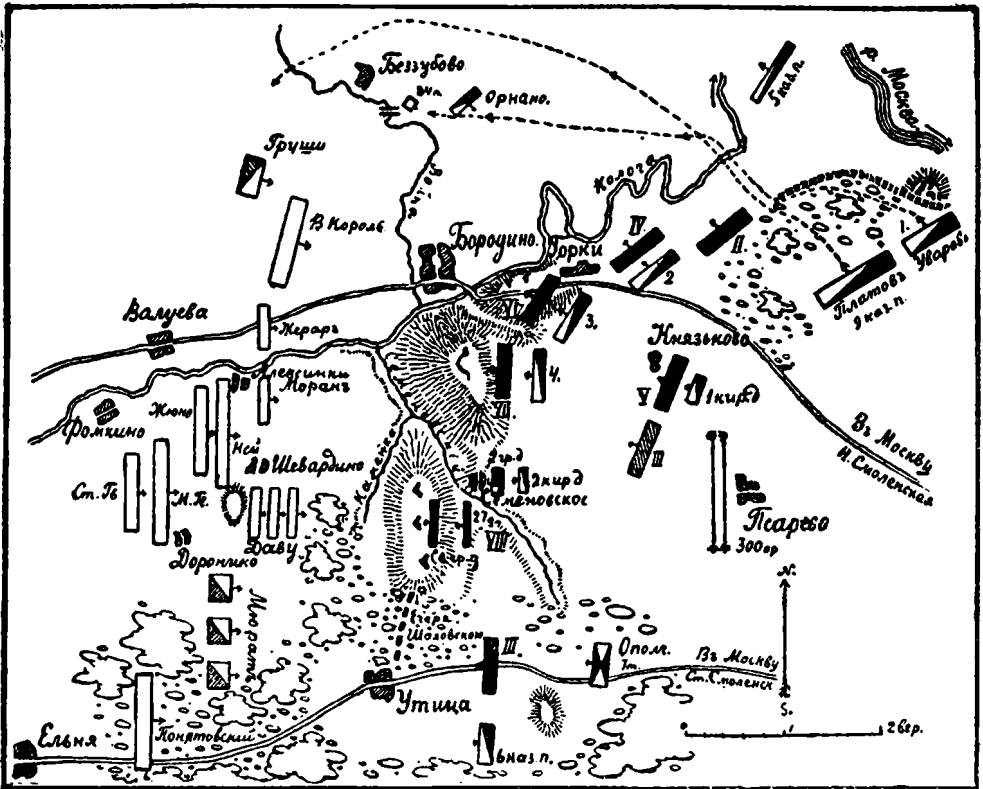

сли припомнятъ читатели, 9 казачьихъ полковъ Платова и I кавалерійскій корпусъ Уварова были, согласно первоначальной диспозиціи, расположены уступомъ за правымъ флангомъ всего нашего боевого порядка, прикрываясь рощей, что къ сѣверо-востоку отъ деревни Князькова. Съ ранняго утра казачьи разъѣзды Платова, проникая на сѣверный берегъ Колочи, выяснили, что тамъ французскихъ войскъ совершенно мало. Тогда Платовъ обратился къ Кутузову съ просьбою разрѣшить ему „въ тылъ сѣздить“ къ противнику, присоединивъ для этой цѣли и I кавалерійскій корпусъ Уварова.

Въ общей сложности образовалась солидная масса около 6 тысячъ коней... Переправясь черезъ Колочу около 12 часовъ

дня, близъ селенія Малаго, эта конница двинулась къ рѣчкѣ Войнѣ, причемъ Уваровъ пошелъ на Беззубово, а Платовъ протянулся еще выше по теченію Войны.

Общая схема Бородинскаго сраженія.

Впереди села Беззубова расположены были: 84-й пѣхотный французскій полкъ и легкая кавалерійская (итальянская) бригада Орнано. Конница Орнано, уклоняясь отъ столкновенія съ превосходными силами Уварова, отошла назадъ, черезъ плотину, за рѣку Войну; что же касается 84-го полка, то этотъ полкъ построился передъ плотиною въ каре; здѣсь находился и самъ вице-король, спѣшно прибывшій на лѣвый свой флангъ, приказавъ по пути слѣдовать туда подкрѣпленіямъ.

Уваровъ немедленно атаковалъ пѣхотныя каре, причемъ первыми налетѣли на нихъ лейбъ-гусары; но они безплодно три раза бросались въ атаку и всякій разъ были отбиваемы, такъ какъ Уваровъ, какъ въ свое время Мюратъ подъ Краснымъ, сдѣ-

**Генераль-отъ-кавалеріи
Федоръ Петровичъ Уваровъ.**

лалъ существенную ошибку, не подготовивъ атаку конницы на пѣхоту огнемъ своей конной артиллеріи. Едва только спохватились и велѣли сняться коннымъ орудіямъ съ передковъ,—какъ 84-й французскій полкъ вынужденъ былъ быстро отступить за плотину, и въ нашихъ рукахъ даже осталось одно орудіе. Самъ вице-король, во время этой атаки, подвергался большой опасности; подъ нимъ была убита лошадь. Но дальше продвинуться Уваровъ съ конницей не могъ: плотина была на томъ берегу сильно занята непріятельскою пѣхотою, къ которой все прибывали свѣжія части, направляемая вице-королемъ, да кромѣ того сзади нихъ находилась окраина села Бородина, также сильно занятаго французами, противъ которой конницѣ ничего нельзя было подѣлать...

Такимъ образомъ ошибка Уварова, не воспользовавшагося сразу своею конною артиллеріею, привела къ потерѣ времени, позволившей французамъ успѣть подтянуть пѣхоту и сдѣлать дальнѣйшій доступъ для нашей конницы въ этомъ мѣстѣ невозможнымъ.

Тѣмъ временемъ Платовъ, продвинувшись вдоль Войны выше Беззубова, отыскалъ тамъ бродъ и перевель своихъ казаковъ на ту сторону Войны. Пользуясь тѣмъ, что мѣстность тамъ покрыта кустарникомъ, скрывавшимъ отчасти ихъ движенія, казаки разсыпались между непріятельскими колоннами и обозами, забрались имъ совершенно въ тылъ и своимъ неожиданнымъ появленіемъ произвели огромный переполохъ...

Наполеонъ, узнавъ о нападеніи нашей конницы на тылъ своего лѣваго крыла, что могло угрожать его пути отступленія, самъ поскакалъ за Колочу и, главное, *задержалъ* уже изготовленную атаку на батарею Раевского; часть войскъ вице-короля, какъ уже сказано, была еще раньше отвлечена въ направленіи Беззубова; кромѣ того, самъ Наполеонъ приказалъ дивизіи] молодой гвардіи, придвинутой къ рѣчкѣ Каменкѣ, пройти оврагомъ къ Колочѣ...

Ограничившись произведенной суматохою въ обозахъ, казаки Платова, видя приближеніе сильныхъ пѣхотныхъ частей, благополучно перебрались черезъ Беззубовскую плотину на лѣвый берегъ Войны, а затѣмъ Уваровъ и Платовъ, получивъ соотвѣтствующее приказаніе, перешли обратно на южную сторону Колочи и стали, около 4 часовъ дня, близъ деревни Горки.

Оцѣнивая дѣйствія Платова и Уварова, можно найти въ нихъ не мало упущеній. Начать съ того, что отсутствіе должной развѣдки, очевидно привело къ тому, что Уваровъ направилъ свой ударъ не особенно удачно на Беззубово, гдѣ условія мѣстности облегчали даже сравнительно слабымъ частямъ пѣхоты задержаніе конницы. Затѣмъ, и Платовъ, и Уваровъ дѣйствовали безъ надлежащей связи другъ съ другомъ, и цѣль нападенія, видимо, ни тому, ни другому не была совершенно ясна. Но надо помнить, что самая мысль о поискѣ возникла экспромтомъ и что вообще подобное примѣненіе конницы являлось чѣмъ то совершенно необычайнымъ, самороднымъ, — будучи всецѣло твореніемъ самобытнаго русскаго ума...

Въ результатѣ, строго говоря, нападеніе Уварова и Платова *непосредственно* не произвело ничего рѣшительнаго; но *послѣдствія* все же имѣло весьма важныя: оно на *цѣлыхъ два часа* отсрочило главную атаку Наполеона на батарею Раевского, что дало возможность намъ не только оправиться, но и сосредоточить сюда свѣжія силы.

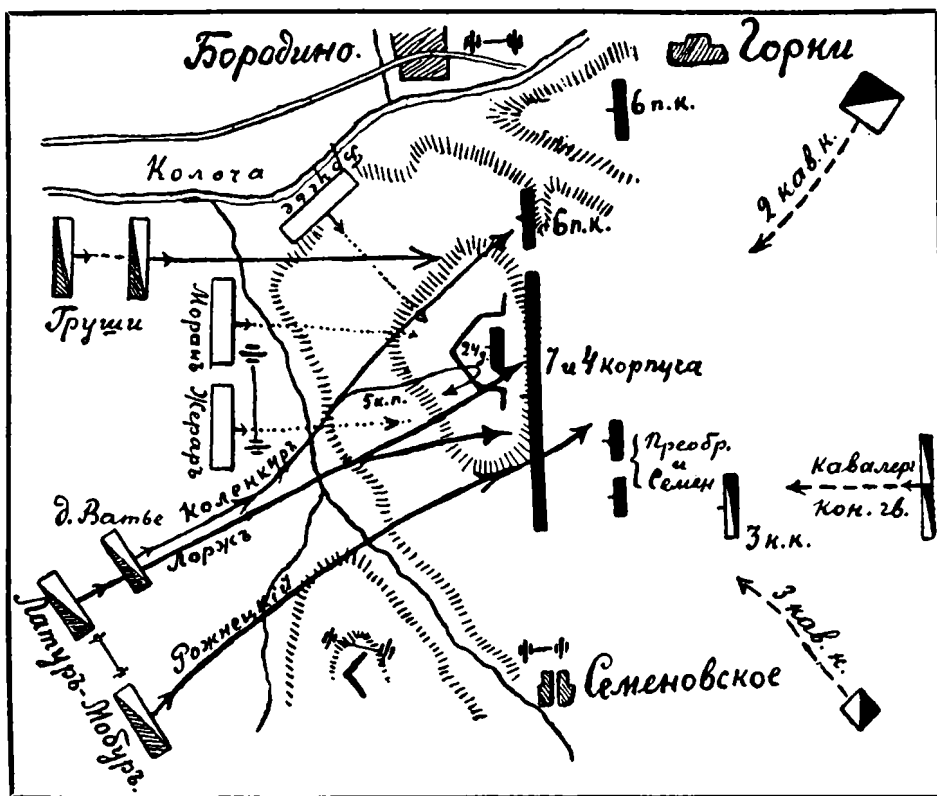
Прежде всего подошелъ весь IV корпусъ Остермана-Толстого, который сперва сталъ въ резервѣ близъ кургана, а затѣмъ занялъ позицію въ первой линіи, лѣвѣе и позади батареи Раевского; за лѣвымъ флангомъ этого корпуса, въ резервѣ, стали пришедшіе изъ общаго резерва Преображенскій и Семеновскій полки... За гвардіей, по прибытіи, должны были стать II и III кавалерійскіе корпуса, а еще за ними полки Кавалергардскій и л.-гв. Конный. На самой батарее и къ сѣверу отъ нея, уступами, расположился VI корпусъ Дохтурова. Около 100 орудій (по большей части — конныхъ) огнемъ своимъ поддерживали это расположеніе; но французы, имѣя батареи и у Бородина, и близъ развалинъ деревни Семеновской, имѣли преимущество охватывающаго положенія, что, понятно, способствовало усугубленію наносимыхъ ими потерь.

Вотъ когда бы надлежало намъ какъ слѣдуетъ использовать нашу резервную артиллерию, о которой, повидимому, за смертью Кутайсова, совершенно забыли. Можно предполагать, что нѣкоторыя батареи все же были отъ Псарева вовлечены въ дѣло по частному почину отдѣльныхъ начальниковъ, но, во всякомъ случаѣ,

далеко не всё... А между тѣмъ, при сученномъ расположеніи нашихъ войскъ за батареей Раевского, перекрестный огонь французской артиллеріи наносилъ имъ тяжелыя потери...

Жестокая канонада болѣе 150 орудій заставила нашу пѣхоту подъ огнемъ перестроиться въ каре; нѣсколько генераловъ нашихъ, тяжело раненыя, выбыли изъ строя; въ томъ числѣ самъ Остерманъ-Толстой, получившій сильную контузію.

Схема послѣдней атаки на батарею Раевского.

Наполеонъ рѣшилъ вести свою атаку съ фронта и обоихъ фланговъ, причемъ справа (съ сѣвера) направлена была пѣхотная дивизія Брусье; съ фронта—двѣ дивизіи, Морана и Жерара, поддержанныя конницей Груши. Съ южной же стороны направлена была только конница Монбрена и Латурь-Мобура.

Прежде всѣхъ атаквала кирасирская дивизія Ватье, изъ корпуса Монбрена, предводимая генераломъ Коленкуримъ. Переправясь черезъ Семеновку у устья Каменки, главная масса кирасир

сирь проскакала мимо батареи и налетѣла на части VI корпуса, стоявшія сѣвернѣе ея; пѣхота наша была опрокинута въ Горицкій оврагъ; послѣдній же полкъ кирасирь, свернувъ вправо, понесся прямо на батарею... Эта смѣлая попытка французской конницы, напоминающая атаку нашей кавалеріи у Суворова въ Рымникскомъ бою на турецкіе окопы или Нижегородскихъ драгунъ въ 1877 году 3 октября подъ Визинкевомъ, не имѣла, однако, того успѣха, который увѣнчалъ помянутые подвиги нашей конницы. Правда, кирасиры перенеслись черезъ ровъ и брустверь злосчастной батареи, уже совершенно почти сравненные съ землей непріятельскими ядрами; но противникъ не былъ въ такой степени поколебленъ духомъ, чтобы подобная атака могла удасться. Пѣхотнымъ огнемъ частей, расположенныхъ за батареею, мы заставили непріятельскихъ кавалеристовъ живо её очистить, а самъ Коленкуръ былъ убитъ ружейною пулей въ горжѣ батареи...

Но уже новыя кавалерійскія массы неслись на насъ съ юго-запада. Латуръ-Мобуръ направилъ свой корпусъ на пѣхоту, расположенную южнѣе батареи, и на неё самоё. Саксонскіе гвардейскіе кирасиры помчались прямо на батарею; остальные полки корпуса налетѣли, болѣе или менѣе удачно, на прочія пѣхотныя наши каре...

Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ!

(„Бородино“ Лермонтова).

Наполеонъ, видимо, рассчитывалъ, сперва конными массами, потрясти нашу стойкую, какъ сталь, пѣхоту, поколебать ея духъ и разстроить её; кромѣ того, конныя атаки, подымая массу пыли, заслоняли движеніе его пѣхоты и навлекали на себя огонь нашей артиллеріи; пользуясь этимъ, пѣхота французовъ, подъ прикрытіемъ этихъ атакъ, могла безнаказанно приблизиться къ атакуемому пункту.

Такъ и случилось. Ворвавшіеся въ батарею снова саксонскіе кирасиры отчаянно рубились съ нашею пѣхотой, предводимой храбрымъ генераломъ Лихачевымъ, который самъ получилъ нѣсколько ранъ... Но едва ли одна конница была бы въ состояніи что либо

подѣлать здѣсь, если бы вице-король не подвелъ за нею всѣ три свои пѣхотныя дивизіи, которыя разомъ, съ трехъ сторонъ, обрушились на обезсиленныхъ героевъ, и, очевидно, вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ ихъ пользу... Барклай-де-Толли самъ сдѣлалъ попытку съ ближайшими батальонами отобрать батарею; но, какъ буря, налетѣла снова польская конница и бросилась на наши каре, отошедшія уже за Горицкій оврагъ.

Здѣсь польскіе уланы налетѣли, между прочимъ, на одну изъ нашихъ батарей, гдѣ находился начальникъ артиллеріи VI корпуса, генераль Костенецкій. Обладая необычайною физическою силою, Костенецкій схватилъ банникъ, ударами его свалилъ съ коней нѣсколькихъ уланъ и, въ концѣ концовъ, съ помощью своихъ людей, отбился отъ непріятеля.

Впослѣдствіи Костенецкій подавалъ Императору Александру проектъ снабдить артиллерію желѣзными банниками, на что воспослѣдовала такая Высочайшая резолюція:

„Желѣзные банники у меня могутъ быть, но откуда взять Костенецкихъ, чтобы владѣть ими?“

Въ этотъ рѣшительный моментъ, когда, по словамъ самого Барклая-де-Толли, „казалось, уже наступила минута рѣшенія участи боя“, изъ резерва подоспѣли кавалергарды и конная гвардія подъ командою генерала Шевича. Они расположились впереди Князькова, за небольшою возвышенностью и, улучивъ минуту, когда непріятельская конница уже охватила съ юга лѣвофланговую 7-ю пѣхотную дивизію Капцевича, кавалергарды, а за ними и конный полкъ, бурею налетѣли на непріятеля и смяли его. Слѣдомъ за ними вскорѣ, съ сѣверо-восточной стороны прискакалъ II кавалерійскій корпусъ генераль-адъютанта барона Корфа и, нѣсколько позже, съ юго-востока, III кавалерійскій корпусъ...

Послѣдовалъ долгій и упорный кавалерійскій бой, но уже утомленные люди и лошади обѣихъ сторонъ не могли наносить стремительныхъ ударовъ. Производились лишь отдѣльныя, частныя атаки, притомъ уже только рысью; кони павшихъ всадниковъ цѣлыми табунами носились по полю...

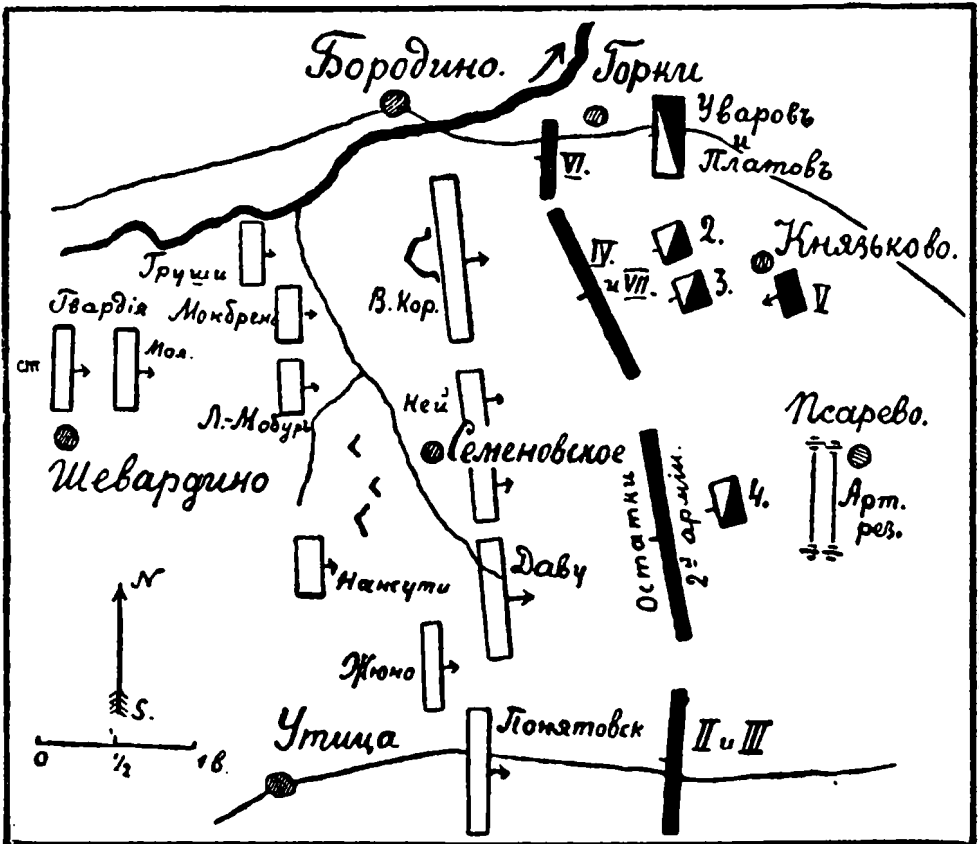
Пользуясь кавалерійскимъ боемъ, вице-король утвердился на батареѣ Раевского и по бокамъ ея; наша же пѣхота получила

возможность сравнительно спокойно отойти на пушечный выстрѣль (около версты) назадъ, выровнявшись по частямъ боевого порядка, ранѣе отошедшимъ отъ Семеновскаго.

Бой понемногу замиралъ, огонь артиллеріи значительно ослабѣлъ, обѣ стороны выжидали, собираясь съ силами и убирая своихъ раненыхъ...

Только на крайнемъ лѣвомъ флангѣ еще кипѣла ожесточенная перестрѣлка; здѣсь вестфальцы Жюно, около 4 часовъ дня, наконецъ, одолѣли егерей Шаховскаго и стали угрожать правому флангу Багговута. Опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ прочихъ силъ, Багговуть отвелъ свои войска на одну высоту съ прочими частями арміи; этимъ воспользовался Понятовскій и снова захватилъ Утицкій курганъ.

Такимъ образомъ, въ общемъ итогѣ, къ шести часамъ вечера, наши войска заняли слѣдующее положеніе:

VI корпусъ стоялъ, упираясь правымъ флангомъ въ батарею, что впереди д. Горки; къ нему нѣсколько подъ угломъ, въ юго-восточномъ направленіи, примыкали соединенные остатки VII корпуса и IV корпусъ; далѣе, впереди Псарева, расположились остатки 2-й арміи, упираясь въ кустарникъ, опушку котораго занимали измайловцы и финляндцы; наконецъ примыкая правымъ флангомъ къ послѣднимъ и направляясь фронтомъ прямо на югъ, по обѣ стороны старой Смоленской дороги, находился III и большая часть II корпуса. Конница располагалась во второй линіи. У Князькова оставались еще остатки резерва, но изъ частей, принимавшихъ въ бою участіе, не были въ огнѣ только четыре егерскихъ полка, бывшихъ на правомъ флангѣ позиціи, да ополченіе...

Но русское воинство, не взирая на порѣдѣвшіе почти на половину ряды свои, продолжало стоять такъ же грозно, какъ прежде, не выказывая намѣренія отступить, несмотря на то, что новая позиція не представляла въ оборонительномъ отношеніи выгоды...

Обыкновенно военные писатели, оцѣнивая результаты Бородинскаго боя, приходятъ къ единоголасному почти выводу, что Наполеонъ, введя въ данную минуту въ дѣло свой послѣдній, отборный и свѣжій резервъ, двадцать тысячъ гвардіи, несомнѣнно вырвалъ бы у насъ изъ рукъ побѣду. Всѣ его маршалы настойчиво убѣждали его рѣшиться на эту мѣру, увѣренные въ неизбежности рокового для насъ исхода; но великій полководецъ, смущенный и потрясенный геройскимъ сопротивленіемъ русскихъ и видя ихъ все еще грозные ряды, несмотря на продолжающуюся убійственную канонаду, категорически отказался отъ рискованнаго шага.

„Je ne ferai pas démolir ma garde. A huit cents lieues de „France on ne risque pas sa dernière réserve!“ (Не дамъ я раз- „рушить свою гвардію. Въ 800 льё отъ Франціи послѣднимъ резервомъ не рискуютъ“). Таковъ былъ отвѣтъ великаго полководца...

И онъ совершенно понятенъ. Ужасныя потери русскаго войска, достигавшія почти *половины* всего наличнаго состава, ему не могли быть извѣстны, какъ и неимѣніе у Кутузова почти совершенно свѣжихъ войскъ, если не считать резервной артиллеріи и ополченцевъ...

Тѣмъ не менѣе, въ первую минуту, Кутузовъ считалъ возможнымъ возобновить бой на слѣдующій день... Онъ даже рѣзко оборвалъ присланнаго къ нему Барклаемъ за приказаніями флигель-адъютанта Вольцогена, который, какъ чистокровный нѣмецъ, конечно, не понималъ той „скрытой теплоты патріотизма“, такъ прекрасно описанной графомъ Л. Н. Толстымъ въ „Войнѣ и Мирѣ“,—и съ нѣмецкой педантичностью исчислялъ передъ главнокомандующимъ наши потери, свидѣтельствующія, по его мнѣнію, о полномъ разстройствѣ арміи.

„Ходъ сраженія извѣстенъ мнѣ самому какъ нельзя лучше,—возразилъ Свѣтлѣйшій. Непрiятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ; завтра погонимъ его изъ священной земли русской“...

Не понять было узкому и одностороннему нѣмецкому уму, что Кутузовъ былъ великій сердцевѣдъ: ему нужно было, прежде всего, сохрaнить духъ своего воинства—и онъ добился этого.

Несмотря на весь ужасъ потерь, доводившихъ дивизіи до размѣровъ полковъ и даже менѣе, ибо во 2-й арміи осталось только 14 тысячъ изъ 34, а въ сводно-гренадерской дивизіи Воронцова—всего 300 человекъ,—наше доблестное воинство бодро готовилось и на слѣдующій день грудью стать за Царя и Россію...

И еще большой вопросъ, какой результатъ имѣло бы это новое сраженіе... Потери французовъ простирались до 40 тыс. и были немного меньше нашихъ (44 тыс.), но въ силу превосходства ихъ въ числѣ, оставшееся у Наполеона въ рукахъ, благодаря подошедшимъ подкрѣпленіямъ, почти вдвое превосходило наши силы (95 тыс. противъ 50). Но эти подкрѣпленія подошли не сразу, а въ теченіе нѣсколькихъ дней... Доказательства налицо: они сами, съ наступленіемъ темноты отошли на свои прежнія позиціи на линіи Шевардина; Наполеонъ ночевалъ, окруженный каре своей гвардіи, опасаясь ночного нападенія...

Такъ окончилась знаменитая въ нашихъ лѣтописяхъ Бородинская битва, въ которой, по мѣткому выраженію Ермолова, „французская армія расшиблась о русскую“.

Значеніе и послѣдствія Бородинской битвы. Оцѣнка дѣйствій Наполеона и русскихъ.

громное, поистинѣ невѣроятное усиліе и кровавыя жертвы, понесенныя французами на Бородинскихъ поляхъ, принесли имъ, въ сущности, результатъ весьма скудный. Русская армія была ослаблена на половину, но не обезсилена, не лишена способности къ продолженію боя и, если таковой не былъ возобновленъ подъ стѣнами Москвы, то это явилось, какъ увидимъ ниже, преднамѣреннымъ, заранѣе продуманнымъ Кутузовымъ исходомъ...

Многіе (напримѣръ, хотя-бы Г. А. Лееръ) ограничиваютъ внутренній смыслъ Бородинской битвы тѣмъ, что она являлась искупительной жертвой за уступку Москвы французамъ, какъ бы полагая даже эту жертву въ общемъ ходѣ войны излишней и только неизбѣжной потому, что этого требовала наша народная гордость. Другіе, между прочимъ и графъ Л. Н. Толстой въ „Войнѣ и

Мирѣ“, признають, что подъ Бородинымъ французы получили ту страшную рану, которая, продолжая съ тѣхъ поръ кровоточить непрерывно, въ концѣ концовъ постепенно ослабила и погубила ихъ.

Несомнѣнно, второе мнѣніе справедливѣе, особенно, если къ условіямъ матеріальнымъ прибавить еще гораздо болѣе важныя условія *духа*, о которыхъ всѣ знаютъ, что они въ военномъ дѣлѣ значатъ гораздо больше, чѣмъ всѣ иныя прочія условія („*три четверти*“, какъ опредѣлялъ самъ же Наполеонъ), но о которыхъ обыкновенно очень часто забываютъ...

Прежде всего все то, что во французской арміи выбыло изъ строя, и выбыло почти безвозвратно, очевидно, являлось наилучшимъ, наиболѣе надежнымъ въ моральномъ отношеніи. При томъ небываломъ упорствѣ, которое выказали русскіе подъ Бородинымъ, французамъ приходилось завоевывать каждый, самый ничтожный успѣхъ гигантскими усиліями и, конечно, въ этихъ усиліяхъ гибли лучшія силы, цвѣтъ французскаго воинства, въ особенности же—лучшіе предводители-офицеры... *) Несомнѣнно, что потери подъ Бородинымъ расшатали устои, на которыхъ держалась дисциплина въ великой арміи, и та распушенность и развалъ, которые съ такою поразительною быстротою проявились въ ней за время пребыванія въ Москвѣ, несомнѣнно завистли отъ того качественного ухудшенія состава этой арміи, который былъ прямымъ послѣдствіемъ Бородинскихъ потерь. Короче говоря, подъ Бородинымъ было выбито у французовъ почти все самое лучшее, самое сильное, особенно въ смыслѣ *духовной стойкости*; а она то, оказалось, всего болѣе и подверглась испытаніямъ въ послѣдующемъ періодѣ войны.

Независимо этого, самый исходъ Бородинскаго сраженія, совершенно непохожій на все то, къ чему за много лѣтъ привыкла избалованная побѣдами французская армія, не могъ не потрясти внутренно каждого, начиная отъ самого великаго предводителя и до каждого рядового.

Не было взято почти вовсе ни трофеевъ, ни плѣнныхъ; число захваченныхъ французами нашихъ орудій (17) немногимъ

*) Однихъ бригадныхъ генераловъ убито девять и ранено двадцать три; изъ семнадцати вышедшихъ изъ строя начальниковъ дивизій убито трое.

превышало количество взятыхъ нами въ томъ же бою французскихъ пушекъ (13)... Насколько подавлено и тревожно было настроеніе во французской арміи непосредственно послѣ боя, доказывается тѣмъ, что французы отошли обратно на прежнія позиціи и, видимо, опасались ночного нападенія русскихъ, такъ какъ Наполеонъ приказалъ окружить свою ставку со всѣхъ сторонъ полками своей гвардіи въ видѣ каре...

Для насъ необходимость отступить къ Москвѣ вызывалась тѣмъ же соображеніемъ, которое, нѣсколько дней спустя, 1 сентября, заставило Кутузова рѣшиться на уступку Москвы непріятелю. Въ настоящее время, когда намъ извѣстны всѣ событія въ ихъ совокупности и когда мы можемъ взвѣсить и оцѣнить всѣ послѣдствія совершившагося, мы совершенно ясно понимаемъ всю спасительность принятаго Кутузовымъ рѣшенія, не только потому, что отдача *Москвы спасала* русскую армію, но еще и потому, что эта отдача *губила* армію непріятельскую...

Но въ ту минуту, когда еще не разсѣялся пороховой дымъ отъ канонады на Бородинскомъ полѣ, не засохла кровь на его поляхъ, и не застыли павшіе на нихъ трупы, предвидѣть и охватить всѣ эти послѣдствія было немыслимо даже такому прозорливцу, какимъ былъ Кутузовъ... Въ первую минуту послѣдней мысли объ отдачѣ Москвы даже казалась невозможной. Самое донесеніе его Государю немедленно послѣ Бородина, помѣченное 27-мъ августа и посланное еще съ Бородинской позиціи, предусматривало только отходъ за Можайскъ... Это донесеніе было составлено имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель 24-го числа „производилъ атаку важными силами на лѣвый флангъ нашей „арміи, 25-е число прошло въ томъ, что онъ не занимался важными „предпріятіями, но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ „4 часа, съ разсвѣтомъ, направилъ всѣ свои силы на лѣвый „флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее и продолжалось до „самой ночи; потеря съ обѣихъ сторонъ велика; уронъ непріятельскій, судя по упорнымъ его атакамъ на нашу укрѣпленную „позицію, долженъ весьма нашъ превосходить. Войска Вашего „Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрною храбростью; батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ,

„что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами. Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться, и за потерю, сей день сдѣланною, позицію, прежде занимаемая, естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстною, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ и, собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжа мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ теплому упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противъ непріятели. Къ сожалѣнію, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу; генераль-лейтенанты Тучковъ и князь Горчаковъ, генераль-маіоры Бахметьевъ, графъ Воронцовъ, Кретовъ — ранены. У непріятели взяты плѣнные и пушки и одинъ бригадный генераль; теперь ночь и не могу разобратъся, есть ли съ нашей стороны таковая потеря“...

Августа 27 дня 1812 года.
Позиція при Бородинѣ.

Въ этомъ донесеніи обращаетъ на себя вниманіе ясно выраженная общая идея всѣхъ дѣйствій Кутузова, руководившая имъ до самаго конца войны: не гоняться за славою „выигранныхъ баталій“, а добиваться всѣми средствами и мѣрами „истребленія“ французской арміи...

Внутренняя борьба, которая происходила въ Кутузовѣ и которая разрѣшилась окончательно въ Филяхъ, видна, между прочимъ, изъ его переписки съ графомъ Растопчинымъ, главнокомандующимъ Москвы. Еще 19 августа, когда армія наша отходила отъ Царева-Займища къ Бородину, Растопчинъ спрашивалъ Кутузова, намѣренъ ли онъ защищать Москву или же отступить для сохраненія арміи... Но еще прежде полученія этого письма, самъ Кутузовъ написалъ графу, по прибытіи въ Гжатскъ, слѣдующее: „Не видѣвшись еще съ командовавшимъ доселѣ арміями господиномъ военнымъ министромъ и не будучи еще достаточно освѣ-

„щень о вѣсѣхъ средствахъ, въ нихъ имѣющихся, не могу сказать „ничего положительнаго о будущихъ предположеніяхъ на счетъ „дѣйствія армій. *Не рѣшенъ еще вопросъ: потеряютъ ли армію или „потеряютъ Москву? По моему мнѣнію—съ потерей Москвы соединена „потеря Россіи“.*

Это писалъ до Бородина тотъ же Кутузовъ, который послѣ Бородина, заключилъ военный совѣтъ въ Филяхъ обратнымъ заявленіемъ, сказавъ, что „съ потерей Москвы не потеряна Россія, доколь сохранена будетъ армія“... Очевидно, такой переворотъ въ мысляхъ Кутузова произвели событія и, прежде всего,—Бородинская битва.

Однако, рѣшеніе это сложилось не сразу. Въ первомъ же своемъ увѣдомленіи графу Раstopчину, писанному въ ночь послѣ Бородинскаго сраженія, одновременно съ вышеприведеннымъ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ, Кутузовъ писалъ: „Намѣреніе мое, „хотя баталія и совершенно выиграна, состоитъ въ томъ, чтобы, „для нанесенія сильнаго почувствованія непріятелю, притянувъ „къ себѣ столько способовъ, сколько можно получить у Москвы, „выдержать рѣшительную можетъ быть битву съ нѣскольکو уже „пораженными непріятельскими силами“... 30 августа, будучи въ 35 верстахъ отъ Москвы, главнокомандующій опять повторялъ Раstopчину: „мы приближаемся къ генеральному сраженію у Москвы“... Изъ этого видно, до какой степени трудно было свѣтлѣйшему свыкнуться съ мыслью о томъ, чтобы отдать непріятелю первопрестольную столицу.

Сознаніе тяжкой отвѣтственности передъ Государемъ и Родиной, неизвѣстность о дальнѣйшей судьбѣ отечества, скорбь, понятная каждому истинно-русскому сердцу при мысли о томъ, что можетъ ожидать Москву, съ ея столь чтимыми всѣмъ русскимъ народомъ святынями, съ переходомъ ея въ руки высокоумныхъ и беззащитныхъ завоевателей — вотъ мысли и чувства, которыя приходилось переживать престарѣлому главнокомандующему, на коего съ надеждой обращались взоры всей Россіи...

И онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой трудной внутренней борьбы, избравъ именно то рѣшеніе, которое, какъ показало будущее, всего вѣрнѣе приводило къ конечной цѣли всѣхъ его дѣйствій—къ истребленію непріятеля.

И это рѣшеніе было вызвано конечнымъ исходомъ Бородинскаго сраженія...

Какъ это ни странно, но приходится признать, что ббльшій успѣхъ подъ Бородинымъ, если бы онъ былъ нами достигнутъ, никогда не привелъ бы къ такому исходу кампаніи, какого желалъ Кутузовъ, т. е. къ полному истребленію французской арміи... Если бы атака Наполеона въ этомъ сраженіи была нами рѣшительно отбита, настолько, что французамъ пришлось бы отступить, то они отошли бы на свои подкрѣпленія и жизненныя средства; они получили бы возможность усилиться, пополнить продовольствіе и обезпечить себѣ его непрерывный притокъ, а намъ оказать солидный отпоръ въ теченіе всей зимы гдѣ либо, положимъ, у Смоленска, а затѣмъ, къ слѣдующей кампаніи, стянуть новыя средства для борьбы, окончательный исходъ которой въ этомъ случаѣ было бы весьма трудно предсказать... Напротивъ, то обстоятельство, что Наполеона какъ то инстинктивно все время тянуло поскорѣе захватить Москву, именно и послужило наиболѣе для насъ выгоднымъ и спасительнымъ, хотя въ ту минуту, когда разыгрывались событія, мы всѣми силами противодѣйствовали какъ разъ тому, что впослѣдствіи насъ и выручило, а именно—отдачу Москвы въ руки непріятеля.

Только послѣ паденія Москвы, какъ справедливо отмѣчаетъ Г. А. Лееръ, наши дѣйствія окончательно и безповоротно вошли въ русло той основной идеи, которая естественно вытекала изъ столь же основной ошибки Наполеона, допустившаго себя растянуть свои сообщенія до непомѣрной длины, не имѣя средствъ для надежнаго ихъ обезпеченія...

Съ этой точки зрѣнія тотъ исходъ Бородинскаго сраженія, который повлекъ за собою наше отступленіе къ Москвѣ, а потомъ и за Москву, съ отдачей послѣдней въ руки непріятеля, оказывался для насъ *даже выгоднымъ*. Дѣйствительно: сообщенія Наполеона, и безъ того весьма длинныя и опасныя, еще болѣе удлиннялись, и онъ удалялся отъ своихъ источниковъ пополненія; ему приходилось расходовать еще больше, чѣмъ прежде силъ и средствъ на обезпеченіе этихъ сообщеній и, какъ увидимъ далѣе, для организациіи самаго снабженія, такъ какъ расчетъ на то, чтобы найти нужныя средства въ Москвѣ, *оказался ошибочнымъ*...

Наоборотъ, нашъ отходъ за Москву, особенно при условіи того мастерскаго маневра, который (какъ увидимъ впослѣдствіи) былъ сдѣланъ Кутузовымъ, мы сблизились съ источниками нашихъ силъ и средствъ и надежно ихъ прикрыли отъ непріятельскихъ покушеній...

Всѣ эти обстоятельства съ полнымъ на то правомъ позволяютъ въ настоящее время считать Бородинскій бой побѣдоноснымъ для русскаго оружія,—какъ это сдѣлалъ и самъ Кутузовъ въ первыхъ же донесеніяхъ своихъ, несмотря на то, что ближайшимъ послѣдствіемъ этого боя былъ не только отходъ назадъ, но и отдача столицы...

Кутузовъ впослѣдствіи до самой смерти продолжалъ повторять, что Бородинское сраженіе было побѣдой, а мы теперь имѣемъ основаніе не только подтвердить это, но и утверждать, что оно стало побѣдой именно потому, что разыгралось такъ, а не иначе...

Сокрушить Наполеона совершенно, какъ это въ то время, видимо, понималъ только одинъ Кутузовъ, нельзя было одною выигранною баталіей или даже рядомъ ихъ, а только *совершеннымъ истребленіемъ* его силъ. Для этого надо было открыть, въ чемъ заключается главная ихъ слабость, гдѣ ихъ *больное мѣсто*. И это удалось Кутузову, а вслѣдъ за нимъ, весьма быстро, его мысль, гораздо лучше и вѣрнѣе многихъ ближайшихъ его сотрудниковъ, понялъ или, скорѣе, почувствовалъ инстинктомъ *весь русскій народъ*, единодушно принявшійся бить все по тому же *больному мѣсту*..

Обращаясь къ оцѣнкѣ нашихъ дѣйствій подъ Бородинымъ, надо сказать, что необычайная сила натиска французовъ и необходимость, вслѣдствіе этого, быстро израсходовать наши резервы, а затѣмъ—перемѣстить войска съ самыхъ первыхъ часовъ боя съ неугрожаемыхъ боевыхъ участковъ на угрожаемые, лишила нашего полководца средствъ рѣшительно воздѣйствовать на его ходъ. Пришлось ограничиться однимъ могучимъ отпоромъ, который, естественно, перешелъ въ руки частныхъ начальниковъ. Единственною попыткой серьезно перемѣстить въ свои руки починъ былъ поискъ Уварова и Платова, который имѣлъ огромный результатъ, ибо сдѣлалъ для французовъ невозможнымъ прорывъ нашего центра въ самую опасную для него минуту.

Но въ отношеніи работы частныхъ начальниковъ Бородинскій бой даетъ рядъ замѣчательныхъ образцовъ. Достаточно указать хотя бы распоряженія князя Багратіона по сосредоточенію силъ для обороны Семеновскаго или поступокъ Ермолова, оказавшіяся прямо таки спасительнымъ. Всѣ начальники, всѣ роды войскъ соперничаютъ между собою въ мастерствѣ использованія всѣхъ своихъ свойствъ и въ искусствѣ взаимодействія между собою. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательна оборона Семеновскаго, а также бой у Шевардина и, наконецъ, заключительный актъ сраженія,—послѣдняя борьба у батареи и за батареей Раевского...

Да и самый поискъ конницы въ тылъ французовъ, несмотря на то, что не былъ доведенъ до конца и не имѣлъ непосредственнаго рѣшительнаго результата, долженъ быть отмѣченъ, какъ мы уже указывали выше, въ качествѣ своеобразнаго въ то время примѣненія конницы, всецѣло принадлежащаго русскому творчеству.

Управленіе сраженіемъ со стороны Кутузова было, главнымъ образомъ, только моральное. Не будучи въ состояніи, отчасти по причинѣ принятой группировки силъ, отчасти вслѣдствіе быстрого истощенія резервовъ, руководить ходомъ боя, онъ ограничивался тѣмъ, что старался всячески ободрять свои войска, поднять ихъ духъ. Быть можетъ, этимъ отчасти можно объяснить и то, что Кутузовъ во все время сраженія продолжалъ неизмѣнно оставаться на прежнемъ своемъ мѣстѣ пребыванія у деревни Горокъ: внѣшнее спокойствіе главнокомандующаго несомнѣнно должно было вліять на всѣхъ ободряющимъ образомъ...

Что касается Наполеона и его войскъ, то, вопреки мнѣнію многихъ, обычное искусство нимало не измѣнило имъ въ этомъ сраженіи и, если результаты не оправдали ожиданій, то только потому, что противникъ дѣйствовалъ почти также искусно...

Не слѣдуетъ забывать, что французскія войска достигли въ отношеніи маневрированія на полѣ сраженія замѣчательнаго совершенства. Если изучить пріемы, примѣненные ими въ Бородинскомъ бою для атаки хотя бы Семеновскаго или батареи Раевского, то можно изумляться искусству, съ которымъ оказывали у нихъ другъ другу подлежащую поддержку всѣ три рода войскъ.

Если же провѣрить направленія этихъ атакъ на самой мѣстности, то еще болѣе удивишься тому искусству, съ которыми они пользовались малѣйшими складками для укрытія тогдашнихъ строевъ, гораздо болѣе компактныхъ, чѣмъ нынѣшніе.

И несмотря на это, несмотря на необходимость съ самыхъ же первыхъ минутъ боя привлечь ко всѣмъ пунктамъ атаки подкрѣпленія, всѣ эти искусные тактическіе приемы увѣнчались самымъ ничтожнымъ успѣхомъ, да и тотъ дался цѣною гигантскихъ усилій...

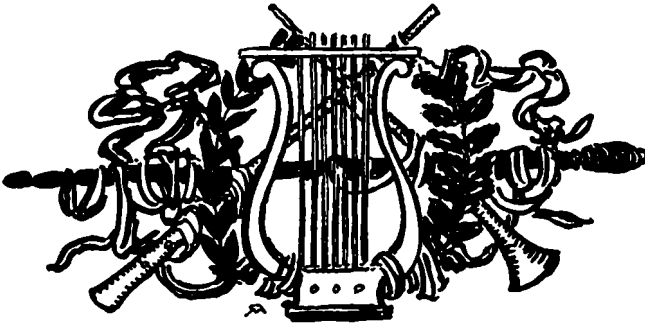
У Наполеона въ Бородинскомъ бою нѣтъ обычной увѣренности въ себѣ, нѣтъ той рѣшительности и смѣлости, которыя обыкновенно характеризуютъ собою его дѣйствія... Конечно, нельзя приписывать это, какъ дѣлаетъ большинство французскихъ писателей, недомоганію, вызванному насморкомъ. Скорѣе всего, какъ мы и указывали, надо искать главную причину въ томъ, что упорное сопротивленіе русскихъ еще подъ Смоленскомъ и въ прочихъ бояхъ кампаніи, а затѣмъ въ первые же часы Бородинскаго боя, дало Наполеону почувствовать серьезность положенія, что и удерживало его отъ всякаго, сколько нибудь рискованнаго, шага...

Надлежитъ наконецъ отмѣтить ту необычайную доблесть и самоотверженность, которую поголовно проявили въ этомъ замѣчательномъ сраженіи наши войска, отъ генерала и до послѣдняго рядового. Отстаивая Московскія святыни, русскіе люди дрались, какъ львы, и нѣкоторыя части войскъ дошли до полнаго почти истребленія. Такъ, отъ шести батальоновъ сводно-гренадерской дивизіи Воронцова осталось всего навсего *около 300 человекъ*. Астраханскій кирасирскій полкъ, насчитывавшій передъ боемъ до 400 всадниковъ, имѣлъ въ своихъ рядахъ девяносто пять человекъ, т. е. превратился въ *слабый эскадронъ*. Осматривая, по порученію Кутузова, вторую армію, Толь, подъѣхавъ къ какой то части войскъ, спросилъ: „какой это полкъ?“ и получилъ въ отвѣтъ: „это вторая гренадерская дивизія“...

Французы сражались также съ большимъ одушевленіемъ и храбростью; однѣ и тѣ же части войскъ соперничали другъ съ другомъ, истощаясь въ повторныхъ атакахъ. Начальники и у нихъ

не щадили себя; не даромъ Бородино, по количеству выбывшихъ изъ строя съ обѣихъ сторонъ высшихъ начальствующихъ лицъ, прозвано „битвою генераловъ“...

Въ результатъ, Бородино было скорѣ всего не сраженіемъ, а побоищемъ, въ которомъ обѣ стороны напрягали всѣ усилія, чтобы сломить другъ друга и, въ концѣ концовъ, ни та, ни другая не достигли ничего рѣшительнаго.

**ПОРТРЕТЫ, КАРТИНЫ, СХЕМЫ и ВИНЬЕТКИ, ПОМѢЩЕННЫЕ
ВО II-мъ ТОМѢ.**

П О Р Т Р Е Т Ы:

	Стр.
Александръ I-й, Императоръ . .	161
Багговуть, К. Ф. .	295
Виртембергскій Евг., принцъ . . .	193
Бертъе, Жюно, Жераръ и Ожеро, французскіе маршалы	273
Вандамъ, Груши, Лефевръ и Мортъерь, французскіе маршалы .	275
Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій М. И., князь	229
Горчаковъ А. И., князь . . . [] .	255
Дохтуровъ .	189
Ермоловъ, А. П. .	299
Коновницинъ П. П., графъ	215
Карповъ, Е. Е. .	269
Корфъ, Ф. К. . .	205
Милорадовичъ М. А., графъ	263
Наполеонъ I-й	227
Невѣровскій, Д. П. .	179
Орловъ-Денисовъ В. В., графъ .	215
Раевскій, Н. Н. . .	293
Тучковъ I-й, Н. А.	261
Тучковъ 3-й, П. А.	215
Уваровъ, Ф. П.	303

К Л Р Т И Н Ы:

	Стр.
Коптрь-атака литовцевъ, рис. Н. Самокиша .	391
Сраженіе при Бородино 26 августа, рис. Гессъ	283
Сраженіе при Смоленскѣ 5 августа, рис. Гессъ .	195
Сраженіе подъ Краснымъ 2 августа, рис. Гессъ . .	177

С Х Е М Ы:

	Стр.
Схема расположенія войскъ при Смоленскѣ .	165
Карта объясненій дѣйствій при Смоленскѣ . .	166
Схема переправы войскъ черезъ Днѣпръ у Прудищева	202
Схема расположенія войскъ 7 августа у Смоленска .	204
Схема боя подъ Краснымъ	177
Планъ города Смоленска	183
Схема боя 5 августа	190
Схема боя у деревни Тебеньковой	214
Схема Шевардинскаго боя	251
Планъ дѣла при Шевардинѣ	254
Общая схема Бородинскаго сраженія	279
Схема боя за Семеновскимъ оврагомъ	289
Схема послѣдней атаки на батарею Раевского	305
Схема Бородинскаго сраженія .	308
Подробная карта Бородинскаго сраженія въ концѣ книги.	

ЗАСТАВКИ, КОНЦОВКИ и БУКВЫ:

Заглавный и послѣдній листъ, заставки, концовки и буквы рис. М. Яковлевъ.

	Стр.
Г л а в а X. Заставка и буква „С“	161
Концовка	174
Г л а в а XI. Заставка и буква „Е“	175
Концовка	196
Г л а в а XII. Заставка и буква „П“	197
Концовка	222
Г л а в а XIII. Заставка и буква „П“	223
Концовка	240

Глава XIV. Заставка и буква „И“	Стр. 241
Концовка	258
Глава XV. Заставка и буква „К“	259
Концовка	276
Глава XVI. Заставка и буква „О“	277
Концовка	300
Глава XVII. Заставка и буква „Е“	301
Концовка .	310
Глава XVIII. Заставка и буква „О“	311
Концовка	320

